МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

МУРАТОВ АРТУР ЭДУАРДОВИЧ

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1865–1917 ГГ.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Багаудинов Радик Олегович

Уфа – 2025

Оглавление

Введение 3
Глава I. Основные этапы развития ислама и института мусульманского духовенства на Южном Урале 31
1.1 Начало распространения и развитие ислама в Южноуральском регионе в X – середине XIX вв. 31
1.2 Развитие ислама в Уфимской губернии в 1865–1917 гг. 53
1.3 Формирование и основные этапы становления мусульманского духовенства Уфимской губернии 80
Глава II. Положение мусульманского духовенства Уфимской губернии в социальной структуре и системе государственно-конфессиональных отношений в 1865–1917 гг. 107
2.1 Нормативно-правовая база деятельности мусульманского духовенства Уфимской губернии 107
2.2 Положение мусульманского духовенства в социальной структуре Уфимского губернского общества в 1865–1917 гг. 130
2.3 Взаимоотношения мусульманских священнослужителей Уфимской губернии и властных структур 147
Глава III. Социокультурная характеристика и функции служителей мусульманского культа Уфимской губернии в 1865–1917 гг. 164
3.1 Динамика численности и размещение мусульманского духовенства Уфимской губернии 164
3.2 Социальное и материальное положение мусульманского духовенства 180
3.3. Служебно-идеологические и культурно-просветительские функции 195
Заключение 224
Список источников и литературы 233
Приложение 283

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время ислам является одним из ключевых факторов внутриполитического развития Российского государства, а численность его последователей, проживающих преимущественно на территории Поволжья, Урала, Северного Кавказа и Сибири, по разным данным составляет от 10 до 30 млн. человек[1]. Глава российского государства В.В. Путин, во время одного из своих выступлений, подчеркнул: «Без всяких сомнений, традиционный ислам является важнейшей частью российского культурного кода, а мусульманская умма – без всякого сомнения, важная часть российского многонационального народа»[2].

В становлении и развитии мусульманской религии в России значимую роль играло и продолжает играть духовенство, которое служило связующим звеном между государством и исламской общиной, заботясь о нравственном и духовном развитии последней. Особое место служители исламского культа занимают в истории Республики Башкортостан (основная часть в 1865–1917 гг. принадлежала Уфимской губернии), столица которой – г. Уфа, с 1788 г. и до 1917 г. была центром пребывания Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – первой официальной организации мусульман в России*.

Наиболее значимо проявили себя представители мусульманского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв., когда они не только способствовали росту общественно-культурной и социально-политической активности населения, исповедующего ислам в крае, но и сами участвовали в общественно-политической жизни региона и страны. Так, широко известны имена религиозных деятелей М.М. Султанова, С.Ш. Тевкелева, депутатов Государственных дум от Уфимской губернии М.М. Тукаева, М.М. Хасанова, Я.Х.

---

[1] URL: https://medinaschool.org/library/obshestvo/istoriya-islama/skolko-musulman-v-rossii.
[2] URL:https://tass.ru/obschestvo/4900658.
* В настоящее время ее преемником считает себя Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ России), одна из резиденций которой находится в Уфе, в здании, где некогда располагалось ОМДС.

Хурамшина, ученого-просветителя Р.Р. Фахретдинова, участников башкирского национального движения Г.Р. Фахретдинова, С.С. Магазова и др.

Начавшийся в постсоветской России с 1990-х гг. «мусульманский ренессанс»[1], вызвал большой интерес к изучению истории ислама и его современного положения в стране в целом и в Башкортостане в частности. В настоящее время вышло большое количество монографических исследований и статей, посвященных разным аспектам развития исламской религии в регионе.

Вместе с тем, практически без внимания исследователей остались вопросы, связанные с изучением личностей служителей исламского культа – духовенства, его развитием и ролью в жизни населения в крае. Принимая во внимание, что многие стороны религиозно-государственных отношений в дореволюционный период позволяют лучше понять процессы, происходящие в современном Башкортостане, проблема исследования становления и развития мусульманского духовенства приобретает наибольшую актуальность в наши дни. Это особенно заметно в свете того, что до сих пор данной теме не уделялось должного внимания.

Объектом изучения диссертации является мусульманское духовенство Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Предметом диссертационного исследования является история мусульманского духовенства, его правовое, социальное и материальное положение, взаимоотношение с властью, динамика численности и многосторонняя деятельность в общественно-политической и культурной жизни края.

Цель исследования – комплексное изучение положения и деятельности мусульманского духовенства Уфимской губернии в 1865–1917 гг.

Для реализации указанной цели предполагается решение следующих **задач**:

– Изучить основные этапы развития ислама и мусульманского духовенства на Южном Урале с X и до начала XX в.;

[1]Королева Л.А. Исламский «ренессанс» (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2013. 168 с.

– Рассмотреть правовую основу деятельности и положение мусульманского духовенства Уфимской губернии в социальной структуре региона и системе государственно-конфессиональных отношений края в 1865–1917 гг.;

– Определить динамику численности и размещения служителей мусульманского культа Уфимской губернии в 1865–1917 гг., рассмотреть их социокультурные особенности и функции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие мусульманского духовенства Уфимской губернии в изучаемый период времени было неразрывно связано с историей распространения и развития ислама на Южном Урале в X – середине XVI вв., а также с общественно-политическими, социально-экономическими и этнокультурными процессами, которые имели место в регионе в середине XVI – первой половине XIX вв.

2. Учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания в 1788 г. не только отразило трансформацию государственной политики в отношении ислама и мусульманского населения, но и стало отправной точкой для формирования новой структуры мусульманского духовенства. Её возглавлял муфтий, а под ним находились кадии, ахуны, хатибы, имамы и муэдзины. Об эффективности работы данной системы свидетельствует тот факт, что она практически в неизменном виде просуществовала вплоть до Февральской революции 1917 г.

Кроме того, создание Оренбургского магометанского духовного собрания позволило государству контролировать процесс выбора и утверждения приходского мусульманского духовенства, исключая неблагонадёжных и случайных кандидатов.

3. В период с конца XVIII по начало XX столетия Российская империя проводила политику, направленную на включение мусульманского духовенства в состав административной структуры государства. Для этого, на законодательном уровне закреплялись привилегии и обязанности служителей исламского культа, способствуя их выделению в особую статусную профессиональную группу. Однако власть официально не причислила мусульманское духовенство к

духовному сословию, оставляя его представителей в тех иерархических группах, к которым они принадлежали до избрания на духовные должности.

4. Несмотря на то, что в общеимперском правовом пространстве мусульманское духовенство законодательно не было оформлено как отдельное сословие, в официальной справочной и статистической документации и литературе Уфимской губернии служители исламского культа фиксировались как самостоятельная сословная группа. В совокупности они свидетельствуют о том, что в Уфимской губернии, где на протяжении всего изучаемого периода времени, численность мусульман насчитывала половину населения края, мусульманское духовенство являлось важной составляющей социальной структуры региона. По своей численности служители исламского культа и члены их семей составляли подавляющее большинство – около 80% всех священнослужителей в регионе, (превосходя представителей православной, единоверческой, римско-католической и лютеранской церквей).

5. Учитывая специфику региона и осознавая большие возможности влияния мулл на своих прихожан, органы государственной власти Уфимской губернии стремились использовать мусульманское духовенство в решении как общественных, так и политических задач. Взаимоотношения мусульманских священнослужителей и властных структур носили достаточно сложный характер, поэтому, несмотря на все имеющиеся рычаги воздействия, власть не всегда получала желаемый результат, что особенно ярко проявилось в начале XX в.

6. На протяжении всего изучаемого периода времени численность мусульманского духовенства Уфимской губернии, на ключевые должности которого могли претендовать представители разных сословных (крестьяне, мещане, дворяне и т.д.) и этнических (башкиры, татары и т.д.) групп, постоянно возрастала, увеличившись с 1866 г. по 1910 г. в два раза.

7. Служители исламского культа, на которых было возложено множество важных религиозных, общественных и государственных обязанностей, традиционно имели высокий социальный статус среди единоверцев, которого они добивались своими личными качествами, поведением, знаниями, и который, в

определенной степени, влиял и на их материальный достаток, складывающийся из пожертвований прихожан, средств с собственного хозяйства.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период с 1865 по 1917 гг. В качестве нижней границы выбран 1865 г. – период, когда состоялось выделение из Оренбургской губернии самостоятельной Уфимской губернии с центром в городе Уфа, и она начинает функционировать как отдельная административно-территориальная единица. В это же время происходит упразднение Башкиро-мещерякского войска, в результате которого башкиры, тептяри были переведены из военного сословия в гражданское, а в судебном и полицейском отношении перешли в ведение гражданских судебных учреждений.

В качестве верхней границы определена Февральская революция 1917 г., ознаменовавшая собой начало глубокого кризиса внутри Российской империи, закончившего падением самодержавия и сменой политического строя. Большевики, придя к власти, начали проводить антирелигиозную политику, следствием которой стали масштабные репрессии в отношении ислама и мусульманского духовенства.

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что изучение мусульманского духовенства Уфимской губернии в обозначенный период времени невозможно без общего понимания процесса проникновения и развития ислама и его институтов в пределы Южного Урала и прилегающих территорий в целом. В связи с этим, совершен исторический экскурс в более ранний период времени, который затронул основные события с момента принятия ислама в Волжской Булгарии в X в. и появления первых сведений о башкирах-мусульманах в крае.

Территориальные рамки диссертации определяются границами исторической Уфимской губернии в период ее существования с 1865 по 1922 гг., которая в изучаемый период состояла из губернского центра – Уфы и пяти уездов – Уфимского, Белебеевского, Бирского, Златоустовского, Мензелинского и Стерлитамакского (Приложение. Рис.1). В настоящее время здесь находятся: Республика Башкортостан, восточные районы Республики Татарстан и западные районы Челябинской области.

Развитие служителей исламского культа Уфимской губернии было тесно связано с общегосударственными тенденциями становления мусульманского духовенства, что в свою очередь, обусловило периодический выход за обозначенные географические рамки. В отдельных параграфах, на первое место выдвигаются общие проблемы, характерные для Южного Урала и всей дореволюционной Российской империи, а затем на их фоне рассматриваются вопросы, связанные с мусульманским духовенством Уфимской губернии.

Степень изученности проблемы. Историография мусульманского духовенства Уфимской губернии второй половины XIX – начала XX вв., зарождение которой было заложено в изучаемый период времени, в общем не отличается особым разнообразием и большим количеством работ, хотя отдельные ее аспекты и затрагивались во многих исследованиях, посвященных исламу на Южном Урале в целом. Необходимо учитывать наличие достаточно противоречивых оценок среди авторов, освещавших те или иные события и исторические факты, поэтому приводятся мнения разных сторон.

Исходя из имеющейся литературы, можно выделить три неравных по продолжительности и содержанию периода в изучении обозначенной проблемы: дооктябрьский, который совпадает с рассматриваемым этапом – вторая половина XIX века – 1917 г. XX века; советский, продолжавшийся с 1920-х гг. и до начала 1990-х гг., и постсоветский – с начала 1990-х гг.[1] и до наших дней.

В дореволюционное время можно выделить три группы работ, в которых в той или иной степени затрагивалась изучаемая проблематика – первая, написанная представителями миссионерской школы, вторая – публикации мусульманской интеллигенции, в том числе представленной служителями исламского культа, и третья – работы дореволюционных русских краеведов, этнографов, чиновников губернской и уездной администрации и т.д.

Первая группа, публиковавшихся в это время работ, принадлежала представителям православного миссионерства, стремившимся обратить к

[1] Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII-начало XX вв.: дис ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 272 с.

христианству адептов мусульманской религии и язычников. Они являлись своеобразным противовесом работам мусульманских авторов, поскольку во многом были направлены на дискредитацию ислама и его институтов. В трудах Е.А. Малова[1], Н.П. Остроумова[2], Е.Н. Воронец[3], С.М. Матвеева[4], Я.Д. Коблова[5], М.А. Машанова[6] и др. дается краткая история Оренбургского магометанского духовного собрания, указывается количество мечетей, мусульманских учебных заведений, новокрещенных адептов и т.д. Зачастую, в них сравниваются христианство и ислам, с целью показать превосходство первой религии над второй.

Среди указанных авторов особо стоит выделить публикацию Я.Д. Коблова «О магометанских муллах», переизданную в 1990-х гг.[7]. Несмотря на то, что она описывает быт и повседневную жизнь служителей исламского культа, проживавших на территории Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв., монография содержит ценные сведения общего характера – обязанности мулл, их назначение, средства к существованию и т.д., которые были характерны и для мусульманского духовенства в том числе Уфимской губернии.

Миссионерской историографии противостояла мусульманская литература, представленная работами И. Гаспринского[8], А. Баязитова[9], З. Камали[10] и др., в которых подчеркивалось, что ислам является религией, способной к восприятию прогресса, и указывалось на необходимость реформирования всех сторон общественной жизни мусульманского населения России, важную роль в которой

---

[1] Малов Е.А. Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Дневник миссионера. Казань, 1892. 462 с.; Он же. О татарских мечетях в России. Казань, 1868. 80 с.

[2] Остроумов Н.П. Исторический опыт взаимных отношений между христианством и мусульманством. Спб., 1888. 75 с.; Он же. Исламоведение: Введение в курс исламоведения. Ташкент: Туркест. вед., 1914. 216 с.; Он же. Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухамедан. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1894. 317 с.

[3] Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? Москва: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. 8 с.

[4] Матвеев С.М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа: Электр. губ. тип., 1910. 57 с.

[5] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовый очерк. Казань, 1907. 17 с.; Он же. Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Казань, 1908. 50 с.; Он же. О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907. 42 с.; Он же. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916. 120 с.

[6] Машанов М.А.Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам // Миссионерский съезд в г. Казани 13 – 26 июня 1910 года. Казань,1910. С.235–335.

[7] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань: Издательство "Иман", 1998. 26 с.

[8] Гаспринский И.Б. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. 45 с.

[9] Баязитов М. А. Отношение ислама к науке и инородцам. СПб., 1887. 105 с.; Он же. Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука. СПб, 1883. 38 с.; Он же. Ислам и прогресс. СПб, 1898. 95 с.

[10] Камали З. Философия ислама.Т. 1-4. Уфа, 1909-1910; Религиозные устроения. Уфа, 1913 (на татар. яз.).

должны были играть ОМДС и мусульманское духовенство. О высокой значимости указанных работ свидетельствует тот факт, что многие из них были переизданы в конце XX – начале XXI вв.[1].

Непосредственно по теме исследования среди дореволюционных публикаций, написанных мусульманскими авторами, стоит выделить работы Ш. Марджани и Р. Фахретдина. Ш. Марджани – автор – просветитель второй половины XIX в., имам 1-й соборной мечети г. Казани, в своих работах «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казань ва Булгар»[2], (переизданна в наши дни)[3] и в рукописи «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» (первоначально опубликована в наше время)[4], дает историческую справку о Духовном собрании и возглавлявших его муфтиях. Ценность труда Ш. Марджани состоит в том, что он впервые изложил биографии многих мусульманских деятелей Урало-Поволжья.

Второй крупнейший представитель мусульманской общественно-политической мысли конца XIX – первой трети XX вв. Р. Фахретдинов также уделял большое внимание истории Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) и его деятельности. Работая с 1891 по 1906 гг. казыем – духовным судьей ОМДС, он готовил научные труды по его истории и при написании своих работ использовал материалы архива муфтията. В опубликованных двух томах «Асара» (“Памятки”) в начале XX в. и рукописях, хранящихся в научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук, были собраны биографии известных ученых, общественных и религиозных деятелей, (в том числе и представителей духовенства), ученых и т.д., живших с X в. до начала XX в. в Урало-Поволжье, Сибири и Ближнем Востоке[5].

---

[1] Гаспринский И.Б. Из наследия. Симферополь, 1991. 64 с.; Он же. Россия и Восток. Казань, 1993. 130 с.; Баязитов А. Избранные труды. Казань, 2007. 193 с.

[2] Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казань ва Булгар (на татар, яз. арабской графикой). Т. 1. Казань, 1897. 264 с.; Он же. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казань ва Булгар (на татар, яз. арабской графикой). Т. 2. Казань, 1900. 368 с.

[3] Он же. Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: (Источники по истории Казани и Булгара). Казань, 1989. 414 с.

[4] Он же. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробнее о предшественниках и приветствие потомкам). Казань, 1999. 126 с.

[5] Р. Фахреддин. Асар. Т. 1. Казан: Рухият, 2006. 360 б.; Он же. Асар. Т. 2. Казань, 2009. 304 с.; Он же. Асар. Т. 3, 4. Казань, 2010. 648 с.

Оба исследователя порой критически оценивают деятельность ОМДС, в целом, и отдельных его представителей, в частности, но, несмотря на это, их труды являются важным источником для изучения мусульманского духовенства Уфимской губернии второй половины XIX – начала XX вв.

Некоторые сведения по изучаемой проблеме содержатся в одном из сочинений, подготовленных служащими Духовного собрания к празднованию 100-летнего юбилея религиозного учреждения, в которое вошли указы о его создании, выдержки из уставов и циркуляров, краткие данные о муфтиях, статистические цифры о числе подведомственных мусульманских религиозных служителей и мечетей[1].

Большой фактологический материал, касающийся религиозной жизни, традиций и быта мусульманского населения и их духовенства, взаимоотношений, описаний культовых сооружений и т.д., содержится в трудах дореволюционных русских краеведов, этнографов, служителей губернской и уездной администрации – чиновников, представителей национальной интеллигенции Уфимской и рядом расположенных, Казанской и Оренбургской губерний.

Речь идет о работах И. Казанцева[2], В.М. Черемшанского[3], М.В. Лоссиевского[4], М.И. Обухова[5], С.Г. Рыбакова[6], В. Филоненко[7] и т.д., каждый из которых отмечал высокую роль мусульманской религии и служителей культа в жизни населения края. Так, в середине XIX в. И. Казанцев писал, что и у башкир и у татар Южного Урала «практически в каждом ауле (деревне) есть мечеть с минаретом и при ней медресе (училище) для обучения детей грамоте и первоначальным обрядам веры»[8]. В конце того же столетия С. Г. Рыбаков указывал,

---

[1] В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. Уфа, 1891. 54 с.
[2] Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866. 97 с.
[3] Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. 472 с.
[4] Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. Уфа: Губернская Типография, 1903. 16 с.
[5] Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских школ (мектебов) Уфимской губернии в 1912–1913 гг. Уфа: Уфим. губ. зем. управа, 1915. 92 с.
[6] Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. 330 с.; Он же.Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Петроград, 1917. 56 с.
[7] Филоненко В.И. Башкиры/В. Филоненко. Уфа, 1915. 75 с.
[8] Казанцев И. М. Описание башкирцев. С. 21.

что «Религиозность мусульманских народностей проявляется уже в том, что в самом маленьком селении имеется мечеть и при ней духовное лицо – мулла, соответствующий нашему священнику»[1].

Советская историография. После революции 1917 г., когда религия в стране становится объектом атеистической пропаганды и критики, ОМДС подвергается жесточайшей обструкции, а все служители мусульманского культа объявлялись агентами царского самодержавия и преследовались вплоть до физического истребления. В 1920–1940 гг. выходит ряд работ Д. Валиди[2], Ш. Абзанова[3], Б. Ишемгулова[4], С. Борханова[5], З. Мозаффари[6], А. Аршаруни, Х. Габидуллина[7], Г.А. Ибрагимова[8] и др., в которых все мусульманское духовенство было представлено единой, исключительно реакционной, черносотенской массой.

Примечательно, что если в первые годы после революции джаддизм, в развитии которого мусульманское духовенство играло важную роль, позиционировался как «религиозно-реформаторское и гуманитарно-просветительское» движение[9], то перед Великой Отечественной войной отмечалось, что оба лагеря духовенства (джадидов и кадимов) приобрели мнение «контрреволюционными и каждый по-своему служил интересам буржуазии и империализму»[10].

Вместе с тем, несмотря на тенденциозность, эти работы, написанные участниками тех событий и по их «горячим» следам, несомненно имеют значение в качестве важных источников, в том числе отражающих как состояние ислама в

---

[1] Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. С. 9.
[2] Валиди Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. 106 с.
[3] Абзанов Ш. С. К вопросу о народном образовании в Башкирии. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Башк. педагог. ин-т, 1935 (тип. им. Дзержинского). 68 с.
[4] Ишемгулов Б. Религиозные деятели во время контрреволюции: 10-летие Октября. Уфа, 1927 (на башк. яз.); Он же. Русское самодержавие и мусульманское духовное управление. Уфа,1930 (на тат. яз.).
[5] Борханов С. От имени Аллаха. Казань, 1930. (на тат. языке).
[6] Мозаффари З. Ишаны-дервиши. Казань, 1930. (на тат. языке).
[7] Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. 141 с.
[8] Ибрагимов Г.А. Ислам, его происхождение и его классовая сущность. М., 1940. 112 с.
[9] Валиди Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции1917 г.). С. 77.
[10] Ибрагимов Г.А. Ислам, его происхождение и его классовая сущность. С. 74, 76.; Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань, 2014. С.51.

изучаемый период, так и политику государства в отношении религии и служителей мусульманского культа[1].

Так, к примеру, в работе Л.Л. Климовича отмечается, что мусульманское духовенство представляло собой монолитный правительственный эксплуататорский класс, однако автор ввел большое количество новых источников и материалов по истории мусульманских институтов на территории Российской империи[2]. Это позволяет оставаться данной работе востребованной и в наши дни, о чем свидетельствует ее переиздание[3].

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время материалов по мусульманскому духовенству, в целом, и Южного Урала, в частности, не выходило. Некоторые сведения содержатся в монографии А.С. Эфирова, посвященной истории развития системы образования нерусских народов на обширной территории, в том числе и на Южном Урале[4].

В 1950–1970-гг. в СССР развивается советская научно-атеистическая школа, по всей стране складывается целая система региональных и межрегиональных научно-исследовательских центров по проблемам атеистического воспитания. В результате заданности идеологических установок, повсеместно в исторической литературе формируется ряд положений, противоречащих действительности. Так, согласно сложившимся выводам, ислам в СССР, пройдя эволюционный путь развития, трансформировался, модернизировался, пришел в соответствие со сложившимися социальными условиями, а мусульманское духовенство почти осознало «реакционность» проповедуемого учения[5].

В 50-е гг. значительным событием в научной жизни Башкортостана стало создание московскими и уфимскими историками «Очерков по истории Башкирской АССР»[6], в которых хоть и отмечалась значимая роль мулл в организации сети

---

[1] Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). С.51.
[2] Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. 406 с.
[3] Климович Л.И. Ислам в царской России: Очерки. Казань, 2003. 225 с.
[4] Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М, 1948. 280 с.
[5] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.
[6] Очерки по истории Башкирской АССР: [В 2 т.]. Т. 1, ч. 1 / 2 т.Уфа, 1956. 303 с.; Очерки по истории Башкирской АССР: [В 2 т.]. Т. 1, ч. 2 / 2 т. Уфа, 539 с.

мусульманских школ, но указывалось, что «реакционное духовенство не давало учащимся знаний», более того, оно «выкачивало из народа поборы»[1].

В 1970 гг. ислам становится объектом научного интереса со стороны специалистов по Ближнему и Среднему Востоку, что было связано с «исламским бумом» – политической активностью ислама за рубежом. В это время выходят обобщающие работы по истории ислама в СССР Н. Аширова[2], на Северном Кавказе А.В. Аксентьева[3], в Татарстане З.А. Ишмухаметова[4], Я.Г. Абдуллина[5] и др., в которых мусульманское духовенство в целом подвергается критическому анализу.

Однако, по Башкортостану подобных исследований не проводилось, хотя некоторые сведения по изучаемой проблеме можно почерпнуть в работах Б.Х. Юлдашбаева[6], И.Г. Акманова[7], Р.Г. Кузеева[8] и др.

Постсоветская и современная историография. В конце 80-х – начале 90-х гг. в стране, на фоне развала СССР, стал наблюдаться процесс возрождения всех традиционных и появления новых, неизвестных раннее, религий и религиозных течений. Исходя из сложившихся реалий, государство начало постепенно возвращать конфессиональным организациям принадлежавшие им ранее и возводить новые культовые учреждения. Повсеместно открывались религиозные учебные заведения – православные духовные академии, училища, семинарии, богословские институты, мусульманские медресе, мектебе, исламские институты, буддийские монастыри-университеты и т.д.

Начинается новый этап в развитии отечественной исторической науки, на котором исследователями стали подниматься вопросы религии в целом и отдельных ее аспектов в частности. В это время, наряду с работами, написанными

---

[1] Там же. С. 242, 267, 300.
[2] Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. М.: Политиздат, 1973. 154 с.
[3] Аксентьев, А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973. 166 с.
[4] Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань, 1979. 224 с.
[5] Абдуллин, Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976. 320 с.
[6] Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). Уфа, 1972. 336 с.
[7] Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа, 1977. 84 с.; Он же. Башкирские восстания XVII–1-й трети XVIII в. Уфа, 1978. 79 с.
[8] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 569 с.; Он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 264 с.

в прежней традиции, появились труды, концептуально отличающиеся от марксистской парадигмы; стала разнообразнее тематика исследований.

Религиозное развитие Уральского региона в прошлом, политика царского правительства в XVI–XIX вв. рассматривались в работах Г.Б. Фаизова[1], Н.М. Кулбахтина, Ю.И. Сергеева[2], А.З. Асфандиярова[3] и др.

В 1788 году по распоряжению императрицы Екатерины Великой была учреждена первая в истории России официальная структура, объединяющая мусульманское духовенство. Речь идет об Оренбургском магометанском духовном собрании, известном также под аббревиатурой ОМДС. Местом его расположения был выбран город Уфа. С его созданием государство получило возможность контролировать мусульман края и местное мусульманское духовенство.

Поэтому не удивительно, что история ОМДС и различные аспекты его деятельности многими исследователями рассматривались отдельно. Это прослеживается в трудах М.М. Кульшарипова[4], Д.Д. Азаматова[5], Р.И. Султанова[6] и других, где анализируются причины создания Оренбургского магометанского духовного собрания и различные аспекты его деятельности. В указанных работах встречаются сведения по изучаемой проблеме, однако мусульманское духовенство упоминается в них только в контексте общего развития ОМДС.

Несмотря на то, что мусульманское духовенство Уфимской губернии в 1980–1990-х гг. в означенный период времени не стало объектом специального изучения, в отдельных трудах можно найти те или иные сведения по данной проблеме.

---

[1] Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. 111 с.

[2] Кулбахтин Н.М., Сергеев Ю.Н. Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период): межвуз. науч. сб. Уфа, 1988. С. 34-43; Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI-середина XIX в.). Уфа, 1996. 74 с.

[3] Асфандияров А.З. Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край. Вып. 1. Уфа,1991. С. 1–9.

[4] Кульшарипов М.М. Открытие Духовного собрания мусульман в Уфе // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале (Дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 43–47.

[5] Азаматов Д.Д. К проблеме учреждения и оценки деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана: тенденции, современность, перспективы. Уфа, 1992. С. 219–221.

[6] Ислам в Поволжье и на Урале: (Метод, рекомендации в помощь лекторам и пропагандистам) / Подгот. Султанов Р.И. Уфа, 1989. 35 с.

Так, в работах А.З. Асфандиярова[1], Н.В. Бикбулатова и Ф.Ф. Фатыховой[2] затрагивается роль служителей культа в регулировании семейно-брачных и имущественных отношений мусульманского населения в прошлом.

Также необходимо отметить серию изданий по истории сел и деревень Башкортостана и некоторых прилегающих регионов, с указанием их дореволюционной административной принадлежности, А. З. Асфандиярова, в которых, зачастую, пофамильно указываются служители исламского культа того или иного населенного пункта. В течение 1990–2001 гг. увидели свет 8 книг по истории населенных пунктов республики[3], которые были переизданы в 2009 г[4].

Особое место среди публикаций 1990-х гг. занимают труды А.Б. Юнусовой, М.Н. Фархшатова и Д.Д. Азаматова.

А.Б. Юнусовой проведено комплексное исследование истории развития ислама на территории Башкортостана в широком хронологическом диапазоне в X–XX вв., предпринятое на основе большого круга архивных и опубликованных источников. Автор не занимался целенаправленно исследованием духовенства дореволюционной России, уделяя больше внимания детальности мулл в советский и постсоветский период. Тем не менее, в её работах можно найти сведения о материальном положении представителей мусульманского духовенства, их отношении с властью и т.д.[5].

Ученый–историк М.Н. Фархшатов, рассматривая народное образование в Башкирии в 60–90-е годы XIX в., указал, что «власти довольно крепко привязав мусульманское духовенство к своим интересам», использовали их ортодоксальную часть, стремясь «задержать развитие национальных учебных заведений башкир и

---

[1] Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. Уфа: БГУ, 1989. 88 с.; Он же. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.). Уфа, 1997. 104 с.

[2] Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.

[3] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 1. Уфа, 1991. 205 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 2. Уфа, 1991. 191 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 3. Уфа, 1993. 208 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 4. Уфа, 1993. 205 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 5. Уфа: Китап, 1994. 173 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 6. Уфа, 1995. 147 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 7. Уфа: Китап, 1997. 189 с.; Он же. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Кн. 9. Уфа, 2001, 196 с.

[4] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009, 741 с.

[5] Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1994. 155 с.; Она же. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. 352 с.

татар, как и других нерусских народов». Тем не менее, по его мнению, «муллы, составлявшие костяк учительского персонала», сыграли важную роль в развитии образования в крае[1].

Д.Д. Азаматовым, на основе широкого круга архивного материала и опубликованных источников, было проведено обобщающее исследование по истории Оренбургского магометанского духовного собрания конца XVIII – XIX вв. Впервые составлены научные биографии муфтиев и рассмотрено мусульманское приходское духовенство, его права, обязанности, численность в отдельные годы и т.д.[2].

В начале XX в. выходят работы Н.М. Калмантаева, который, исследуя общественно-политическое развитие Башкортостана в начале XX в. в условиях Революции 1905–1907 гг., рассматривал, в том числе, и процессы возникновения мусульманского движения накануне и в период первой Российской революции. По мнению автора, начало Революции 1905-1907 гг. внесло изменения в религиозную политику царского правительства в России, в том числе и в отношении мусульманского населения, которое начало активно оказывать сопротивление царизму при нарушении их прав[3]. В дальнейшем автор продолжил свои исследования, расширив хронологические рамки с 1900 по 1917 гг.[4].

В это же время среди исследователей наблюдается рост интереса к изучению мусульманского духовенства и в других регионах России на разных хронологических этапах его развития – с дореволюционного времени и до начала XXI в., о чем свидетельствует целая череда защит кандидатских и докторских диссертаций, многие из которых были опубликованы в виде монографий – в 2003 г.

---

[1] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1994. С. 15,16,48.
[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. 194 с.
[3] Калмантаев Н.М. Башкортостан в условиях Российской революции 1905-1907 гг. Уфа, 2000. 75 с.
[4] Он же. Башкортостан в начале XX в. 1900–1917 гг. Уфа, 2016. 167 с.

И.Р. Минуллин[1], в 2007 г. Х.М. Абдуллин[2], в 2008 г. О.Е. Марченко[3], в 2010 г. И.Х. Сулаев[4], в 2012 г. З.Р. Хабибуллина[5], Р.И. Маликов[6] и др.

Особо стоить отметить монографию Р.И. Маликова, в которой рассматривается социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начала XX вв., правовые основы его деятельности, роль в общественно-политической и духовной жизни мусульман в контексте этноконфессиональной политики Российской империи в Поволжье и Приуралье[7].

Однако, мусульманское духовенство Уфимской губернии так и не стало объектом целенаправленного исследования, хотя многие аспекты указанной проблемы затрагивались как в обобщающих работах по истории края[8], так и в отдельных трудах, посвященных развитию ислама, в том числе на Южном Урале – Р.Ш. Хакимова[9], С.М. Исхакова[10], А.Б. Юнусовой[11], И.К. Загидуллина[12], др.

Среди работ, опубликованных в это время, особо стоит отметить труды Д.Н. Денисова, в монографиях и статьях которого рассматривается история

---

[1] Миннуллин И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. 24 с.; Он же. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 220 с.

[2] Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII-начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 23 с.

[3] Марченко, О.Е. Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и Степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920–1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.

[4] Сулаев, И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений: 1917-1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2010. 55 с.; Он же. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. 184 с.

[5] Хабибуллина, З.Р. Мусульманское духовенство Башкортостана на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012. 22 с.; Она же. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа, 2015. 218 с.

[6] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд.ист. наук. Казань, 2012. 28 с.; Он же. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[7] Он же. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[8] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Том 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004. 488 с; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Том 2. История Башкортостана. XX век. Уфа, 2006. 600 с.; История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. II. Уфа, 2012. 416 с.; История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. III. – Уфа, 2011. 476 с.; История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. IV. – СПб., 2011. 400 с.

[9] Хакимов, Р.Ш. Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий (Научное издание). Челябинск, 2013. 711 с.

[10] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 592 с.

[11] Юнусова, А.Б. Ислам в Башкортостане. Религии: Ислам. М., 2007. 91с.

[12] Загидуллин, И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. 415 с.; Он же. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского собрания (конец XVIII – начало XX века) // Филология и культура. 2013. № 1(31). С. 185–188.

формирования и развития мусульманских общин в городах и крупных поселках на территории современной Оренбургской и Челябинской областей (в том числе территориально входивших во второй половине XIX – начале XX вв. в состав Уфимской губернии)[1], а также некоторые проблемы связанные с мусульманским духовенством Южного Урала в прошлом[2].

С середины 2010–х гг. отмечается снижение интереса к изучению ислама в целом и к анализируемой проблеме в частности. В последние годы вышло всего несколько статей – Д.Д. Азаматова[3], А.А. Баймухаметова, М.Х. Янборисова[4], И.К. Загидуллина[5], Л.Р. Габдрафиковой[6], А.Ю. Хабутдинова[7], А.Э. Муратова, Р.О.

[1] Денисов Д.Н. Мусульманская община Златоуста в конце XIX - начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 83–87; Он же. Мусульманская община Бирска в XIX – начале XX века // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2012. Т. 17. № 1. С. 362–365; Он же. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.) / / Д. Н. Денисов ; Научно-исследовательский инт истории и этнографии Южного Урала Оренбургского гос. ун-та, Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханов. Москва; Нижний Новгород: Медина, 2012. 408; Он же. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). / Д.Н. Денисов. М.: Марджани, 2011. 255 с.

[2] Денисов Д.Н. Ответственность мусульманского духовенства в законодательстве и практике Российской империи // 1-й Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» 1–3 ноября 2011 г. М.: Изд-во Казанского ун-та, 2012. С. 459–465; Он же. О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала)/Д.Н. Денисов/Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. - 2011. С. 43–48; Он же. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 117–119; Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 90–94; Он же. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4 (140). С. 85–89; Он же. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 142–147.

[3] Азаматов, Д.Д. II съезд мусульманского духовенства Уфимской губернии (сентябрь 1917 года) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Часть 1. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 33–34.

[4] Баймухаметова А.А., Янборисов М.Х. Мусульманское духовенство в годы коллективизации сельского хозяйства в Башкирской АССР // Духовный мир мусульманских народов. Гуманистическое наследие просветителей в науке, культуре и образовании (XV Акмуллинские чтения). Том I. Уфа: Издательство БГПУ им. М. Акмуллы, 2020. С. 84–88.

[5] Загидуллин, И.К. Курултай мусульманского духовенства 1905 года в Уфе // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 2. С. 66–85; Он же. Кампания меджлисов мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 44–54.

[6] Габдрафикова Л.Р. Роль мусульманского духовенства в медикализации татарского населения Волго-Уральского региона (конец XVIII-начало XX вв.) // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии. IX Международная тюркологическая конференция. Ответственный редактор Р.Б. Камаева. 2018. С. 429–433.

[7] Хабутдинов А.Ю. Религиозные деятели в общественном движении мусульман Волго - Уральского региона в 1917 г. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2022. Т. 18. № 2. С. 133–146.

Багаутдинова[1], Б.А. Азнабаева[2], – в которых затрагивались отдельные аспекты изучаемой проблемы. Н.Р. Салих рассматривает развитие мусульманской духовной культуры и образования, в том числе и реформаторское движение – джадидизм в крае сквозь призму изучения арабографичных рукописей и печатных изданий[3].

Из последних монографических изданий, в которых затрагиваются некоторые вопросы изучаемой проблемы, можно отметить монографию И.К. Загидуллина «Уфимский курултай 1905 года»[4] и коллективную работу З.Г. Аминева и Л.А. Ямаевой «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние»[5].

Отдельно стоит отметить статьи зарубежных исследователей – Г. Баттал-Таймаса[6], М. Кемпера[7], Алена Франка[8], Наджипа Хаблеметоглу[9], П. Верт[10], Н. Наганава[11] и др., в которых в той или иной степени затрагивались некоторые аспекты развития ислама в регионе в прошлом.

16 мая 2023 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Шейх Зайнулла Расулев и суфийская культура народов Евразии», одним из организаторов которой выступил Уфимский университет науки и технологий. В

---

[1] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). – С. 123-134; Муратов А.Э. Уникальный архитектурный ансамбль села Килимово: «Белая мечеть» и дворец в стиле… Уфа: УУНиТ, 2023. С. 21–23; Он же. Зайнулла Расулев – «духовный лидер башкир» // Человек. Социум. Общество. 2024. № 6. С. 26-31.

[2] Азнабаев Б.А. Роль религиозного фактора в башкирском восстании 1755–1756 гг. // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 265–271.

[3] Салих Н.Р. Роль арабографичных рукописей в развитии системы мусульманского образования на Южном Урале в XVIII–XIX вв // Вопросы истории. 2021. № 10–2. С. 235–244; Он же. Арабографичные рукописные произведения по корановедению в истории мусульманских народов Республики Башкортостан // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 2 (52). С. 121–127; Он же. Роль арабографичных печатных изданий в распространении обновленческо-реформаторских идей среди мусульман западного Приуралья и Южного Урала в 80-х годах XIX - начала XX вв. // Клио. 2023. № 11 (203). С. 75–79.

[4] Загидуллин, И.К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 328 с.

[5] Аминев З.Г., Ямаева Л.А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: Изд-во Триумф, 2020. 224 с.

[6] Battal-Taymas A. Türk dünyasinda usulü cedid hareketi // Türk Kültürü. 1964. Т. 2. № 18. С. 119–125

[7] Кемпер Михаэль. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789-1889). Исламский дискурс под русским господством / Перевод с нем. Казань, 2008. 675 с.

[8] Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. с английского. Казань, 2008. 226 с.

[9] Hablemitoglu Dr. Necip. Carlik Rusyasi'nda Turk kongreleri (1905-1917) / Dr. Necip Hablemitoglu. Ankara, 1997. 49 b.

[10] Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / перевод с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора; научный ред. перевода М. Долбилов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

[11] Наганава Норихиро. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. /Наганава Норихиро/ Татарские мусульманские приходы в Российской империи. - 2006. - С. 114.

работе форума, посвященного 190-летию со дня рождения выдающегося религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева, приняли участие свыше тысячи человек из России, стран ближнего и дальнего зарубежья; было заслушано большое количество докладов, во многих из них подчеркивалась актуальность проведения исламоведческих исследований в стране в целом и в отдельных ее регионах в частности[1].

Таким образом, историография мусульманского духовенства Уфимской губернии изучаемого периода начала складываться во второй половине XIX в., однако до настоящего времени эта научная проблематика не стала предметом специального изучения, хотя многие ее аспекты затрагивались в тех или иных работах.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы и опубликованные документы, касающиеся изучаемой проблемы.

Неопубликованные источники. При написании диссертационной работы использовались материалы архивов гг. Санкт-Петербурга, Оренбурга и Уфы.

В **Российском государственном историческом архиве (РГИА)** был проведён анализ документов, которые хранятся в указанных далее архивных фондах: Фонд «Департамент Духовных дел иностранных исповеданий Министерства Внутренних Дел» (Ф. 821) содержит дела, касающиеся всех исповеданий, (кроме православного), распространенных до революции в Российской империи. Дела департамента по мусульманскому населению выделены отдельно (Оп. 8). В этих документах можно найти информацию о стрительстве молитвенных домов, образовании организаций духовного направления, учебных заведениях, религиозных общинах, количестве мусульманского населения, собственности духовных организаций, а также о самом духовенстве и служащих духовных организаций.

[1] В Уфе проходит конференция, посвященная 190-летию со дня рождения Шейха Зайнуллы Расулева [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2023-05-16/v-ufe-prohodit-konferentsiya-posvyaschennaya-190-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-sheyha-zaynully-rasuleva-3259859. (Дата обращения 10.05.2024)

Также использовались некоторые дела из фонда «Земский отдел МВД» Ф. 1291, в котором отложилось делопроизводство по поземельному устройству и общественному управлению крестьянством пореформенной России (Оп. 70, 84), и дела из фонда «Третий департамент Сената» (Ф. 1343), в котором имеются некоторые сведения о потомственных почетных гражданах Уфимской губернии (Оп. 39).

В фондохранилище **Государственного Архива Оренбургской области (ГАОО)** изучались документы из фонда «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора, г. Оренбург 12.12.1796–12.07.1881 гг.» (Ф.–6). Здесь хранятся отчеты главных начальников Оренбургского края (поделенного в 1865 г. на Уфимскую и Оренбургскую губернию). В отчетной документации имеются данные о численности и этноконфессиональном составе населения, даются сведения о религиозной обстановке в крае в целом, и о мусульманском духовенстве в частности. Отмечая высокую роль мулл в развитии образования среди мусульманского населения, авторы отчетов зачастую негативно отзываются о них, указывая на необходимость «ослабления фанатизма и влияния духовенства» на своих единоверцев.

В **Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН)** рассматривались дела из фонда «Фахретдинов Ризаитдин Фахретдинович (1859–1936 гг.), башкирский и татарский писатель, ученый-востоковед, религиозный деятель» (Ф.–7).

Коллекция документов (40 томов), поступившая в советское время из архива ОМДС, помимо трудов самого Р.Ф. Фахретдинова, включает в себя вырезки газет, в том числе и по интересующей проблеме и др. Как уже указывалось, особую ценность представляют очерки о 1009 известных мусульманских ученых и государственных деятелях X – начала XX вв. и сочинение автора «Йыуаныс» («Утешение»). Поскольку большая часть материалов была опубликована в том или ином виде, работа с источниками носила ознакомительный характер.

Значимое количество архивных документов по изучаемой проблеме хранится в **Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ)**. Как известно,

преобладающая часть материалов по истории ислама в России, к которой обращаются практически все исследователи, занимающиеся данной тематикой, хранится именно здесь.

Фонд «Оренбургского магометанского духовного собрания» (ф. И-295) насчитывает около 72 тысяч дел, в том числе по рассмотрению прошений и жалоб по семейно-брачным и имущественным вопросам, журналы заседаний собраний ОМДС с 1832 по 1919 г., метрические книги мусульманских приходов бывшей Российской империи, дела об утверждении мулл к мечетям, дела о строительстве мечетей, личные дела высшего духовенства и т.д.

В том числе использовались фонды «Уфимское губернское жандармское управление» (И-187) и «Статистического комитета Уфимской губернии» (ф. Р-473). В последнем содержатся подлинные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 года, включая посемейные карточки и формуляры. Среди них можно найти информацию о представителях мусульманского духовенства Уфимской губернии, в частности, сведения об их семейном положении, земельной собственности и хозяйственных постройках. Эти данные позволяют провести анализ социального положения и уровня благосостояния населения того времени.

Опубликованные источники подразделяются на несколько основных групп: 1) нормативно-правовые акты, 2) материалы учета и статистики, 3) сочинения общественных и религиозных деятелей, 4) периодическая печать, 5) иллюстративный материал, 6) фотографии.

К первой категории источников относятся законодательные и нормативные документы, систематизированные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), которое содержит свыше 133 тысяч законодательных актов. В рамках настоящего исследования были задействованы отдельные тома всех трех изданий ПСЗРИ, охватывающие временной промежуток с 1649 по 1916 годы[1].

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Том V. 1713–1719 гг. 782 с.; Там же. Том XI. 1740–1743 гг. 991 с.; Там же. Том XIX. 1770–1774 гг. 1083 с.; Там же. Том XX. 1775–1780 гг. 1041 с.; Там же. Том XXI. 1781–1783 гг. 1070 с.; Там же. Том XXII. 1784–1788 гг. 1174 с.; Там же. Том XXIII. 1789 – 6 ноября 1796 гг. 974 с.; Там же. Том XXV. 1798–1799 гг. 932 с.; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том I. Отделение 2. 12

Поскольку ПСЗРИ содержит огромное количество документов, для облегчения изучения законодательства, связанного с исламом в Российской империи, использовались специализированные сборники, в которых представлена нормативно-правовая документация, имеющая непосредственное отношение к мусульманам, их организации и управлению, общественно-политическому развитию, положению мусульманского духовенства и т.д.[1].

Особо стоит выделить «Сборники циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания»[2], являющиеся своего рода настольными книгами приходского мусульманского духовенства, специально подготовленные ОМДС, и где собраны наиболее ценные документы с 1836 по 1903 гг.

Все они имеют важное значение не только для изучения правового статуса различных религиозных и сословных групп населения, развития взаимоотношений государственной власти и ислама в целом, но и позволяют отследить изменение внутриполитического курса правительства по отношению к мусульманскому населению в стране, религиозным институтам и к мусульманскому духовенству.

Вторая группа источников содержит статистические данные о населении Уфимской губернии на протяжении всего изучаемого периода времени, взятые из

декабря 1825–1827 г. 1830. 1527 с.; Там же. Том III. Отделение 2. 1828 г. 1648 с.; Там же. Том V. Отделение 1. 1830 г. 1831. 710 с.; Там же. Том VI. Отделение 2. 1831 г. 1832. 710 с.; Там же. Том VIII. Отделение 1. 1833 г. 1834. 833 с.; Там же. Том XI. Отделение 1. 1836 г. 1837. 896 с.; Там же. Том X. Отделение 2. 1835 г. 1836. 910 с.; Том XII. Отделение 1. 1837 г. 1838. 823 с.; Том XXX. Отделение 1. 1855 г. 1856. 779 с.; Там же. Том XXXVIII. Отделение 1. 1863 г. 1866. 942 с.; Там же. Том XLVII. Отделение 1. 1872 г. 1875. 1049 с.; Том XLIX. Отделение 1. 1876. 949 с.; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXV. Отделение 2. 1905 г. Спб.: Государственная типография. 1808. 1010 с.

[1] Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. - Казань, Типолитография Имп. Унта, 1902. 53 с.; Резолюции Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1-11 мая 1917 г. / Всероссийский мусульманский съезд (1917; Москва). Пг.: Б. и., 1917; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. / Сборник документов и материалов / Сост. Л. А. Ямаева. - Уфа: Китап, 1998. - 384 с.; Ислам в законодательстве России 1554–1929 гг.: Сб. законодат. актов / Сост.: Юнусова А. Б. и другие. Уфа. 119 с.; Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. и авт. вводной статьи, примечаний и комментариев Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001.

[2] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. Уфа: Электр. типолитография В. П. Колмацкого, 1902; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / Сост. Р. Фахретдинов. Уфа: б.и., 1905. 225 с.

«Адрес-календарей»[1], «Памятных книжек», «Справочных книжек»[2], опубликованных Губернским статистическим комитетом в период с 1864 по 1916 годы, «Списках населенных мест»[3], «Ежегодниках»[4], где представлена информация о демографических характеристиках Уфимской губернии, включая данные о количестве жителей, их этнической и религиозной принадлежности, а также о социальной структуре населения. Представлена информация о численности последователей ислама в округах и городских поселениях, а также сведения о культовых сооружениях – мечетях. Кроме того, в работе содержатся статистические данные о лицах, осуществляющих религиозную деятельность в мусульманских общинах, включая численность членов их семей[5].

Имеются материалы о Первой всероссийской переписи населения, проведённой в Российской Империи в 1897 году. Особое внимание уделяется сведениям, относящимся к Уфимской губернии[6]. Однако, поскольку при ее проведении, принадлежность к мусульманскому духовенству не фиксировалась (учитывалось только христианское духовенство), перепись не дает подробной картины об общем состоянии служителей исламского культа.

Третья группа источников занимает особое место, поскольку, с одной стороны, сочинения общественных и религиозных деятелей рассматривались в

---

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: тип. губ. правл., 1904; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: губ. тип., 1905; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1907 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: губ. тип., 1907; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: тип. губ. правл., 1908; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: электр. губ. тип., 1909; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: губ. электр. тип., 1910; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: губ. электр. тип., 1911.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии со статистическою картою губернии. Уфа, 1873.; Уфимский календарь на 1876 год (високосный). Уфа. 1875.; Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883.; Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. Уфа, 1894.

[3] Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

[4] Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1905. (Исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1905.

[5] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[6] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XLV. Уфимская губерния. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. Тетрадь 2. 189 с.

историографическом обзоре и отмечалось, что в трудах многих авторов – Е.А. Малова[1], М.А. Машанова[2], И. Гаспринского[3], Р. Фахреддина[4], В.М. Черемшанского[5], М.В. Лоссиевского[6], С.Г. Рыбакова[7] и др., содержится большое количество сведений по истории ОМДС, мусульманского населения и мусульманского духовенства в крае. Вместе с тем, они, несомненно, выступают важным первоисточником по изучению быта и повседневной жизни служителей исламского культа, поскольку написаны очевидцами. Среди них обособленно стоят работы религиозных деятелей Р. Фахреддина[8], М.А.К. Казем-Бека (после крещения Александр Касимович Казем-Бек)[9] и др., в которых анализируются нормы шариата, изучается их роль в семейных и имущественных отношениях среди мусульман и т.д.

В четвертую группу источников входят данные, почерпнутые из дореволюционных газет и журналов конца XIX – начала XX веков, издававшихся на старотатарском языке, где печатались многие видные мусульманские деятели Р. Фахретдинов, Г. Ибрагимов, З. Валиди.

На страницах газет «Вакыт» («Время»), «Кояш» («Солнце»), «Йолдыз» («Звезда»), журналов «Шура» («Совет»), «Сеембике» («Сююмбике») и др. обсуждался широкий круг вопросов на актуальные темы[10], а также связанных с проблемами мусульманского образования[11] и т.д. Нередко в тех или иных СМИ

---

[1] Малов Е.А. Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Дневник миссионера. Казань, 1892; Его же. О татарских мечетях в России. Казань, 1868.

[2] Машанов М.А. Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам // Миссионерский съезд в г. Казани 13 – 26 июня 1910 года. Казань, 1910. С.235 – 335

[3] Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.

[4] Фэхреддин Ризаэддин. Асар / Ризаэддин Фэхреддин. Т.1 - Казан: Рухият, 2006. - 360 б.; Его же. Асар. 2 том. Казань: Рухият, 2009. 304 с.; Его же. Асар. 3, 4 том. - Казань: Рухият, 2010. 648 с.

[5] Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Сочинение В. М. Черемшанского, удостоенное от Ученого комитета Министерства государственных имуществ золотой медали. Уфа, 1859.

[6] Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. Уфа, 1903.

[7] Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.; Он же. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России.СПб., 1917. 56 с.

[8] Ризаэддин бине Фәхреддин. «Җәвамигуль-кәлим» шәрхе. Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. 552 б.

[9] Казем-Бек М.М.А. Предисловие к книге «Мухтасар-уль-Викая». – Казань: Издательство «Иман», 2002. 64 с.

[10] Свобода религии // Вакыт. 1909. 19 февраля (на тат. яз.); об убийстве депутата Сыртланова // Вакыт. 1913. 5 мая (на тат. яз.); Новая железная дорога // Кояш. 1917. 28 февраля (на тат. яз.); Государственная Дума // Кояш. 1913. 22 марта (на тат. яз.); Фахретдинов Р. Цели и задачи журнала Шуро // Шуро. 1908. № 1 (на тат. яз.) и др.

[11] Женское движение в России: (женское образование) // Сююмбике. 1913. № 1 (на тат.). Махруй М. Открытое письмо учителям // Сююмбике. 1914. № 11. (на тат. яз) и др.

публиковались статьи, посвященные отдельным представителям мусульманского духовенства, общественным деятелям[1].

Пятая группа источников представлена иллюстративным материалом в виде карт и рисунков. Стоит отметить, что большое количество иллюстративного материала, в том числе и картографических источников, долгие годы хранившихся в архивах Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга и др., ранее не доступного для большинства людей или опубликованного в плохом качестве, в настоящее время стало открыто широкому кругу пользователей благодаря сети интернет.

Шестая группа представлена визуальным материалом – фотографиями, появившимися в Уфимской губернии практически в изучаемый период времени.

Так, к примеру, М.А Круковский, совершивший в 1908 г. путешествие по Южному Уралу, в пределах Уфимской и Оренбургской губернии, сделал большое количество фотографий, в том числе и представителей мусульманского духовенства, значимая часть которых была опубликована в черно-белом цвете в его путевых заметках[2]. В настоящее время эти фотографии выложены на официальном сайте Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН).

То же самое можно сказать и о знаменитой коллекции фотографий С.М. Прокудина-Горского, в том числе сделанные на Южном Урале в начале XX в., которая выложена для свободного просмотра на сайте Библиотеки Конгресса США, на различных сайтах и в группах в социальных сетях.

Как уже отмечалось, в целом изучение мусульманского духовенства Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. тесно связано с историей развития ислама и его институтов на Южном Урале. В связи с этим, при написании работы использовались разнообразные, в том числе летописные материалы[3], источники по древней и средневековой истории Южноуральского

---

[1] Каримов Ф. Великий национальный траур // Вакыт. 1914. 13 сентябрь (на тат. яз.); Фахретдинов Р. Исмаил бек Гаспринский // Вакыт. 1914.. 13 сентября (на тат. яз.); Валиди Д. Исмаил бек Гаспринский // Вакыт. 1914. 14 сентября; Шигабутдин хазрат Марджани // Вакыт. 1915. 9 января и т.д.

[2] Круковский М.А. Южный Урал: Путевые очерки: (С 140 фотогр. авт.). Москва: К.И. Тихомиров, 1909. 311.

[3] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Санктпетербург: Археографическая комиссия, 1841-1921. Т. 20, половина 2: Львовская летопись. Ч. 2. 1914. С. 420–

региона[1], а также документы, касающиеся общего развития края в XVI – начале XX вв.[2].

Методологическая основа диссертационного исследования опирается на традиционные для исторической науки принципы *историзма* (изучение отдельных фактов, событий и явлений исторического порядка в контексте их взаимосвязанности и взаимной обусловленности), объективности (привлечение источников, аргументов и фактов в их истинном содержании), *системности* и *всесторонности* (целостное изучение значимых событий в их взаимосвязи между собой и историческими условиями вокруг них).

В данном исследовании применялись как общенаучные методы – синтез и анализ, так и специально-исторические – сравнительно-исторический, историографический и источниковедческий анализ. В ходе работы над первой главой применялся также проблемно-хронологический метод, позволяющий рассмотреть качественные изменения в развитии мусульманского духовенства на протяжении длительного периода времени. При разработке второй главы делался упор, в том числе на историко-системный и компаративный методы, рассматривающие исторические явления и процессы как часть системы, в которой каждый элемент связан с другими компонентами – социальными, экономическими, культурными и политическими факторами. Третья глава написана, наряду с применением общенаучных и специально-исторических, также с использованием метода критического сопоставительного анализа разных источников, который дает возможность показать объективную картину происходящих событий, а также статистического метода, дающего возможность отследить динамику мусульманского духовенства в изучаемый период времени.

686; Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарий Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

[1] Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.) / Ф.Г. Хисаметдинова, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 340 с.; Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. – СПб., 1869.

[2] Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобр-ю гос. строя России, с прил-м алфавитного предметного указателя. 1909.; Материалы по истории Башкирской АССР. 1960. 783 с.; Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. 2002.; Документы и материалы по истории башкирского народа (1900–1940).2012. 623 с.; Д. Х Касимов Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). 1997. 351 с.

Новизна исследования заключается, прежде всего, в постановке проблемы, поскольку мусульманское духовенство Уфимской губернии до настоящего времени не являлось объектом диссертационного исследования.

Служители исламского культа исследуются, в том числе, сквозь призму сословной структуры региона второй половины XIX – начала XX вв. Для этого были обобщены все статистические материалы адрес-календарей и справочных изданий, результаты изложены в отдельном параграфе и оформлены в таблицах. Также в научный оборот вводятся архивные и опубликованные материалы.

Научно-практическая значимость. Данные исследования могут быть использованы в перспективе для усиления позиций действующего мусульманского духовенства в Республике Башкортостан, повышения его авторитета в обществе. Помимо этого, результаты исследования могут послужить основой для анализа и детального описания актуальных тенденций в сфере межэтнического взаимодействия, наблюдаемых на территории региона.

Материалы диссертации окажут помощь в написании научных работ, в образовательном процессе – при создании учебных пособий, спецкурсов по религиоведению; этнологии, истории и культуре народов России, истории и культуре Башкортостана, в музейном деле, в этнотуризме края.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование отвечает паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), соответствуя таким направлениям исследования: п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п. 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России; п. 17. Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация исследования. Результаты исследования докладывались на научных конференциях, симпозиумах международного, всероссийского и регионального уровней; нашли отражение в 10 публикациях, среди которых 3 – в научных журналах, входящих в перечень периодических изданий ВАК РФ.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами диссертационного исследования – состоит из введения, трех глав (по три параграфа), заключения, списка источников и литературы, приложений.

Глава I. Основные этапы развития ислама и института мусульманского духовенства на Южном Урале

1.1 Начало распространения и развитие ислама в Южноуральском регионе в X – середине XIX вв.

Исследование истории мусульманского духовенства на территории Уфимской губернии в период с середины XIX до начала XX столетия невозможно без общего понимания процесса развития ислама на Южном Урале с момента его появления и распространения среди местного автохтонного башкирского населения и до изучаемого периода, когда с мусульманским образом жизни ассоциировались башкиры, татары, тептяри и представители некоторых других народов и этнических групп.

Ислам, зародившись в начале VII в. на Аравийском полуострове как надплеменная монотеистическая религия арабов, в ходе арабско-мусульманской экспансии и завоевательных походов достаточно быстро начал распространяться за пределами своей исторической родины, и уже к VIII в. занимал главенствующее положение на огромной территории от современных границ Испании и до Индии. В тот же период арабами была завоевана Средняя Азия, вошедшая в состав Арабского халифата[1].

На территории современной России мусульманская религия появилась в 654 г., когда арабские завоеватели достигли пределов нынешней Республики Дагестан и столкнулись с существовавшим здесь Хазарским каганатом. В ходе многолетней войны хазаров с арабами, последние вынудили в 737 г. принять кагана Хазарии ислам[2]. И хотя это коснулось только кагана и его ближайшее окружение, и сам хазарский правитель впоследствии вновь стал исповедовать иудаизм[3], ислам начал распространяться на Кавказе, постепенно охватывая новые народы и территории,

[1] Вагабов М.В. Арабская экспансия и трансформация ислама из национальной религии в мировую // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 30–46.
[2] Ланда Р. История ислама в России // Россия и мусульманский мир. 2003. № 12. С. 17–18.
[3] Матвеев К.П. История ислама. М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. С. 107–108.

(хотя в отдельные районы Кавказских гор он проникает только в XVI в.)[1]. Сами хазары вновь принимают официально ислам в конце X в. от Хорезма[2].

Южный Урал, в том числе территория современного Башкортостана, значимую часть которого в прошлом занимала Уфимская губерния, был тесно связан с историей развития всего Урало-Поволжья и прилегающих регионов. В X–XIII вв. на него оказывала влияние Волжская Булгария, в XIII–XVI вв. – Золотая Орда и появившиеся после ее распада – Ногайская Орда, Казанское и Сибирское ханства, официальной религией в которых являлся ислам[3].

Одно из наиболее ранних упоминаний о мусульманах среди башкир относится к началу X в., когда арабский путешественник и историк Ахмед ибн-Фадлана, описывая башкир, отмечал, что в составе посольства был «один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас», однако, учитывая, что он же указывал на языческие верования башкир, у которых было «двенадцать господов…А господь, который на небе, самый больший из них»[4], очевидно можно говорить только о начальном этапе проникновения ислама в среду башкирского населения.

В целом, время и обстоятельства появления ислама на Южном Урале, особенности его распространения среди башкир на ранних этапах до сих пор не получили однозначной трактовки. Существует несколько основных точек зрения по данному вопросу.

Согласно одной из них, эти процессы была тесно связаны с событиями, происходящими в Среднем Поволжье и бассейне р. Камы на рубеже I–II тысячелетия. Здесь в X–XIII вв., находилось государство Волжская Булгария, основу населения которого составляли булгарские племена, являвшиеся, по

---

[1] Шамаев А.М. Исторические аспекты исламизации Северного Кавказа (VII–XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 3.М. С. 15–23.

[2] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа/А.П. Новосельцев. - М.: Наука, 1990.261 с.

[3] Антонов И.В. О времени принятия ислама населением Южного Урала // Genesis: исторические исследования. 2022. № 11. С. 75.

[4] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и коммент. / А. П. Ковалевский, д-р ист. наук проф. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. С. 130–131.

мнению ряда исследователей, одними из предков современных татар[1]. Внедрение ислама в культуру булгар началось в VII–VIII веках нашей эры. Этот процесс совпал с миграцией булгар в регион Среднего Поволжья и формированием Волжской Булгарии. Ислам распространялся благодаря активности мусульманских религиозных деятелей и купцов, прибывавших из Средней Азии[2].

По мере становления позиций Булгарии в Поволжье, которая была вассалом Хазарского каганата, ее правители начали проявлять интерес к исламу, считая, что принятие религии на государственном уровне будет способствовать как укреплению государства, власти и авторитета правителей, так и объединению представителей разных племен и народностей. По словам упомянутого Ибн-Фадлана, волжский царь Алмас (Алмуш) обратился с письмом к аббасидскому халифу Джафару аль-Муктадир Билляху с просьбой отправить к ним «кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть». Также он просил оказать помощь в строительстве крепости, чтобы «укрепиться в ней от царей, своих противников»[3].

Вслед за этим, как ответ из Багдада, прошедшему через Центральную Азию, по территориям, населенным огузами, печенегами и башкирами прибыло посольство во главе с послом Сусаном ар-Расси и уже упомянутым секретарем посольства Ахмедом ибн-Фадланом, в мае 922 г. Волжская Булгария официально принимает ислам[4], хотя на тот момент эта религия уже занимала довольно значимое место в жизни и культуре булгарского общества[5].

Примечательно, несмотря на то, что при дворе халифа в Багдаде господствовал шафиитский мазхаб, к моменту приезда Ибн-Фадлана в Волжской

---

[1] Батыров У.Ф., Собянин А.Д. Булгары: неизвестная история очень известного народа // Профи. 1999. № 6–7. С. 61–68; Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 277 с.; Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с.; Татарский народ и его предки/А.Х. Халиков. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. 222 с.; Рафик Мухаметшин. Татары и ислам в XX веке. Казань: Фэн, 2003. 303 с.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд.ист. наук. Казань, 2012. С.26.

[3] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С.55.

[4] Житинев Т.Е. Ислам в России: вехи истории // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010 № 4. С. 36; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 132–133.

[5] Гагин И.А. Волжская Булгария – северный форпост исламского мира (к вопросу о путях проникновения ислама на Волгу) // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 3. С. 55.

Булгарии установился ханафитский толк, проникнув сюда по торговым путям из Мавераннахра. Об этом свидетельствует тот факт, что Ибн-Фадлан в X в. зафиксировал здесь обычай удвоения икамы (второго призыва на молитву), что является характерным признаком ханафитской системы обрядов[1].

Несмотря на то, что официальное принятие ислама в Булгарии связывают с Багдадским халифатом, по мнению Г.М. Давлетшина, ислам проник сюда задолго до прихода багдадского посольства из Средней Азии и был среднеазиатского, ханафитского толка. Постепенно Средняя Азия с центром Бухара и Волжская Булгария составляют единый культурно-религиозный ареал[2].

Важнейшими последствиями становления ислама как официальной государственной религии Волжской Булгарии становятся развитие письменности на основе арабского алфавита, знакомство с новейшими культурными достижениями среднеазиатской и арабской культуры, формирование нового мировоззрения и т.д.[3]

Развиваясь, мусульманство не только проникало во все сферы жизни булгарского общества, но и тесно сливалось с государственными отношениями и интересами настолько, что уже в конце X в. волжские болгары, по мнению исследователей, начали распространять ислам среди подвластных и соседних народов и государств, в том числе и в Древней Руси. И если киевские князья отказались от ислама как государственной религии и приняли православие, булгарские миссионеры смогли достичь определенных успехов по распространению ислама среди половцев, башкир, венгров, буртас, мари,

[1] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 20,28,32–33.
[2] Давлетшин Г.М. Роль Средней Азии в исламизации Болгар // Тюркский мир и исламская цивилизация. Проблемы языка, литературы, истории и религии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 458.
[3] Нигамаев А, Хузин Ф. Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 150.

удмуртов, мордвы и т.д.[1] (впрочем, по мнению Г.Н. Гарустовича «к таким категорическим изречениям» стоит «относиться с осторожностью»)[2].

Эта точка зрения о привнесении и распространении ислама среди башкирского населения Южного Урала со стороны Волжской Булгарии, характерная, преимущественно, исследователям из Татарстана, в определенной мере поддерживалась и учеными из Башкортостана – антропологом Р.М. Юсуповым и религиоведами Ю.Н. Сергеевым и А.Б. Юнусовой. Так, первый автор высказался, что ислам начал проникать в IX–X вв., сначала в среду западных башкирских племен. Однако, даже в XIV–XVI вв. он охватил не все слои населения, а только родовую аристократию. И только после присоединения башкир к Русскому государству, ислам начал широко распространяться, т.к. был необходим правительству в его колонизаторской политике[3].

По мнению Ю.Н. Сергеева, на Южном Урале до монгольского нашествия ислам исповедовался среди знатных племен западных башкир. С XIII в. стал интенсивно распространяться у простых скотоводов – общинников. К концу XIV века ареал данного вероисповедания расширился до центрально-прибельской части края. Лишь при хане Узбеке[4] началась исламизация южных и восточных башкирских племен.

А.Б. Юнусова, указывая на башкирские предания и шежере, а также письменные свидетельства средневековых авторов – Якута аль-Хамауи, Ибн-Саида о распространении ислама среди западных башкир, проживающих в пределах речных долин Агидели, Ика, Демы, Таныпа, также связывала исламизацию западных башкир с булгарами[5].

---

[1]Давлетшин Г.М. История духовной культуры тюрко-татар. Казань: Магариф, 1999. С. 229; Мухамадеев, А.Р. Мусульманская миссионерская деятельность волжских болгар (X – начало XIII века) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Отв. ред. М.Р. Нахаев. Махачкала: Типография Алеф, 2018. С. 269; Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд.ист. наук. Казань, 2012. С. 27.

[2] Гарустович Г.Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья // Уфимский археологический вестник. 2013. № 13. С. 140.

[3] Башкиры: Этническая история и традиционная культура/ Н.В Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова. - Уфа: Башк. энцикл., 2002. С. 182.

[4] Сергеев Ю.Н. Религиозные верования народов Башкортостана // Очерки по культуре народов Башкортостана. Уфа, 1994. С. 72-73.

[5] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Религии: Ислам. Уфа, 1999. С. 14-15.

То обстоятельство, что все проповедники, прибывавшие на Южный Урал, будь то из Бухары или из других регионов Золотой Орды и постордынских государств, были последователями ханафитского мазхаба, обусловило его закрепление в регионе[1].

О раннем распространении ислама среди отдельных групп башкир, которое несли первые миссионеры – сахабы, направленные в Урало-Поволжье еще в первой половине VII в. пророком Мухаммедом, писали и исследователи Х. Ахматуллах, М.М. Кульшарипов[2].

На южный вектор проникновения ислама на Южный Урал указывали и исследователи З.Г. Аминев и Л.А. Ямаева, отмечавшие, что исламизация башкирского населения произошла под влиянием, прежде всего, «мусульманской Средней Азии» с ее «мощными государственными образованиями, могущими оказать влияние на своих соседей, в том числе и на башкир»[3], с которой у населения Южного Урала существовали древние тесные торговые и этнокультурные связи.

Объединяющую точку зрения высказал Д.Д. Азаматов, отметив, что ислам распространялся в Башкортостане не только миссионерами из Волжской Булгарии и Средней Азии, но и проповедниками-башкирами, побывавшими в Булгарии[4].

Вышеуказанные исследователи в своих работах апеллировали, прежде всего, к историческим и этнографическим источникам. Однако, освещение данного вопроса было бы не полным без исследований археологов, хотя даже археологический материал мог в разные периоды интерпретироваться по-разному. К примеру, археолог Н.А. Мажитов в ранних трудах предполагал, что ислам проник в башкирскую среду в XII–XIII вв.[5], однако в одной из поздних работ, (написанной в соавторстве с А.Н. Султановой), удревнил это время до VIII – IX вв.[6].

---

[1] Нафиков Д.А. Ханафитский мазхаб в Башкортостане – лучший путь искоренения экстремизм // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Уфа, 2017. С. 415–422.
[2] Кульшарипов М.М. Принятие башкирами ислама: Проблемы изучения и осмысления // История в лицах, личность в историии / Сост. И.М. Гвоздикова, М.Н. Фархшатов. Уфа, 2013. С. 153–154; Аматуллах Г. Нарыстау – священное место страны башкир // Башкортостан – страна святых / Составители Кильдин С. А., Ярмуллин. С.Ш., Гайсина Ф.Ф. Уфа: «Китап», 2012. С. 38–39.
[3] Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: Дизайн-ПолиграфСервис, 2009. С. 13–14.
[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. Уфа, 1999. С. 12.
[5] Мажитов Н.А. Происхождение башкир // Археология и этнография башкир. Уфа, 1971. С. 15.
[6] Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. С. 298.

Тем не менее, археологический материал является достаточно надежным источником при изучении погребальной обрядности, являющейся одним из наиболее ярких маркеров проникновения ислама на Южный Урал. В контексте изучения генезиса и экспансии ислама, Г.Н. Гарустович, отмечая разногласия в датировке исламизации башкир, подчеркивал, что основная часть ученых относит первые контакты башкир с исламом к X веку. При этом, полное утверждение ислама среди башкир датируется периодом XIII–XIV или XIV–XV веков, что свидетельствует о длительном и постепенном характере данного процесса[1].

Сам Г.Н. Гарустович, исходя из имеющихся данных археологии, считал, что начальный этап вхождения ислама в среду предков башкир совпал со временем завершения мусульманизации булгар, т.е. в конце IX – начале X вв., а стадия его распространения относилась к XIII–XIV вв.[2]. По его мнению, сохранившийся у башкир до наших дней мусульманский обряд захоронений сложился к середине XV в.[3].

Захоронения начала второго тысячелетия в Предуралье, такие как Каранайский, Бакалинский и Мрясимовские курганы (X–XIII века), предоставляют археологические данные, указывающие на преобладание элементов языческих ритуалов. Об этом свидетельствуют курганные насыпи и наличие в погребениях оружия, украшений и других артефактов, характерных для языческих обрядов. Однако, захоронения начала XIII века в Кушулевском, Охлебининском (позднем) и Шиповском (позднем) могильниках, демонстрируют существенные изменения в погребальных традициях. Курганные насыпи исчезают, а захоронения с предметами сменяются ранними мусульманскими погребениями без инвентаря. Очевидно, что ислам оказал влияние на мировоззрение и обряды, поскольку в грунтовых некрополях XIV века (Такталачукском, Азметьевском I, Дербешкинском, Базитамакском, Кара Яр, Старо-Варяжских I–II, Горновском)

[1] Гарустович Г. Н. Распространение ислама на Южном Урале (историографический аспект проблемы) // Урал-Алтай: через века в будущее / Ред. колл.: Ф. Г. Хисамитдинова и др. Уфа, 2010. Т. II. С. 44.

[2] Гарустович Г.Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья // Уфимский археологический вестник. 2013. № 13. С. 140,141.

[3] Гарустович Г.Н. Рание-мусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в южноуральском регионе (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986. С. 77–81.

преобладают безинвентарные погребения, где умершие размещены лицом на кыблу. Что касается захоронений со следами языческих пережитков, то они становятся очень редкими[1].

В.Г. Коноулин и А.Р. Рахматуллина полагали, что проникновение ислама на территорию башкир произошло в VIII–IX вв., а принятие новой религии основной массой башкирского населения состоялось, по их мнению, в XIII–XIV вв., не в XV–XVI вв., когда она заняла прочные позиции в жизни народа[2]. Этнограф С.И. Руденко указывал на X–XI вв., как время проникновения ислама в среду башкир и XIV в., как период его значительного распространения[3]. Р. Г. Кузеев считал, что в X в. башкиры ещё не были мусульманами и внедрение ислама завершилось не ранее XIV–XV вв.»[4].

Большинство исследователей не случайно указывает на XIII–XIV вв. как время принятия ислама основной массой башкир, проживающих на Южном Урале. Монгольское завоевание, в корне изменившее ход событий на огромных территориях Евразийского пространства отразилось и на положении населения Поволжья и Южного Урала, которое было покорено, по некоторым данным, в период с 1225 г. по 1236–1242 гг.[5].

Башкирские племена, оказавшиеся в сфере влияния империи Чингисхана, интегрировались в состав Еке Монгол Улуса, трансформировавшегося впоследствии в суверенную Золотую Орду. Этот процесс происходил как на основе добровольного признания вассальной зависимости, так и под воздействием военной силы. Первым (в 1236 году) вассальную присягу принес Муйтен-бий, вождь племени усерган, который был назначен верховным бием башкир. Впоследствии территория Башкортостана была разделена на две административные единицы. Регионы Предуралья образовали самостоятельный

[1] Гарустович Г.Н. Распространение ислама среди башкир /История башкирского народа: в 7 т./ Г. Н. Гарустович; гл. ред. М.М. Кульшарипов. - Уфа: - Гилем, 2012. Т. II. С. 218.
[2] Коноулин, В.Г., Рахматуллина А.Р. Ислам в России (VIII–XXI вв.). Новосибирск, 2008. С. 157–160.
[3] Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1955. С. 314.
[4] Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. С. 8.
[5] Лопаткин И.Н. Вхождение Южного Урала в состав Улуса Джучи. Известия высших учебных заведений // Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (63). С. 16.

Башкирский улус, в то время как зауральская лесостепь башкир была включена в состав улуса Шибана[1].

При первых монгольских ханах, конфессиональная политика которых характеризовалась веротерпимостью, ислам занимал равное положение с остальными религиями и верованиями – христианством, буддизмом, иудаизмом, традиционным язычеством и т.д. Однако после того, как брат Батыя – хан Берке, члены его семьи и военная аристократия Золотой Орды принимает ислам (по разным данным в 1261–1262 гг., 1263 г. или ранее)[2], мусульманская религия, укрепив свои позиции, становится важным фактором развития государства.

Постепенно, по мере усиления власти Берке и его приемников, Золотая Орда все больше отделяется от имперского центра, пока при хане Менгу-Тимуре не обретает полную самостоятельность. Одновременно идет расширение и укрепление позиций мусульманства, о чем свидетельствует сокращение числа погребальных комплексов с языческими захоронениями и появление, и распространение в Поволжье и Приуралье мусульманских некрополей[3].

В 1314 г., практически сразу после прихода к власти хана Узбека, восхождению на вершину власти которого во многом способствовало мусульманское духовенство, ислам официально становится господствующей религией Золотой Орды, что приводит к обращению в неё подданных и преследованиям других религий, в первую очередь язычества[4].

По мнение Мажитова Н.А., Султановой А.Н. именно с именем золотоордынского хана Узбека, превратившего распространение ислама в официальную политику своего государства, связано окончательное утверждение среди башкир исламской религии[5]. Академик В.В. Бартольд также отмечал, что

---

[1] Гарустович Г. Н. Башкирские земли в составе улуса Джучи // Проблемы истории, филологии, культуры 2015, № 4. С. 200,203.

[2] Сидоренко В.А. Принятие религии Ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом, по документальным сведениям, Абд аз-Захира // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Выпуск XXVC. С. 519.

[3] Измайолов И., Усманов М. Ислам в улусе Джучи // История татар. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 599, 604-607.

[4] Житенев Т.Е. Ислам в России: вехи истории // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 4. С. 35-42. С. 36.

[5] Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. С. 360–361.

«уже в XIV веке ислам был государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами, от Южной России до границ Монголии и Китая»[1].

Переход башкир к исламу, по мнению исследователей был обусловлен целым рядом внешних и внутренних причин и предпосылок.

Например, социально-политические факторы: высокая степень устойчивости и консолидированности башкирского этноса, который фиксируется во многих источниках как самостоятельный и известный народ, начиная с IX в.; сформировавшаяся классовая дифференциация башкирского общества; тесные экономические, культурные и этнические связи Южного Урала с общепризнанными центрами исламской цивилизации средневековья – Хазарским Каганатом, Волжской Булгарией, Средней Азией и т.д., которые подтверждаются археологическими материалами.

Этнокультурные и идеологические факторы: принадлежность башкир к тюркоязычной ойкумене, сложившейся в эпоху средневековья и охватывающей огромную территорию, народы которой по большей части исповедовали ислам; эволюция религиозного мировоззрения и верований башкир по линии формирования монотеизма; уникальные способности ислама к адаптации и трансформации в любых социально-культурных условиях[2].

В качестве характерного индикатора трансформации религиозных убеждений башкирского населения Южного Урала в XIV веке выступает повсеместное возникновение архитектурно сложных кирпичных и каменных сооружений, отражающих раннюю исламскую культуру. Речь идет о величественных мавзолеях, возведенных над захоронениями представителей знати. Подобные сооружения были зафиксированы в ряде районов Оренбургской и Челябинской областей, свидетельствуя о распространении ислама и его влиянии на культуру региона. Эти монументальные постройки служат важным источником

[1] Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Собр. соч. Т. 5. М.: Изд-во вост. лит., 1968. С. 213.
[2] Аминев З.Г. Причины перехода башкир в монотеизм и почему при этом ими был выбран ислам // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. Уфа, 2018. С. 36–42.

информации об истории и религиозных традициях башкирского народа в указанный период[1].

На территории Башкортостана мавзолеи известны в Кугарчинском (Бендебика) и Чишминском (Хусейнбек, Турахана и Малый Кешене) районах[2].

Сведения о социальных аспектах жизни башкир в конце XIII – начале XIV веков можно почерпнуть из записей европейского путешественника, брата Иоганки. Он провел шесть лет среди башкир в 1310-1320-х годах и отмечал, что «государь всей Баскардии и большей частью его семья» совершенно заражены царицинским (мусульманским) «заблуждением»[3]. На рубеже XIII–XIV вв., как можно понять из письма Иоганки, ислам был принят в Башкирии в качестве официальной религии.

Золотая Орда, являвшаяся по общей площади крупнейшим государством средневековья, занимала огромную территорию, простиравшуюся от Алтая до Дуная, и включала предгорья Карпат, верховья Дона, Поволжье, Южный Урал, Крым, Северный Кавказ, Среднеазиатский регион и т.д.[4]. Однако, уже к середине XV в. Золотоордынское государство распалось на несколько независимых государственных образований – в каждом из которых ислам являлся господствующей религией: Крымское ханство[5], Казанское ханство[6], Касимовское

[1] Харламов П.В. Золотоордынские кирпичные мавзолеи западного Оренбуржья // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 193–196.; Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 95–119.

[2] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т.Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до XIX в. / Под ред. И. Г. Акманова. - Уфа: Китап, 2004. С. 75–76.

[3] Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. III. С. 92–93.

[4] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / Отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1985. С. 35-44.

[5] Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009. С. 25–61.

[6] Аксанов А.В. Ислам в Казанском ханстве: проблемы и перспективы исследования // Тюркологические исследования. 2018. Том 1. №. 3. С. 63–64.

ханство[1], Астраханское ханство[2], Сибирское ханство[3], Ногайская Орда[4] и др., некоторые из которых просуществовали до конца XVIII в.[5].

После распада Золотой Орды и до момента присоединения к Русскому государству в середине XVI в., башкиры, проживающие на Южном Урале и прилегающих территориях, в государственно-административном отношении приписывались к Ногайскому ханству (центральные, южные и юго-восточные башкиры), Казанскому ханству (западные и северо-западные башкиры), Сибирскому ханству (северо-восточные, зауральские) и Астраханскому ханству (юго-западные башкиры, проживающие в районе рр. Большая и Малая Узень, Большой и Малый Иргиз, Камелик, Каралик)[6].

После завоевания Казанского ханства, в течение 1550-х гг., основная часть башкир добровольно приняла русское подданство на основе договорных отношений. Башкирам были гарантированы сохранение вотчинного права на земли, мирная жизнь, невмешательство во внутренние дела и т.д. В свою очередь, они должны были выплачивать ежегодный ясак, нести службу и охранять юго-восточные границы государства[7].

Исключительно важное место во взаимоотношениях башкир с Российским государством принадлежало религиозному вопросу. На этот факт указывают и шежере башкирских племен, в частности Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян, где сказано, что в договорной грамоте «…в которой особо написали о наших землях и

---

[1] Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. С. 74–77.

[2] Сызранов А. В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. С. 22.

[3] Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158.

[4] Ярлыкапов А.А.Ислам у степных ногайцев / А.А. Ярлыкапов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: ИЭА РАН, 2008. С.25–27.

[5] История Ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. Казань: Российский исламский институт, 2022. С. 72–79.

[6] Акманов И.Г. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т.:/монография/И.Г. Акманов и др. - Уфа: Китап - 2004. Т II. С. 75-76.

[7] Чернова Т.А. Формирование принципов правового взаимоотношения российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. /Т. А. Чернова/ Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». - 2018. - Т. 18. - № 3. - С. 70.

религии, дали слово и поклялись, башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию»[1].

В течение второй половины XVI в. царское правительство соблюдало данные башкирам обещания, что не будет преследовать их религиозные верования, традиции и обычаи. Однако, постепенно, с рубежа XVI–XVII вв. оно стало предпринимать шаги по распространению христианства среди местного населения: активируется строительство монастырей, которым правительство жаловало башкирские вотчины[2].

С 1680-х гг. начинается усиление религиозной политики царизма в Башкирии. Царь Федор III Алексеевич Романов на Больших Московских соборах лично поднимал несколько раз вопрос о необходимости создания отдельной Уфимской епархии для распространения православия на новых землях. Переходя от слов к делу, в 1680–1681 гг. правительство издает ряд распоряжений, направленных на христианизацию инородцев, в том числе, известный Указ от 16 мая 1681 г., открыто провозглашавший принцип насильственной христианизации[3]. Более того, 7 ноября 1681 г. оно принимает решение создать в Уфе самостоятельную епархию во главе с епископом[4].

И хотя, по мнению некоторых исследователей, «планы по христианизации жителей бывшего Казанского ханства затрагивали, прежде всего, татар, а не башкир»[5], проводимая царским правительством религиозная политика явилась одной из причин башкирского восстания 1681–1684 гг., в ходе которого власти были вынуждены отказаться от реализации вышеназванного указа[6].

---

[1] Азнабаев Б.А., Самородов Д.П. Пересмотр отношений «центр – этническая периферия» в государстве Петра I. Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). –. С. 120.
[2] Акманов И.Г., Буканова Р.Г. Политика правительства в Башкортостане и народные движения в конце XVII – XVIII вв. // История башкирского народа: в 7 т. Т. III. С. 105–108.
[3] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 14.
[4] Акманов И.Г. Башкиры в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 61.
[5] Чернова Т.А. Формирование принципов правового взаимоотношения российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. /Т. А. Чернова/ Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». - 2018. - Т. 18. - № 3. С. 70.
[6] Акманов И.Г., Буканова Р.Г. Политика правитесльства в Башкортостане и народнеы движения в конце XVII – XVIII вв. // История башкирского народа: в 7 т. Т. III. С. 108.

В начале XVIII в. царское правительство, понимая, что открытая попытка повлиять на христианизацию мусульманского населения края вызывает столь мощное сопротивление, решило изменить тактику его проведения.

С возникновением исламской религии стали обустраиваться места, где проповедники собирали народ на совместные молитвы, читали проповеди, вовлекая в исламскую веру. Сначала это происходило в домах или самих проповедников, или их сторонников. Но такое положение было очень неудобным – не всегда небольшое по размерам жилье вмещало все новых и новых приверженцев исламской веры, да и немало неудобств доставляло хозяевам и их семьям. Постепенно созрело решение возводить отдельные, специальные помещения для молебнов, куда верующие могли прийти в любое время, не боясь стеснить хозяев. Таким образом решался и еще один вопрос – обустройство жилища для муллы, зачастую, в период зарождения и начала распространения исламской веры в Башкортостане – человека пришлого, то есть не местного, а значит, не имеющего пристанища, крова и крыши над головой. В Башкирии первые мечети появились в XVII веке. Сначала это были строения из подручного материала – самана, дерева, после – камня и кирпича[1].

В 1704 г. среди башкирского населения распространили новое требование, по которому возведение мечетей должно проводиться по образцу православных христианских церквей. Более того, специально указывалось, что во время богослужения, кроме муллы, должен был присутствовать и христианский священнослужитель. Еще одним новшеством, которое вводилось правительством, стремившимся ускорить процесс христианизации в крае – «наказание рублем». В качестве меры воздействия было установлено налогообложение прихожан за каждое посещение культового сооружения, а также введена подать для служителей

[1] Муратов А.Э. Уникальный архитектурный ансамбль села Килимово: «Белая мечеть» и дворец в стиле… А.Э. Муратов // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (24 ноября 2023 г.). – Уфа: УУНиТ, 2023. С. 21–22.

мусульманского культа и самих мечетей[1]. Это вызвало новую волну недовольства, вылившуюся в очередное восстание и заставившее власти отступить от задуманных планов.

В дальнейшем, царское правительство неоднократно пыталось проводить с помощью тех или иных методов христианизацию края, на которые народы, исповедующие ислам (прежде всего башкиры) отвечали рядом крупных восстаний, одно из которых – восстание 1755–1756 гг., по мнению ряда исследователей, представляло собой борьбу мусульман против неверных[2]. Также они принимали активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 годов. В рядах предводителей восстаний нередко оказывались духовные лица, такие как Исмагил мулла, Мурза абыз и Аббас мулла[3]. Эти обстоятельства вынудили царское правительство временно приостановить реализацию планов по активному внедрению государственной религии. Очевидно, народное сопротивление, подкрепленное авторитетом духовных лидеров, представляло серьезную угрозу для стабильности империи. В итоге, власти были вынуждены на время отказаться от планов активного насаждения государственной религии[4].

То же касается и судебной системы. Так, в 20-х гг. XVIII в. власть предприняла некоторые шаги по ограничению деятельности шариатских судов, однако их роль продолжала возрастать. Это в значительной мере было связано с миграцией в Башкирию татар из Казанской губернии, у которых шариатские суды были давно сложившимся институтом. Их массовое переселение было связано с принятием ряда законов, действие которых ограничивалось Казанской губернией – Указа о крещении в Казанской и Азовской губерниях Магометан 1713 г.[5], Указ Сенатский 1742 г. О недопущении в Казанской губернии строить мечети[6].

---

[1] Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – начало XX в.): /монография/ Д.Ш. Муфтахутдинова. – Казань: ЧУВО РИИ, - 2018. С. 86.

[2] Азнабаев, Б.А. Роль религиозного фактора в башкирском восстании 1755–1756 гг. С. 267.

[3] Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – начало XX в.): /монография/ Д.Ш. Муфтахутдинова. – Казань: ЧУВО РИИ, - 2018. С. 85.

[4] Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. С. 107.

[5] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XI. № 8664. С. 719-720.

[6] ПСЗРИ. Собрание первые. СПб. 1830. Т. V. № 2734. С. 66–67.

Башкиры охотно принимали в свои общества татарских мулл для удовлетворения религиозных потребностей. Например, в 1722 г. башкиры Казанской дороги обратились в Правительствующий сенат с просьбой оставить у себя трех беглых мулл и двух абызов «...для их законных отправлений и для содержания их мечетей и ради обучения ребят»[1].

Тем не менее, правительство не оставляло попыток воздействовать на мусульманское население Южного Урала. Так, в 1735 г. принимаются меры направленные на ограничение деятельности ахунов, у которых значительно сужались должностные полномочия. Также были наложены меры и на духовные суды мусульман, в юрисдикции которых остались только семейные дела. Под особый контроль попала прежде всего наиболее грамотная часть мусульманского населения, в том числе муллы и абызы[2].

В ходе политики христианизации, с 1741 по 1756 гг. в Оренбургской губернии крестили 4999 человек. Несмотря на достигнутые результаты, зачастую новокрещенные «иноверцы», после получения обещанных им за добровольный переход в христианство льгот и привилегий, продолжали придерживаться своих старых религиозных верований. В случае, если люди крестились под давлением или их крестили насильно, они жаловались на православных архереев[3].

По мнению историка Г.Б. Фаизова, после падения Казанского ханства и присоединения огромных территорий Урало-Поволжья, населенных преимущественно тюркоязычными людьми, исповедующими ислам, царское правительство проводит политику, которая по содержанию и форме делится на два этапа.

Первый, период 1552–1789 гг., характеризуется насильственным крещенем мусульман, закрытием исламских учебных учреждений, уничтожением

---

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 15.

[2] Сулейманова Ю.Ф. Политика российских властей по отношению к мусульманам на Южном Урале в 30–50-е гг. XVIII в. /Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В. В. Амелина. — Оренбург: Бузулукская тип., 2011. С. 58.

[3] Любимов А.Г. Создание и деятельность Духовных правлений на Южном Урале в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2021. С. 44.

молитвенных сооружений – мечетей и преследованием мусульманских проповедников.

Второй этап, который хронологически относится к 1789–1917 гг., ознаменовался переходом правительства от политики притеснения мусульман к толерантному и терпимому отношению к исламу. В это время было создано Оренбургское магометанское духовное собрание, появление которого означало переход мусульманской религии в разряд «терпимых» государством конфессий, при ведущей роли в стране православия[1].

Таким образом, создание в 1789 г. ОМДС стало своеобразным рубежом между двумя достаточно сильно отличающимися между собой этапами внутригосударственной политики по отношению к мусульманской религии и ее адептам[2].

В целом, говоря об исламе в период с момента присоединения башкир к Российскому государству и до создания ОМДС, можно отметить следующее. С одной стороны, идея веры в одного Аллаха (единобожие) и мусульманская общая духовная, религиозно-этическая и письменно-литературная культура способствовали консолидации башкирского народа, преемственности знаний их хозяйственно-культурного опыта, а с другой, наличие такой религиозно-этической системы, как ислам, явилось мощным противовесом политике христианизации, проводимой российским правительством, и обусловило, в отличие от многих языческих народов Урало-Поволжья, сохранение национально-религиозной самобытности башкир[3].

Первой в истории Российской империи о веротерпимости к исламу провозгласила Екатерины II, от 17 июня 1773 г. Указом «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам»[4].

---

[1] Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 43–44.
[2] История Ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. С. 123.
[3] Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. Уфа, 1995. С. 28.
[4] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XIX. №13996. С. 775–776.

В качестве наглядного примера реализации нового политического курса, провозглашенного императрицей Екатериной II в рассматриваемом указе, следует отметить возведение каменных мечетей и мусульманских духовных училищ (медресе) начиная с 1780-х годов вдоль границы между Уфимским наместничеством и территорией Казахстана[1].

Среди причин, которые заставили пойти правительство на такой шаг и создать специальный орган по управлению мусульманами, исследователи выделяют следующие: активное участие народов (прежде всего башкир), исповедующих ислам в восстаниях и особую роль в них мулл; неудачи в политике насильственной христианизации мусульман и внешнеполитические факторы. Последние были связаны с конфликтами между Россией и соседней Османской империей, которая во время военных действий постоянно пыталась привлечь внутреннее мусульманское население Российской империи к оказанию помощи, а также подталкивала среднеазиатские ханства и казахские жузы к нападениям и т.д.[2].

Важнейшим шагом нового курса явилось подписание 22 сентября 1788 г. Екатериной II Указа, согласно которому в Уфе открывалось «Духовное собрание магометанского закона»[3], авторами которого были глава Симбирского и Уфимского наместничества, барон О.А. Игельстром и его советник Д.Б. Мертваго. Местопребыванием собрания был определен г. Уфа (только в 1796–1802 оно находилось в г. Оренбурге), в сентябре 1864 года на улице Тукаева было возведено специализированное строение, предназначенное для размещения учреждения. В настоящее время в этом здании располагается Центральное духовное управление мусульман (Приложение. Рис. 2).

В апреле 1798 г. в связи с введением кантонной системы управления, на территории Оренбургской губернии было организовано Башкиро-Мещерякское

---

[1] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XXII. № 162 555. С. 450.

[2] Абдрашитова А.Р. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления мусульман в XIX – начале XX веков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2001. № 1. С. 50; Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань, 2011. С. 4.

[3] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XX. № 16 710. С. 1167.

войско (по типу казачьих войск), состоящее из мусульман башкир, мещеряков и тептярей, просуществовавшее до июля 1865 г.[1]. Оно сыграло важную роль в развитии системы самоуправления тюрков-мусульман Южного Урала, а участие в войнах с внешними врагами, особенно в период наполеоновских войн 20 башкирских, четырех мещерякских и двух тептярских кавалерийских пятисотенных полков, способствовало повышению престижа ислама в российском обществе в целом.

В период правления Александра I (1801–1825 гг.) отношение властей к мусульманам оставалось настороженным, о чем свидетельствует создание в июле 1810 года Главного управления духовных дел разных (иностранных) исповеданий, основной задачей которого являлся контроль и наблюдение за не православными религиями[2]. В 1817 году произошла реорганизация, в результате которой было учреждено Министерство, объединившее в своей компетенции вопросы, касающиеся религиозных дел и образовательной сферы[3].

В 1824 году состоялось отделение Министерства просвещения от структуры, в рамках которой оно ранее функционировало. Впоследствии, в 1832 году, данная структура была преобразована в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий (ДДДИИ), который был интегрирован в состав Министерства внутренних дел, став его подразделением. Департамент не располагал собственными территориальными органами, осуществляя свою деятельность посредством губернских администраций. К 1917 году в нём насчитывалось семь отделений, из которых первое ведало католиками, второе – протестантами, третье – сектантами, четвертое – старообрядцами, пятое – мусульманами, буддистами, иудеями и язычниками, шестое – армянами григорианского и католического обрядов, седьмое вело секретные дела[4].

---

[1] Каминский Ф.А. Башкиро-мещерякское войско в конце XVIII - 60-х годах XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 32-39.
[2] Мухетдинов Д.В. История ислама в России / Под общ. ред. В. В. Трепавлова. М.: ООО «Садра», 2019. С. 153.
[3] Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII – начало XX вв.)/Е.А. Терюкова/Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2010. - Т. 4. С. 205.
[4] Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: в 4 т. Т. 2. СПб.: Наука. С. 36–37.

После Октябрьской революции 1917 года был расформирован департамент, в котором работали эксперты, специализирующиеся на исламе и исламском праве. В числе его сотрудников были такие выдающиеся личности, как известный востоковед, этнический азербайджанец Казем-Бек, и знаменитый этнограф С.Г. Рыбаков. Данное подразделение играло важную роль в изучении и анализе исламской культуры и права в Российской империи[1].

Во второй четверти XIX в., во времена царствования Николая I, принято особо значительное количество законодательных актов по вопросам мусульман в России (с 1825 по 1855 гг. около 190 документов, касающихся ислама)[2]. В 1833 г. принят Указ, обязывающий мусульман строго и неукоснительно исполнять и придерживаться всех положений своей религии, в случае нарушения которых, отступников ожидало телесное наказание[3].

Они регламентировали многие аспекты жизнедеятельности как самих мусульман, так и религиозно-культурные институты в стране. Сюда относятся численный норматив мусульманского прихода, технические и политические аспекты строительства мечетей и штаты духовенства при них, некоторые пункты правового положения и обязанности духовенства, на которое в 1829 г. была возложена также регистрация актов гражданского состояния прихожан[4].

В совокупности, это свидетельствует, что отношение самодержавия к мусульманам оставалось противоречивым; с одной стороны принимались действительно важные и актуальные на тот момент времени решения, с другой – некоторые из них носили непродуманный, а порой и провокационный характер, к данной категории следует причислить Указ, датированный 13 мая 1830 г. «О не

---

[1] Бабич И.Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.)/И.Л. Бабич/Кавказ и глобализация. - 2008. - Т. 2. №3. - С. 54.

[2] Ногманов А.И. Татары Волго-Уральского региона в царствование Николая I: Религиозный фактор в законодательной политике/А.И. Ногманов/Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. - 2006. - № 4. С. 174.

[3] Дашковский, П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.: монография/П.А. Дашковский, Е.А. Шернешева; - Барнаул; Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 23.

[4] Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года: монография/И.К. Загидуллин; - Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 4.

отступлении от общих правил при погребении Магометан»[1]. Этот указ, затрагивающий сроки захоронения умерших, вызвал споры и недоумение даже в ОМДС, среди представителей высшего мусульманского духовенства, лояльно настроенного к правительству[2].

Несмотря на проводимую властями религиозную политику, тюркское население огромных территорий Поволжья, Приуралья и Западной Сибири все больше приобщается к исламской цивилизации[3].

До середины XIX в. мусульманская религия увеличивает свое влияние в регионе, что способствует росту религиозных строений и числу мусульманских священнослужителей. К примеру, в Оренбургской губернии в начале XIX века, а именно в 1800 году, функционировало 1 147 мечетей, обеспечиваемых служением 1 793 духовных лиц. Спустя полвека, к 1850 году, количество мечетей в регионе возросло до 1 663, а число мулл увеличилось до 3955. Таким образом, наблюдается значительный рост религиозной инфраструктуры и духовенства. В течение пятидесяти лет число мечетей и духовных служителей увеличилось в полтора раза, демонстрируя устойчивую динамику развития исламской религиозной жизни в Оренбургской губернии[4].

Выводы по параграфу. Таким образом, мусульманская религия, зародившись в начале VII в. на Аравийском полуострове, достаточно быстро начала распространяться за пределами своей исторической родины. К середине того же столетия ислам, впервые появившийся на территории современной России – в Восточном Предкавказье, достигает к X в. Среднего Поволжья, где правитель Волжской Булгарии Алмуш на государственном уровне в 922 г. официально принимает мусульманство.

---

[1] Азаматова Г.Б. Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман»/Г.Б. Азаматова/Oriental Studies. - 2022. - Т. 15. 1. С. 29-36.

[2] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–10 об.

[3] Дашковский, П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.: монография/П.А. Дашковский, Е.А. Шернешева; - Барнаул; Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 19.

[4] Азаматов Д.Д. История башкирского народа: в 7 т./Азаматов Даниль Дамирович: [гл. ред. Сарбаев Р.С,]. - М.: Наука. 2009. Т. IV. С. 190–191.

Начиная с этого момента, в письменных источниках все чаще появляются сообщения о распространении мусульманской религии среди башкирского населения на Южном Урале. Несмотря на дискуссию о времени проникновения ислама в башкирскую среду – от VII до XIV вв. и исходную точку – Волжская Булгария или Средняя Азия, основная часть исследователей считает, что территория современного Башкортостана была, в основном, исламизирована в XIII–XIV вв. в связи с вхождением региона в Золотую Орду.

Теперь история региона стала тесно связана с исламской религией, ставшей к середине XVI в. настолько важной составляющей образа жизни башкирских племен и родов, что после их присоединения к Российскому государству на основе договорных отношений, одним из основных условий была гарантия свободы вероисповедования и сохранение в крае мусульманской религии.

В ходе интенсивной колонизации края в XVII–XVIII вв., сопровождавшейся переселением на Южный Урал как православного (преимущественно, русскоязычного), так и мусульманского населения, царское правительство стало нарушать договоренности, захватывало башкирские земли, пыталось насильственно христианизировать мусульман, язычников и т.д. В ответ башкиры и другие народы поднимали восстания, руководителями которых, в ряде случаев, были и представители мусульманского духовенства.

В результате, правительство было вынужденно отказаться от политики конфронтации с исламом и начало выстраивать более лояльные отношения, о чем свидетельствует принятый Указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий…» и появление в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе[1].

В первой половине XIX века политика царского правительства в отношении мусульман отличалась прагматизмом и гибкостью, хотя и не была лишена внутренних противоречий. С одной стороны, государство стремилось к интеграции мусульманского населения в общеимперскую структуру, регулируя их правовой

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 19. №13996. - 775–776 с.

статус и деятельность мусульманского духовенства на общегосударственном уровне. Однако, с другой стороны, правительство не отказывалось от попыток обращения мусульман в христианство и вводило различные ограничительные меры. Данный подход, сочетавший стремление к интеграции с элементами религиозной дискриминации, отражал сложность и многогранность государственной политики в отношении мусульман в указанный период.

1.2 Развитие ислама в Уфимской губернии в 1865–1917 гг.

Период с середины XIX до начала XX века представляет собой значимую эпоху в истории ислама в пределах Российской империи, включая Уфимскую губернию. В отличие от периода с конца XVIII до первой половины XIX века, когда императорское правительство реализовывало на присоединенных территориях практичную политику, направленную на обеспечение военной и политической устойчивости, а также на укрепление лояльности нерусского населения, в дальнейшем произошел пересмотр стратегического подхода. Данная трансформация, по мнению исследователей, может быть охарактеризована как проявление «русского имперского национализма». Это связано с тем, что новая политика строилась на отождествлении интересов империи и русского народа[1].

Официальная идеология Российской империи, концептуализированная в эпоху правления Николая I и базирующаяся на триединстве «православие, самодержавие, народность», изначально предназначалась для регулирования народного просвещения, образовательной системы и воспитательных процессов. Впоследствии, сфера ее влияния была расширена и охватила все слои общества, превратившись в фундаментальную идею, определявшую развитие страны на протяжении большей части XIX века[2]. При этом, содержание триады претерпевало

[1] Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в российской империи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205–206.
[2] Ососков Г.В. Официальная идеология Российской империи XIX века «Православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2017. Выпуск 12, Часть 3. ИНИОН РАН. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 661–662.

изменения, отражая социокультурные трансформации и политические реалии времени.

В Уфимской губернии положение мусульманской религии определялось, с одной стороны, общегосударственной политикой, формирующейся под влиянием внешне- и внутриполитических факторов, а также личностью и характером конкретного правившего монарха[1]. С другой – было тесно связано с особенностями этнокультурного и социально-экономического развития самого региона, где обитали «народы разных вер, племен и состояний»[2].

Стоит отметить, что религиозный вопрос, являвшийся неотъемлемой частью государственно-конфессиональных отношений, долгое время базировался в Российской империи на четырехуровневой правовой градации вероисповеданий: 1) православная церковь; 2) «признанные терпимые» и их приверженцы – католики, протестанты (лютеране и реформаты), иудеи, мусульмане, буддисты; 3) «терпимые непризнанные» – старообрядцы, а также сектанты (духовные христиане, толстовцы и т.п.); 4) «непризнанные нетерпимые» – иудействующие, изуверные и др. секты. Место той или иной религии определялось в зависимости от «истинности» в глазах монархического правительства; и наделялось (или лишалось) теми или иными правами в зависимости от конкретной ситуации в стране[3].

Поэтому, во второй половине XIX в. отношение царского правительства к российскому исламу и его представителям подвергается в очередной раз серьезной трансформации под влиянием ряда внешне- и внутриполитических факторов, важнейшим из которых является существенное увеличение границ Российской империи и включение в состав государства значимого по численности мусульманского населения. В 1860-е гг. были захвачены территории Кокандского и Хивинского ханств, в 1873 г. – Бухарский эмират и т.д.[4].

---

[1] История Ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. С. 121–122.
[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/12. Л. 1.
[3] Исторический опыт вероисповедной политики Российского государства и его уроки // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения / сост. и общ. ред. О.Ю. Васильева, Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. 4: Кафедра государственно-конфессиональных отношений РАГС. М.: ИД «МедиаПром»; Изд-во РАГС, 2009. С. 183–184.
[4] Аминов И. И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империей (1860—1890-е гг.) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 29–30.

Присоединение больших территорий Средней Азии сопровождалось завершением процесса интеграции казахских земель и их обитателей казахов в состав государства. Тогда же в Российскую империю окончательно входит Кавказ. В результате, в стране резко увеличивается число мусульман, а сам ислам занимает второе место среди всех религий по количеству своих адептов[1].

Первой всеобщей переписью 1897 г., в Российской империи, (без учета Бухарского и Хивинского ханств) было задокументировано наличие 13,6 млн мусульман, которые составляли 11,6% всего населения. Из этого числа почти 7 млн. чел. проживало в Средней Азии, около 3,2 млн. – на Кавказе, 3,5 млн. – в европейских и 126 тыс. – в сибирских губерниях страны. При этом, удельный вес в процентном соотношении мусульманского населения в каждом из указанных регионов имел достаточно большие отличия. В то время как в Средней Азии и на Кавказе мусульманское население было весьма многочисленным, достигая 90,29 % и 34,54 % от общего числа жителей, соответственно, в европейской части России и Сибири их доля была значительно ниже, составляя лишь 3,8 % и 2,2 %[2]. В начале XX в. численность мусульман увеличилась, составив к 1912 г. 16,2 млн. человек[3].

Данное обстоятельство привело к тому, что правительство стало видеть в исламе не только достаточно чуждую для православного государства религию, но и определенную угрозу для своей власти. Во многом это обусловлено Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-Турецкой (1877–1878 гг.) войнами, в ходе которых мусульманское население стало проявлять недовольство, а новокрещенные мусульмане стали возвращаться в массовом порядке в лоно родной веры[4].

Так, в середине 1860-х гг. от православия отходили целые татарские селения Оренбургской, Казанской и соседних губерний[5]. И всё же, по мнению

---

[1] Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 147–148.

[2] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири/И.К.Загидуллин. — Казань: Татар.кн. изд-во, 2007. С.5.

[3] Арапов Д.Ю. С.Г. Рыбаков и его "Обзор" организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.) в II Т.: учебный материал/Д.Ю. Арапов, Е.И. Ларина и др. - М., Мир ислама, 1913. Т. II Вып. XI. С. 758–759

[4] Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории)/И.Л. Алексеев/ Религиоведение. - 2002. - № 2. С. 34.

[5] Сулейманова Ю.Ф. Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии в XIX веке: проблемы взаимоотношений // Аналитика РОДИС. 2012 № 1. С. 30.

исследователя И.Л. Алексеева, внутригосударственная политика не предусматривала каких – либо насильственных действий в отношении ислама как религии[1].

Основными мерами «ослабления магометанства в крае» власть видела в «сокращении числа мечетей и духовных лиц» и «распространении между магометанами русской грамотности – лучшим средством к уменьшению между ними фанатизма»[2].

Стоит отметить, что служители исламского толка оказывали сопротивление репрессивным мерам властей. Борьба православной и мусульманской церквей за влияние на широкие массы велась по всем направлениям экономического, социального, общественно–политического, культурного и особенно духовного развития христианских и мусульманских народов многонациональной Российской империи[3].

В целом, в указанный период на развитие религии в стране и ислама в том числе, большое воздействие оказывала проводимая царским правительством внутренняя политика, которая менялась в зависимости от того или иного императора – Александра II (1855–1881 гг.), Александра III (1881–1894 гг.) и Николая II (1894–1917 гг.).

Период, связанный с правлением императора Александра II, занимавшего российский престол с 1855 г. по 1881 г., прошел под знаком отмены крепостного права и проведения либеральных реформ в 60–70 годы XIX в. в области суда, образования, местного управления, финансов, в военном деле и т.д.[4].

---

[1] Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории)/И.Л. Алексеев/ Религиоведение. - 2002. - № 2. - С. 34.

[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13836/о. Л. 5-6.

[3] Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: Карпенкова Таисия Викторовна. - М., 2004. С. 17.

[4] Столяров Н.С. Либеральные реформы Александра II и современность // Вестник РУДН. Серия: государственное и муниципальное управление. 2018. Том 5. № 4. С. 433–443.

Среди указанных реформ важное место занимают и церковные, которые носили исключительно правовой и организационный характер, не касаясь ни вопросов вероучения, ни практики богослужения[1].

Ввиду сложившихся обстоятельств внутри государства, в период 1860–1870-х гг. была инициирована церковная реформа, основывавшаяся на опыте западных стран. С этой целью в 1860 г. Синод учредил комитет по духовно-учебной реформе, возглавляемый архиепископом Херсонским Димитрием. Одновременно, в либеральных изданиях стали звучать призывы к прекращению религиозных преследований, которые усугубляли конфликты между конфессиями. В 1864 г. сформирован Комитет по «раскольническим делам» с задачей пересмотра законодательства, касающегося раскола. Александр II утвердил «Правила» для старообрядцев, предоставившие им право проводить богослужения, вести метрические книги, создавать иконы, свободно перемещаться, занимать некоторые общественные должности и т.д. В 1874 г. был принят закон о браках раскольников, что стало началом официального признания «раскола» в качестве отдельной деноминации в рамках православной конфессии. В 1879 г. были утверждены Временные правила ведения метрических записей для немецкоязычных баптистов, которым было разрешено исповедовать свою веру и проводить богослужения[2].

Что касается ислама, то в Санкт-Петербурге и в регионах, на уровне всех структурных подразделений государственного аппарата активно рассматривался вопрос «мусульманской» политики государства. В обсуждениях принимали участие не только столичные чиновники из МВД, Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Военного министерства, но и административных органов регионов, где проживало значимое количество мусульман – Урало–Поволжья, Крыма, Кавказа и Туркестана. В определенных случаях приглашались также представители местного высшего мусульманского духовенства, которые

[1] Гусев О.Ю Церковные реформы в системе Великих реформ Александра II // Юридическая Мысль. 2016. № 2 (94). С. 14.

[2] Митрофанов А.В. Русская православная церковь и её место в системе конфессиональных отношений российской империи в период 1860-1890 гг. (на примере Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. С. 106–110.

наделялись правом совещательного голоса. В результате этих обсуждений принимались решения не только по уже существующим Оренбургскому и Таврическому муфтиятам, но и в 1872 г. Александром II изданы указы об образовании Закавказских Духовных правлений суннитского и шиитского «учений»[1].

Переустройство Таврического и Оренбургского духовных управлений и деятельности исламских институтов, теоретическую основу которых представил профессор А. Казембек, служивший по совместительству в МВД, встретили возражение местных генерал-губернаторов. В Оренбургском генерал-губернаторстве, на территории которого располагалось присутствие ОМДС, против выступал генерал Н.А. Крыжановский (1864–1881), который предлагал его упразднить[2].

Второй этап пришелся на время царствования Александра III с 1881 по 1894 гг., ставшего во главе Российской империи после убийства народовольцами Александра II, ознаменовался практически полной отменой достижений эпохи Великих реформ, что привело к нарастанию социального напряжения в обществе и, как следствие, революционным событиям начала XX в.[3].

Второй период церковных преобразований был обусловлен общегосударственными целями, поставленными Александром II, а именно укреплением политической стабильности и борьбой с террористической деятельностью. В это время наблюдалось постепенное ограничение либеральных реформ, усиление унификации в рамках официальной церкви, активная борьба с сектантством и подавление национальных особенностей в церковной организации[4].

Тогда же отмечается «великодержавное» наступление на права мусульманского населения Российской империи. В Поволжье и Приуралье

---

[1] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII - начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: Арапов Дмитрий Юрьевич. - М., 2005. С. 31–32.

[2] Загидуллин И.К. О проектах оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского по реформированию ОМДС в 1866—1877 гг./И.К, Загидуллин/Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. - 2018. - С. 229.

[3] Шаруда А.А., Ярмонова В.В., Хабибулина Е.Б. Контрреформы Александра III. Содержание, особенности, итоги // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 67–73.

[4] Митрофанов А. В. Русская православная церковь и её место в системе конфессиональных отношений Российской империи в период 1860-1890 гг. (на примере Среднего Поволжья). С. 107–108.

наблюдается давление на мусульман, которое оказывали прежде всего «официальное православие» и Святейший Синод. Особенно преуспели в этом деле обер-прокурор К.П. Победоносцев и его соратник, известный исламовед и педагог Н.И. Ильминский, которые стремились христианизировать «инородцев» через их воспитание и просвещение в христианском духе с использованием родных языков. Особенно активно проявлял себя Н.И. Ильминский, который первый в 1884 г. заявил о появлении в Российской империи «мусульманского вопроса». В своих высказываниях он доходил до того, что настаивал на ликвидации всех мусульманских правлений в стране, поскольку считал их деятельность «вредной» и «опасной»[1].

Правительство в это время не оставляло попыток вовлечь мусульман в процесс языковой и культурной унификации в рамках единого государства. Например, в основе государственной политики самодержавия в отношении религиозной сферы в азиатской России лежала уверенность в том, что распространение православия среди коренных народов имеет огромное политическое и социокультурное значение. Это рассматривалось как неотъемлемая часть интеграционной политики, направленной на укрепление единства страны, а также как важный процесс социокультурной адаптации[2].

В результате, к началу XX в. национализм выродился в одну из самых реакционных политических сил, защищающих самодержавие, имперское устройство России, этническое, религиозное и социальное неравенство ее жителей[3].

Третий этап, связанный с правлением Николая II в период 1894–1917 гг. отличался некоторой двойственностью во внутренней политике, в которой, с одной стороны, был проведен ряд реформ, направленных на улучшение социально-экономического развития страны, формирования гражданских институтов и т.д. В

---

[1] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2005. С. 36.

[2] Дамешек Л.М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета // Серия «История» 2016. Т. 17. С. 35–47

[3] Паин Э.А. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015 № 2. С. 57.

то же время, обострились социально-политические, этно-конфессиональные и другие противоречия, повлекшие революционные события 1905–1907 и 1917 гг., по итогам которых Николай II отрекся от престола, что привело к ликвидации монархии в России[1].

Невзирая на неоднозначное отношение к исламу, во второй половине XIX века в Уфимской губернии наблюдалось усиление его воздействия на мусульман. Это влияние распространялось не только на повседневную жизнь и семейные отношения, но и проникало в духовную сферу, охватывая образование и культуру.

Рассматривая исключительно данный период времени «Магометанский элемент», по словам современников, «до сих пор пребывавший в апатии, свойственной азиатским народам, исламизм исповедывающим»[2], начинает активизироваться.

Усиление исламского влияния связано, с одной стороны, с исторически сложившимися традициями в Уфимской губернии, где значимую часть населения составляли мусульмане, а с другой – с теми трансформационными процессами, которые происходили в это время.

Считается, что в шестидесятые годы XIX века отмечается становление мусульманской интеллигенции нового формата, представители которой, являясь выходцами из среды духовенства и обучаясь в духовных учебных заведениях, стремились приобщиться к русской и европейской культуре. Уже в эти годы она превращается в наиболее значимую и деятельную общественную структуру, оказывающую воздействие на мусульманское сообщество Уфимской губернии.

Первые татарские и башкирские интеллигенты, как правило, обучались в лучших медресе Средней Азии, в мусульманских учебных заведениях Турции, Египта, Саудовской Аравии. Их можно назвать интеллигентами, производящими культурные ценности, распространявшими в обществе нравственные начала,

[1] Последний император Николай Романов. 1894–1917 гг. сост. С. Балашова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 255 с.
[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13762/1. Л. 9.

хранящими национальные традиции. Среди них Муса Бигиев, Фатих Карими, Зия Камал и др.[1]

Во многом, именно с ними было связано развитие движения джадидизма, проповедующего идею изменения принципов религиозного образования через европеизацию мусульманской культуры[2].

Значимую роль сыграл в этом также Исмаил-бей Гаспринский – реформатор, просветитель, педагог, известный деятель тюрко-исламского мира, авторитет которого признавался мусульманскими общественными деятелями Уфимской губернии[3]. В его просветительской работе наиважнейшую миссию сыграли педагогическая деятельность, а также издание газеты «Терджиман-Переводчикъ», которая выходила в Бахчисарае с 10 апреля 1883 г. до своего закрытия 23 февраля 1918 г.; фактически она была печатным органом тюркоязычного населения России[4].

Главная особенность джадидизма этого периода связана с его обращением к раннему исламу и концепции «открытых дверей иджтихада», а также критикой традиционализма. Возникший им в противовес кадимизм ставил своей основной целью ограждение общества от разрушительных перемен религиозного реформаторства. Его сторонники, защищая патриархальные устои жизни, придерживались схоластической системы в области образования и воспитания[5].

Основным направлением обучения в мусульманских учебных заведениях продолжало оставаться религиозно-нравственное воспитание, в следствие чего учебные программы составлялись с упором на релизиозные предметы. При этом, давались основы таких основополагающих дисциплин как математика и др.

---

[1] Ахмадуллин В.К. Мусульманская интеллигенция Уфимской губернии: генезис, численность, структура /В.К. Ахмадуллин/ Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 20-26.

[2] Сенюткина О.Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2. С. 19-21.

[3] Каримов Ф. Великий национальный траур // Вакыт. 1914. 13 сентябрь (на тат. яз.); Фахретдинов Р. Исмаил Гаспринский // Вакыт. 1914. 13 сентябрь (на тат. яз.).

[4] Мир-Багирзаде Самира Алтай кызы Культурно-просветительская миссия Исмаила Гаспринского (1851-1914)/Мир-Багирзаде Самира Алтай кызы/ Этнодиалоги: научно-информационный альманах. - 2023. - № 1 (70). - С. 31–32.

[5] Галлямов Д.Ф. Исторические дискурсы тюрко-мусульманской идеологии второй половины XIX — начала XX столетий // Проблемы Востоковедения. 2011. № 2. С. 91.

Обучение младших возрастов проходило на тюрки, на арабском и персидском языках — у старшеклассников[1].

Постепенно, под влиянием джадидизма, учебные заведения менялись. Реформы начались с замены буквослагательного метода обучения грамоте на звуковой метод, предложенный И. Гаспринским[2]. Затем была реформирована вся организация учебного процесса, в том числе переход к классно-урочной системе обучения. В конце XIX – начале XX века, в результате реформ, значительно увеличилось число новометодных мусульманских учебных заведений[3].

Развитие учебных заведений нового типа для мусульманской молодежи в конце XIX в. привело к возникновению плеяды национальных образованных лидеров в 1905–1907 гг.. Просветительские учреждения, исповедующие джадидизм, медресе «Хусаиния», «Расулия», «Галия» и «Касимия», выпустили воспитанников, составивших костяк башкирской интеллигенции. Среди них отмечены фигуры с высшим ученым званием, в числе которых Ю. Бикбов, М. Кулаев, Ш. Манатов, братья Идельбаевы, А. Сыртланов, З. Байбурин, И. Ахтямов и другие видные личности[4].

Важным фактором усиления ислама стала информация о якобы предстоящей насильственной христианизации людей, которой способствовала активная миссионерская деятельность Русской православной церкви, проводившаяся при поддержке как центральных, так и местных государственных учреждений. Дошло до того, что на страницах одной из газет – «Новое время» (№ 253) за 1876 год, появилось сообщение о готовящейся против русских со стороны мусульман священной войне – газават, о якобы имеющихся у казанских татар огромных запасах оружия и т.д.

---

[1] Валишина А.Н. Мусульманские школы Оренбургской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. - Уфа. 2009. 200 с.
[2] Валиди Д. Исмаил бек Гаспринский // Вакыт. 1914.. 14 сентябрь.
[3] Аминов Т.М. Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: хрестоматия/Т.М. Аминов. - 2-е изд. доп. - Уфа: БГПУ, 2011. - 271 с.
[4] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). С. 131.

В ситуацию был вынужден вмешаться муфтий, обратившийся 8 ноября 1876 г. с письмом к оренбургскому генерал-губернатору, в котором он, указывая на серьезные последствия проводившейся антиисламской компании, просил остановить ее. В ходе расследования Оренбургским жандармским управлением был выявлен первоисточник подобных слухов, исходивший от православных священников[1].

О серьезности предупреждения свидетельствует тот факт, что в 1878–1879 гг. во многих населенных пунктах мусульман Урало-Поволжья произошли волнения и акты неповиновения[2]. Примечательно, что в Приуралье одним из поводов для распространения слухов о начале христианизации послужило предписание, выданное администрацией Уфимской губернии об установке в поселениях набатных колоколов для оперативного оповещения и сбора местных жителей в случае пожара, которые ассоциировались у местных жителей с церковными колоколами[3].

Несмотря на тот факт, что во второй половине XIX в. в Российской империи повсеместно наблюдался процесс реформирования российского общества, государство по-прежнему стремилось контролировать все сферы духовной жизни мусульман по всей Российской империи, включая Уфимскую губернию[4].

Начиная со второй половины XIX столетия, государственные институты и Оренбургское муфтийское управление стали уделять повышенное внимание разнообразным направлениям в исламе, а также отдельным духовным лидерам, которые ими руководили или распространяли идеи, признанные «еретическими»[5]. Так, в начале 1870-х гг. Духовное собрание вело расследование в отношении имама д. Аслыкуль Белоярской волости Челябинского уезда Ильяса Гайнуллина,

---

[1] Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. С. 296.

[2] Побережников И. В. Роль слухов в социальных конфликтах (волнения мусульманских народов Поволжья и Приуралья в 1878-1879 гг.) // Четвертые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 183–188.

[3] Загидуллин И.К. Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. // Научный Татарстан. 2012. № 1. С. 64.

[4] Дашковский, П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX вв.: монография/П.А. Дашковский, Е.А. Шернешева; - Барнаул; Изд-во Алт. ун-та, 2020. - С. 59.

[5] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

прилюдно объявившего, что ожидаемое пришествие Иисуса Христа — это вымысел.

В 1888 г. в Уфе были задержаны и признаны психически больными А. Чувашев и Ф. Абдилов, первый из которых объявил себя «пророком Махди», а второй – апостолом. Также в поле зрения властей попадали те представители мусульманского духовенства, которые пользовались особой популярностью среди прихожан, как это произошло в 1879 г. с Х. Мухаметгалиным, имамом д. Кусиево Орского уезда, почитавшемся как святой[1].

Одним из наиболее резонансных стало дело известного религиозного деятеля Зайнуллы Расулева, занимавшегося врачеванием людей. Совершив паломничество в Мекку в период с 1869 по 1870 год, Зайнулла Расулев задержался в Османском Стамбуле. После возвращения, он инициировал преобразования в суфийских обрядах, включая введение громкого зикра и почитание дня рождения пророка Мухаммеда, а также использование четок, что вызвало неоднозначную реакцию среди мусульман. Впоследствии, представители официального исламского духовенства обвинили Зайнуллу Расулева в отступлении от догматов веры и подрывной деятельности. В результате их усилий, в 1872 году он был заключен под стражу и приговорен к ссылке в Вологодскую губернию сроком на восемь лет[2].

Вернувшись, он переезжает в г. Троицк, где прожил всю оставшуюся жизнь до 1917 г. Занимая должность имам-хатиба Пятой Соборной мечети, он основал знаменитую новометодную школу-медресе «Расулия». Зайнулла Расулев был широко известен как духовный деятель, педагог, просветитель, целитель и пользовался огромным уважением и у джадидистов и у кадимистов[3].

Стоит отметить, что к обвинениям к «ереси» прибегали и как к способу борьбы между собой джадидисты и кадимисты. Так, автор сочинения «Приведение доказательств против сторонников насилия над чужим мнением», приверженец

---

[1] Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. С. 296.

[2] Аминов, Т.М. Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия. 2-е издание, дополненное - Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. С.136-137.

[3] Муратов А.Э. Зайнулла Расульев – «духовный лидер башкир». С. 30–31.

традиционного направления в изучении ислама, проклинал «еретика» Р. Фахретдина и его труд «Формы обучения»[1].

Особенность геополитического положения страны во второй половине XIX в. заключалась в том, что, по мнению некоторых чиновников, в это время «внутренняя нестабильность России» стала «превосходить опасность внешней угрозы». В результате, впервые в конце 60-х гг. XIX в. на уровне правительства был поставлен вопрос необходимости обратить внимание на просвещение нерусских народов в рамках развития общенационального, общегосударственного образования[2].

Как следствие, царское правительство стало уделять особое внимание вопросу мусульманского образования и функционированию мусульманских учебных заведений по всей стране, в целом, и на Южном Урале, в частности. Оренбургские региональные власти выступили с инициативой проведения ревизии всех уже имеющихся школ, с последующей передачей их под наблюдение мировых посредников. Что касается новых, то они предлагали открывать их только с разрешения губернаторов.

Тем не менее, верховное руководство страны избрало альтернативный подход, утвердив 26 марта 1870 года новые нормы под названием «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»[3]. В рамках имперской политики, следуя установленным положениям, предполагалось создание специализированных учебных заведений для представителей «некоренных» народов. В дополнение к этому рассматривалась возможность организации русских классов на базе уже функционирующих мусульманских школ, таких как мектебы и медресе[4].

---

[1] Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 386.

[2] Городенко Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы высшего образования. 2009. № 3. С. 62.

[3]Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография/А.З. Кулбахтина. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. С. 44.

[4] Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. С. 298.

Этот документ вызвал массовое недовольство среди мусульман и активное сопротивление мусульманского духовенства. Агитация против русско-башкирских и русско-татарских школ среди мусульман Уфимской губернии стала настолько мощной, что в 1873 г. муфтий Тевкелев обратился с фетвой ко всем ахунам и имамам. В ней он указывал, что для мусульман необходимы новые знания и особенно русский язык, поэтому настоятельно призывал ахунов провести среди прихожан разъяснительную работу и объяснить людям, что нужно изучать государственный язык[1].

В дальнейшем в стране было принято еще четыре закона, касающихся просвещения инородческого населения: 1) «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870 г.); 2) «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (1906 г.); 3) «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.); 4) «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.)[2].

В то же время часть национальной интеллигенции осознавала, что при подготовке кадров для предприятий торговли и промышленности обойтись исключительно религиозными учебными заведениями невозможно: «Создавая особые училища, необходимо было принять во внимание существование мусульманских духовных школ – мектебов и медресе, служивших и служащих доныне единственными учебными заведениями для умственного и религиозно-нравственного развития мусульман»[3].

Стремясь полностью взять под свой контроль мусульманское образование, правительство, в некоторых вопросах, не обращало внимание даже на мнение Духовного собрания. Так, Оренбургское духовное магометанское собрание, стремившееся к тому, чтобы во всех учебных заведениях, в которых учились дети мусульман, обязательно было преподавание вероучения, проводило большую

---

[1] Там же. С. 298.

[2] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография/А.З. Кулбахтина. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. С. 44.

[3] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). С. 123-134.

работу в этом направлении. Вследствии чего, девять уездных училищь Оренбургской губернии включили в программу предмет «исламское вероучение». С 1865 г. его начали изучать в некоторых начальных училищах Уфимской губернии.

Со второй половины XIX века стали образовывается мусульманские женские школы, где главное внимание уделялось преподаванию арифметики и русского языка. Воспитанниц обучали садоводству и огородничеству. В целях популяризации женского образования местные власти задействовали религиозных деятелей, например, ахуна К. Шарафетдинова в стерлитамакском уезде, ахуна Х. Нигматуллина – стерлибашевском.

Зачастую возникали ситуации, когда учебные заведения возводились на личные сбережения педагогов (мугаллимов). Земалетдинов, занимавший должность старшины Сафаровской волости Уфимского уезда, сообщал: «все медресе построены на средства преподавателей и ими же ремонтировались»[1]. Для увеличения доверия к данным учебным заведениям, предписывалось в штат сотрудников включать мулл – преподавателей. Но, несмотря на проделанную работу в данном направлении, уже в 1870-х гг. уфимские власти запретили в общеобразовательных учреждениях преподавание основ ислама[2].

Невзирая на недовольство населения, государство увеличивало количество, так называемых, инородческих учебных заведений в крае и добилось того, чтобы они отдавали туда своих детей на учебу.

По материалам школьной переписи 1911 г., в Оренбургском учебном округе, в который входила и Уфимская губерния, действовала уже 371 начальная школа, из которых, наряду с другими инородческими, функционировали 173 русско-башкирских и русско-татарских учебных заведений. Школы с комбинированными

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 35–38.
[2]Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. С. 298, 299.

русско-башкирскими и русско-татарскими программами и светскими предметами, безусловно, были востребованы[1].

Еще одним направлением внутренней политики царского правительства, вызвавшим недовольство мусульман, стал ряд законодательных актов, направленных, по их мнению, на русификацию.

Так, 16 июля 1888 г. императором Александром III подписан указ, согласно которому, для всех людей, претендующих на духовное звание, был введен образовательный ценз. Для кандидатов на данную должность требовалось успешное прохождение экзаменов, соответствующих учебной программе начальной народной школы, с последующим получением официального свидетельства. Лица, претендующие на должности приходских служителей, таких как имамы и муэдзины, обязаны были предоставить документ, подтверждающий их владение устной и письменной русской речью. Данный документ выдавался советами при соответствующих училищах[2].

Внедрение экзамена по русскому языку для мусульманского духовенства было мотивировано стремлением государственных органов к усилению контроля над образовательным процессом в мектебах и медресе[3]. Для этого, 10 июля 1892 г. Министерство народного просвещения выпустило циркуляр за № 6, согласно которому изымались рукописные книги и оставлялись только те печатные издания, которые прошли цензуру. В отношении иностранной религиозной литературы указывалось, что она должна подвергнуться более жесткой и тщательной цензуре. Дополнительно было объявлено, что к преподавательской деятельности допускаются только муллы – «русские подданные», которые «получили образование в России»[4].

---

[1] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). С. 132.

[2] Настольная книга по народному образованию: Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. по школьному и внешкольному образованию народа: Пособие для земских и городских общественных учреждений: В 2 т. / Сост. Г. Фальборком и В. Чарнолуским. Неофиц. изд. Т. 1. Санкт-Петербург,1899. С. 484.

[3] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века/Д.Н. Денисов/Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 11 (266). - С. 90-94.

[4] Амирханов Р. Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № 1/2. С. 72–73.

Данные нововведения властей привели к серьезным трудностям в правлении Духовного собрания. Как отмечал глава ОМДС Султанов, это вызвало разногласия между мусульманским духовенством и прихожанами на местах. С целью недопущения конфронтации, Духовное собрание пошло на уступки мусульманам, требующим отмены подобных законодательных актов.

Например, когда в 1893 году уволили мударрисов братьев Хабибуллу и Габдулмаджида Тукаевых из Стерлибашево, мударриса Габдулмаджида Нагаева из Стерлитамака, за то, что они получили образование за границей, ОМДС встало на их сторону. Муфтий, председатель ОМДС М.М. Султанов заявил в защиту братьев Тукаевых, что до обучения в Бухаре и Самарканде, они получили образование в российских медресе[1].

Недовольство циркуляром Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. вызвало настолько мощную волну протестов, что правительство было вынуждено сначала отложить, а затем и отменить его действие[2].

Таким же образом власть поступила и в вопросе цензурирования мусульманских книг в 1894 году. Местные имамы под подпись обязывались не использовать запрещенные книги, что привело к волнениям и отказу выполнять данное требование. Так, девять мулл Верхне-Татышлинской волости Бирского уезда вместе с ахуном Кийковым наотрез отказались подчиняться этому распоряжению. Данное событие произошло 9 июля 1894 г.[3].

В условиях роста политической активности российских мусульман, особенно в пореформенный период, власти предпринимали ряд административных мер, ограничивающих их контакты с мусульманами других стран. Так, в 1865–1866 гг. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский отклонил все ходатайства, поданные мусульманами на совершение хаджа[4].

---

[1] Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: Т. IV. С. 299.
[2] Загидуллин И. К. «Докладная записка» И. Гаспринского 1894 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3/4. С. 74.
[3] Азаматов Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият // История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. С. 299.
[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 113.

С этой же целью, по распоряжению МВД от 6 февраля 1896 г. и Духовного собрания от 12 марта 1896 г., изменили Порядок предоставления отпусков мусульманским духовным лицам. Теперь, чтобы отпроситься с работы, необходимо было получить разрешение от губернских властей. Таким образом, Духовное собрание теряло контроль над передвижениями приходского духовенства на местах[1].

В период с 1872 по 1875 гг. Духовное собрание вело судебные разбирательства с Уфимским губернским управлением по поводу переименования пятивременных мечетей в соборные. Эти мечети отличались тем, что в них разрешалось проводить коллективные пятничные и другие праздничные молитвы, а также произносить религиозные проповеди (хутбы). 15 декабря 1886 г. Государственный совет принял постановление, которое регулировало строительство мечетей и выбор имамов и муэдзинов на новой основе. Теперь мечети можно было возводить, невзирая на количество прихожан и наличие муллы[2]. Единственным ограничением стало то, что их нельзя было строить рядом с поселениями христиан и новообращённых татар. Правительство изменило 261-ю статью Строительного устава и разрешило строить мечети с выборным духовенством при условии, что в них будет не менее 200 душ мужского пола. Теперь все мечети стали соборными, что означало потенциальную возможность увеличения числа религиозных служителей[3].

К рубежу XIX–XX вв. перед Российской империей встал целый комплекс взаимосвязанных внутренних социально-экономических, общественно-политических и этнокультурных проблем, которые, усугубившись поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг., вызвали мощный подъем рабочего, крестьянского, национального, либерально-демократического и др. движений,

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1841-1901 гг. С. 77.

[2]Загидуллин И.К.Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дис. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2006. 545 с.

[3] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 101–102.

свидетельствующих о глубоком системном кризисе, охватившем всю страну. Среди всех проблем особо остро стоял национально-религиозный вопрос[1].

Естественно, данная политика способствовала недовольству населения в национальных регионах, в том числе в тех, где значимую часть составляли народы, исповедующие ислам, и вызывала волнения и критику властей. Угроза социального взрыва в российском обществе заставила правительство обратить внимание на ситуацию в стране в целом, и на решение вопросов в религиозной политике, в частности. Так, в царском манифесте от 26 февраля 1903 г. содержалось обещание свободы вероисповеданий[2], а в указе от 12 декабря 1904 г. предписывалось принять меры для устранения существующих ограничений[3].

Несмотря на предпринимаемые меры, 9 января 1905 г. в России началась беспримерная по своим масштабам демократическая революция, продолжавшаяся два с половиной года. Даже вопреки поражению, ее отголоски долгое время были слышны по всей Российской империи. Народные массы, начав борьбу с мирных способов противоборства – создания различных общественных организаций, стачек, митингов и т.д., достаточно быстро перешли к радикальным мерам противостояния правительству – погромам помещичьих усадеб, вооруженным столкновениям и т.д., которые вспыхивали в отдельных местностях.

Революция положила начало ограничению самодержавия, привела к улучшению условий жизни и труда разных категорий населения, был введен ряд политических свобод и т.д., однако важнейшим итогом борьбы стало начало развития парламентаризма и формирование многопартийной системы в стране[4].

---

[1] Пинкевич В.К., Золотых С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 20.

[2] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1903. Отдел первый. Первое полугодие. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 245–247.

[3] Законодательные акты переходного времени. 1904 - 1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя/Изд. 3-е, пересмотренное и дополн. по 1 сент. 1908 г. - СПб.; Юридич. книжный склад "Право", 1909. С. 3– 6.

[4] Ясько Т.Н. Первая русская революция 1905–1907 гг. // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 156.

Идея политического реформирования (ислах) и обновления (тадждид) ислама, охватившая многие мусульманские страны во второй половине XIX в. – первой половине XX вв., находила воплощение в разных предлагаемых решениях.

А.Д. Кныш выделял по меньшей мере четыре подхода к реформе: традиционно-консервативный, либерально-консервативный, модернистский и секулярно-прозападный. Последователи первых трех видели в исламе основу общественной, политической и экономической жизни своих обществ. Приверженцы четвертого желали вывести ислам из общественной в сферу духовной жизни отдельных членов светского, по своей сути, социума, состоящего из ряда всесторонне образованных и знакомых с западной культурой мусульманских мыслителей второй половины XIX в. –первой половины XX в.[1].

Спецификой политического реформаторства в среде российских мусульман, было ее формирование под воздействием и влиянием русского либерализма. Тем не менее стоит подчеркнуть, что представители российской мусульманской интеллигенции состояли в лагере политической оппозиции не потому, что стремились к изменению государственной системы в стране. Ее толкали туда недовольство прежде всего религиозной и национальной политикой, проводимой в Российской империи[2].

Еще одной особенностью развития общественной активности мусульманского населения страны было то, что на ранних этапах она выразилась в форме организации так называемых меджлисов – собраний местных жителей. Эти мероприятия проводились повсеместно и в городах, и в селах, как в рамках отдельных домовладений и квартир, так и в гостиницах и других общественных местах. Собрания, на которых обсуждались вопросы местечкового, регионального или общегосударственного значения, дали начало новой форме общественной деятельности мусульман. Принятые здесь решения фиксировались в виде петиций

[1] Кныш А.Д. Мусульманское реформаторство и политический ислам. СПб., 2019. С. 10.
[2] Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)/Л.А. Ямаева. Уфа: Гилем, 2002. С. 137.

и, через избираемых из своей среды депутатов, направлялись в Санкт-Петербург для передачи в руки чиновников.

Проводились подобные собрания и сельскими муллами Уфимской губернии, на которых поднимались вопросы школьного образования, повышения правового положения приходского духовенства, необходимости трансформации религиозно-культурной автономии мусульманских народов в национально-культурную и т.д.[1].

Принятый Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», несмотря на то, что во многом сохранял «господствующее» положение в России православной российской церкви и приниженное положение «инославных и иноверных вероисповеданий»[2], тем не менее носил для своего времени прогрессивный характер.

Данные законодательные акты вселили надежду на изменение религиозной политики в стране, а указ от 18 февраля 1905 г., разрешавший подавать ходатайства на имя императора[3], открыл широкую петиционную компанию, развернутую мусульманами страны, продолжавшуюся до 6 августа 1905 г., когда был издан манифест об учреждении Государственной Думы. В нем российским подданным запрещалось «предоставлять словесные и письменные заявления и просьбы», что, по сути, означало аннулирование императорского указа от 18 февраля 1905 г. о свободной подаче петиций[4].

В течение первой половины 1905 г. в центр с регионов приходило большое количество заявлений. По некоторым данным, в центральные государственные органы поступило 2588 обращений и предложений, (включая те, которые были получены за несколько месяцев до и после указов от 18 февраля и 6 августа 1905

[1] Прохоров А.О. Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 162. Кн. 1/Кампания меджлисов мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг./И.К. Загидуллин, гл. ред. А.О. Прохоров. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 45, 50-51.
[2] ПСЗРИ. Собрание третье. СПб. 1905. Т. XXV. № 26126. С. 258-262.
[3] Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1905. (Исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1905. С. 81–83.
[4] Загидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 год // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 5,6–7.

г.), авторы которых представляли все слои общества: от дворян и правительственных чиновников, до крестьян и осужденных[1].

Одной из форм борьбы за права отдельных социальных групп и национальностей в конце XIX – начале XX вв. в Российской империи стало создание различных национальных политических партий и организаций, некоторые из которых возникли даже раньше, чем в великорусском центре страны. Так, к 1904 г. сформировалось 47 национальных партий (для сравнения, в стране к этому же времени были четыре общероссийские партии), часть из которых добивались различных форм автономий (от национально-культурных до отделения) для своих территорий – Польская социалистическая партия, Литовская демократическая партия, Латышская социал-демократическая партия, Украинская народная партия, Партия социалистов-федералистов Грузии и т.д.[2].

В отличие от указанных политических объединений, национальное движение тюркских народов, исповедующих ислам, сначала проистекало в едином русле, что было обусловлено отсутствием в исламской традиции разделения по национальному признаку и восприятия людей, прежде всего, по их конфессиональной принадлежности. То есть, среди мусульманского населения России было распространено понимание о народах, исповедующих ислам, как единой национально-социальной общности людей. В Уфимской губернии, где мусульманами, в основном, были татары и башкиры, их сближало также этнокультурное и языковое родство[3].

В 1906 году произошло формирование либерального объединения мусульман под названием «Иттифак аль-Муслимин», также известного как «Всероссийский мусульманский союз». Данная организация объединила под своим началом мусульманских представителей из различных регионов Российской империи, включая Поволжье, Урал, Крымский полуостров, Кавказ, Туркестан и Сибирь.

---

[1] Осипов С.В. Первые шаги российского парламентаризма: борьба за народное представительство в 1904–1905 гг. Ульяновск: УЛГТУ, 2006. С. 61.

[2] Линец С. И. История политических партий и движений в России. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2018. С. 44–47.

[3] Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)/Л.А. Ямаева. Уфа: Гилем, 2002. С. 137.

Инициатива о создании была выдвинута на Первом Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 13–18 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде, в работе которого участвовали и представители уфимских и оренбургских мусульман – А. Ахтямов, С. Джантюрин, Ш. Сыртланов и др. Тогда же в Центральный комитет «Иттифака» избрали М.Ф. Каримова из г. Оренбурга и Г. Ахмерова из Троицка[1].

На следующем, Втором мусульманском съезде, проходившем 13-23 января 1906 г. в Санкт-Петербурге, был принят устав, который призывал мусульман объединиться в одну политическую партию – «Союз российских мусульман». В первом пункте документа отмечалось, что все губернии, населенные мусульманами, подразделяются на 16 районов, в том числе Уфимский. Выдвигался, в сущности, план культурно-национальной автономии мусульманского населения империи[2].

Из 83 делегатов съезда, 19 участников представляли Южный Урал, в том числе и Уфимскую губернию – общественный деятель С.С. Джантюрин, дворянин Ш.Ш. Сыртланов, земский деятель Даут Шейх-Али, мударрис Стерлибашевского медресе, ахун М.Ш. Тукаев и др.[3].

В августе 1906 года, с 16 по 20 число, в Нижнем Новгороде состоялся III мусульманский съезд, на котором произошло преобразование организации «Иттифак» в политическую партию. В ходе съезда был избран центральный комитет, ставший руководящим органом партии, которая получила новое наименование – «Всероссийский союз мусульман» («Бэтен Русия мэселманнары иттифакы»). В состав центрального комитета вошли 15 человек, включая двух представителей от Уфимской губернии: С.С. Джантюрина и Ш.Ш. Сыртланова. Это событие стало важным этапом в консолидации мусульманского политического движения в Российской империи. Поскольку работа съезда показала

[1] Ямаева Л.А. Участие башкир в общемусульманском общественно-политическом движении начала XX в./Л.А. Ямаева/Проблемы Востоковедения. - 2010. - № 1 (47). С. 54.
[2] Исхаков С.М. Топчибаши А.М.: документы из личных архивов. 1903–1934 гг./А.М. Топчибаши: сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. - М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012. С. 12.
[3] Ямаева Л.А. Участие башкир в общемусульманском общественно-политическом движении начала XX в./Л.А. Ямаева/Проблемы Востоковедения. - 2010. - № 1 (47). С. 54.

оппозиционность его участников по отношению к власти, им официально было отказано в проведении следующего IV Мусульманского съезда, который должен был состояться в Нижнем Новгороде в августе 1907 г.[1].

Начиная с этого времени, вся политическая деятельность мусульман переместилась в легальную плоскость и была связана с думской мусульманской фракцией, где избранные депутаты могли отстаивать интересы мусульманского населения страны, не опасаясь преследования со стороны властей[2].

С момента издания Николаем II Манифеста об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г. и до Февральской революции 1917 г. в Российской империи состоялось ещё четыре созыва.

Первая (с 10 мая по 21 июля 1906 г.) и Вторая (с 5 марта по 16 июня 1907 г.) Государственные думы распущены досрочно, Третья Государственная дума проработала весь пятилетний срок (с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.), а Четвертая, функционировавшая в предкризисный период (с 15 ноября 1912 г. по 25 февраля 1917 г.), была ликвидирована в ходе Февральской революции 1917 г. За все время действия Государственной думы с 1-го и до 4-го созывов, в ее работе приняло участие 78 депутатов последователей ислама, в том числе 25 – в 1-ой, 36 – во 2-ой, 10 – в 3-ей и 7 – в 4-ой Думе[3].

Учитывая, что ряд депутатов избирались по несколько раз, в дореволюционной Думе работало всего 67 мусульман из Волго–Уральского региона, Кавказа, Семиречья и Туркестана[4]. Уфимская губерния, где со второй половины XIX – начала XX вв. число мусульман составляло почти половину всего населения региона, а гражданская активность достигала высокого уровня,

---

[1] Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)/Л.А. Ямаева. - Уфа: Гилем, 2002. С. 137.

[2] Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2004. С. 20–21.

[3] Она же. Мусульманские представители в Российском парламенте: аналит описание 1906-1916/Д.М. Усманова, К.Н. Сануков. Казань: Фэн, 2005. С. 554–567.

[4] Она же. Мусульманские депутаты в государственной думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи? /Д.М. Усманова/ Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - Т. 155. № 3-1. С. 113-124

традиционно выбирала значимую часть депутатов-мусульман – 6 человек в 1-ую Думу, 7 человек во 2-ую, 4 человека в 3-ью и 3 человека в 4-ую[1].

Избираемые депутаты представляли разные сословия Российского государства, однако большая их часть относилась к крестьянству – не менее 20–25 чел. и дворянству – 19 чел. Мусульманское духовенство во всех четырех Думах получило 15 мандатов или 13 человек[2], двое из которых избирались дважды. К числу последних относился ахун Уфимской губернии, депутат II и III созывов М.М. Тукаев. По одному разу получали мандат ахун М.М. Хасанов – депутат Государственной думы II созыва и мулла Я.Х. Хурамшин – депутат Государственной думы II созыва[3].

Мусульманские депутаты активно участвовали в работе Думы всех четырех созывов, поднимая и обсуждая вопросы сохранения религии и культуры своих народов, равноправного положения мусульман как российских граждан и т.д.[4]. Февральская революция вызвала широкий общественный резонанс, активизировав мусульманское населения как по всей стране, так и в Уфимской губернии. Общемусульманское движение в России было возглавлено мусульманской фракцией Государственной думы, которая начала активную подготовку Всероссийского съезда мусульман. Стоит отметить, общественно-политическое движение мусульман было не однородно. Так, Л.А. Ямаева выделяла следующие внутренние течения – «правое крыло», «центр», «левое крыло».

Правое крыло, наиболее консервативное из всех, выступало за единство народов, исповедующих ислам, ратовало за культурный подъем населения, либерализацию мусульманских органов, отвечающих за управление, проведение школьной реформы. Видными представителями этого течения в Уфимской

---

[1] Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л. А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998. С. 8,40,93,200.

[2] Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в государственной думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи; Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-1. С. 119.

[3] Бойович М. М. Наши депутаты. Государственная дума 1-го созыва. М., 1906. Д. С. 373; Он же. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. М., 1907. С. 368; Он же. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Третий созыв. М., 1913. С. 361.

[4] Бускунов А.М. Идеи политической свободы в выступлениях башкирских депутатов в Государственной думе России в начале XX века // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1372.

губернии были Х. Усманов – основатель медресе «Усмания», М.С. Хасанов – имам-хатып 3-й соборной мечети г. Уфа, Г. Расулев – мударрис медресе «Расулия» и др.

Представители левого крыла больше ориентированы на создание в составе Российской империи автономных территориальных единиц, которые должны были получить полную независимость в своих внутренних делах (административных, финансово-хозяйственных, культурных и в судопроизводстве). Самыми известными из них в Уфимской губернии были А.З. Валиди – лидер башкирского национально-освободительного движения, Г.Г. Ибрагимов – писатель и поэт, Х. Ахтямов –вероучитель 1-й Уфимской мужской гимназии и др.

Активисты центра видели дальнейшее общественно-политическое развитие российских мусульман на базе национально-культурной автономии. Среди общественных деятелей Уфимской губернии, придерживающихся данной позиции, были крупные дворяне С. Джантюрин, Ш. Сыртланов, купцы – братья Мухамет-Шакир и Мухамет-Закир Рамеевы и т.д.[1].

Первый Всероссийский мусульманский съезд, который проходил с 1 по 11 мая 1917 г. в г. Москве, показал, что основная масса делегатов была склонна видеть в будущем федеративное устройство Российского государства. Об этом свидетельствовали результаты голосования, когда большинством – 446 против 271, было принято решение: «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией»[2].

После I Всероссийского съезда мусульман приобретает самостоятельный характер башкирское национальное движение, выделившись из общемусульманского, программные положения которого противоречили интересам башкирского народа. Несмотря на то, что башкирское национальное

[1] Ямаева Л.А. Участие башкир в общемусульманском общественно-политическом движении начала XX в./Л.А. Ямаева/Проблемы Востоковедения. - 2010. - № 1 (47). С. 51–52.
[2] Резолюции Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1-11 мая 1917 г. / Всероссийский мусульманский съезд (1; 1917; Москва). Пг.: Б. и., 1917. С. 6–9.

движение возглавили, прежде всего, выходцы из среды башкирской интеллигенции и джадидствующего духовенства[1], создавая свое государственное образование (национально-территориальную автономию), лидеры видели его исключительно светским, не предоставляя ни одной из религий, включая ислам, статус государственной[2].

Революционные события 1917 г. привели к победе большевиков. Практически с первых дней существования Советской власти, одним из приоритетных направлений ее деятельности стало формирование юридической базы для регулирования отношений между новыми властными структурами и религиозными организациями. Так, уже 2 ноября 1917 г. опубликована «Декларация прав народов России», отменявшая все религиозные привилегии и ограничения.

20 ноября 1917 г. в обращении советского правительства «Ко всем трудящимся – мусульманам России и Востока»[3] большевики призывали мусульман свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную жизнь. Было объявлено о свободе и неприкосновенности их национальных и культурных учреждений, обычаев и верований. Однако, по происшествии нескольких месяцев – 23 января 1918 г., тем же правительством был издан Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», согласно которому, все религиозные организации и сообщества лишались прав юридического лица, а все принадлежавшее им имущество необходимо было передать местным Советам рабочих и крестьянских депутатов[4].

Общинам верующих предоставлялось право нанимать священнослужителя, право аренды культового имущества и здания. Преподавание каких-либо

---

[1] Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.)/М.М. Кульшарипов. - Уфа: Китап, 2000. С. 94, 342.
[2] Аминев З.Г., Ямаева Л. А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. С. 160.
[3] Бускунов А.М. История развития общественно-политической мысли Башкортостана: дис. док.ист. наук. Уфа 2012. 485 с.
[4] Аминов Т.М. Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: хрестоматия/Т.М. Аминов. - 2-е изд. доп. - Уфа: БГПУ, 2011. - 271 с.

религиозных вероучений во всех государственных и частных общеобразовательных учреждениях воспрещалось[1].

Выводы по параграфу. Во второй половине XIX в. правительство начинает проводить политику, направленную на государственное единство Российской империи, которое связывалось с идеей национального государства, предполагавшее в перспективе слияние «не русских» и русского народа. В результате, государство, пытаясь вовлечь мусульман в процесс языковой и культурной унификации в рамках единого государства непопулярными методами, фактически подтолкнуло мусульманское население страны к участию в событиях конца XIX – начала XX вв. – в революциях 1905–1907 и 1917 гг., которые, в совокупности, привели к ликвидации монархии в России.

Несмотря на то, что в отношении мусульманской религии проводилась противоречивая и во многом двойственная политика, ислам во второй половине XIX в. в Уфимской губернии оказывал постоянно растущее влияние на мусульманское население не только в семейно-бытовой сфере, но и в духовной области – в том числе в образовании и культуре, а со временем, и политике.

В дальнейшем, многие представители духовенства принимали участие в национальном движение тюркских народов, исповедующих ислам, изначально проистекавшем в едином русле, что было обусловлено отсутствием в исламской традиции разделения по национальному признаку и восприятия людей, прежде всего, по их конфессиональной принадлежности.

1.3 Формирование и основные этапы становления мусульманского духовенства Уфимской губернии

В переводе с арабского, термин «мусульманское духовенство» означает «люди религии», выполнявшие функции организаторов религиозно–правового учения[2].

---

[1] Хакимова Р.Р. Первые мероприятия советской власти в отношении исламского вероисповедания на территории Южного Урала (1917-1930-е годы)/Р.Р. Хакимова/Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. - 2008. - Вып. 24. № 15 (116). С. 113–114.

[2] Алексеев И.Л. Мусульманское духовенство/И.Л. Алексеев. - Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. С. 556.

В исламе нет института церкви, как посредника между Аллахом и верующими людьми[1], поэтому среди исследователей до сих пор отсутствует единное понимание, кто относится к «мусульманскому духовенству»[2].

Существующие мечети считаются местом коллективного и индивидуального общения верующих-мусульман с богом, а муфтии во всех исламских государствах являются консультантами правителей и верующих по религиозным нормам и законам[3]. Тем не менее, исторически сложилось так, что во всех мусульманских сообществах сформировалась особая социальная группа людей - профессиональных служителей религиозного культа. Они решали административные, судебные, образовательные, управленческие духовно-нравственные и другие вопросы, в руках концентрировалась огромная власть, как, например, в Арабском халифате[4].

В отличие от православия, где только священник имел право совершать таинства над всеми прихожанами (отпущение грехов, крещение и т.д.)[5], в исламе формально каждый из мусульман, который достигал совершеннолетнего возраста, мог стать руководителем мусульманской группы, при условии ведения праведного образа жизни, обладания достаточным багажом знаний, грамотностью (прежде всего, знанием арабского языка и Корана), авторитета среди верующих.

Для посвящения в сан духовного лидера не требовалось специальной процедуры как в христианстве, при этом он не приобретал никаких социальных привилегий. Данный порядок был широко распространен среди мусульманского населения Урало-Поволжья, Кавказа, Средней Азии и других регионов до вхождения в состав Российского государства[6].

---

[1] Алексеев И.Л. Мусульманское духовенство/И.Л. Алексеев. - Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. С. 556.
[2] Газимагомедов Р.И. Социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства/Р.И. Газимагомедов/Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. - 2017. Ч. 2. С. 230.
[3] Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. Уфа: Изд-во БГПУ,2010. С. 12–13.
[4]: Фильштинский И.М. История арабов и халифата (750–1517 гг.) М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.
[5] Бычков С. С. Русская Церковь и императорская власть. М.: Наука, 1998. С. 71–80.
[6] Фархшатов М.Н. Ислам на территории бывшей Российской империи: энц. словарь: в II т./М.Н. Фархшатов, под. ред. С.М. Прозорова. - М.: Наука, Восточная литература, Садра, 2006. - Т. 1. С. 286.

Говоря о мусульманском духовенстве в изучаемый период времени, нужно отметить, что его исследование невозможно без выяснения особенностей формирования и развития сословия служителей культа в более раннее время.

Как отмечалось ранее, большинство научных работников датируют начало распространения мусульманской веры среди башкир в регионе Южного Урала X веком, а период укрепления ислама относят к XIII–XV столетиям, указывая в качестве вероятных источников влияния Булгарию или Центральную Азию. При этом, вопросы о времени возникновения мусульманского духовенства в данном регионе и специфике его эволюции на ранних этапах остаются практически неизученными в научных исследованиях.

В связи с этим представляется правомерным обратиться к опыту изучения истории служителей мусульманского культа на ранних этапах в Средней Азии и Среднем Поволжье, откуда, по мнению исследователей, и пришел ислам на Южный Урал.

Стоит отметить, что в Средней Азии, завоеванной арабами в основном к 30-40-х гг. VIII в., ислам укрепился намного раньше, чем в Поволжье. Данная территория, находящаяся на пространственно-временных перекрестках взаимодействия различных культур, издревле привлекала внимание исследователей и путешественников, оставивших большое количество различных источников. Согласно их данным, по мере укрепления ислама, упрочивались позиции и мусульманского духовенства, представители которого зачастую занимали различные административные должности и участвовали в управлении государством, обладали большим влиянием и крупными земельными наделами[1].

После того как в Волжской Булгарии приняли ислам, здесь началось укрепление собственных государственных институтов и внедрение новых, связанных с мусульманством. Официально, в 922 г. глава государства, носивший ранее титул ильтебер («эльтебер, малик Булгара»), который демонстрировал его

[1] Шодманкулов, И.П., Эрназарова, Н.Д. История Узбекистана. Ч. I (с древнейших времен до середины XIX в.). Ташкент, 2011. С. 225, 230, 231, 242 и др.

зависимое положение от Хазарского кагана[1], становится эмиром – то есть наместником Арабского халифа. Начиная с этого момента в его руках сосредоточивалась как духовная, так и светская власть. Изменения коснулись и правовых основ государственности Волжской Булгарии, поскольку ислам поднял значимость правовой системы (шариат)[2].

В результате структура религиозного и государственного управления в Булгарском государстве стала похожа на государственные, как в других странах мусульманского мира. Структурное устройство самого мусульманского общества, изначально создавалось, скорее всего, в рамках махалли – общины[3].

Махалля (от араб. «махаллун» – место), впервые упоминается в труде Махмуда Кашгари «Девону лугатит турк» («Собрание тюркских наречий») как арабское выражение, обозначающее торгово-ремесленные кварталы. В древности, к примеру на территории Узбекистана они могли объединять людей одной или нескольких разных основных профессий и сословий, в том числе и духовенства, разного социального положения – богатых и бедных, знатных и рядовых жителей и т.д. Тем не менее, они были объединены личными связями, общими интересами, обязанностями, участием в общих делах. В результате, общинный уклад жизни махалли породил систему самоуправления[4].

Начиная с X столетия, в Волжской Булгарии фиксируется возникновение отдельных представителей духовенства. Так, в своем труде Абу-Али Ахмед бен Омар Ибн отмечал, что: «Болгары – народ земледельческий… большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами

---

[1] Измайлов И.Л. Булгары: от племени к средневековому государству // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №1 (27). С. 181.

[2] Пичугин А.Б. Ислам как фактор формирования государственности Волжской Булгарии // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 151.

[3] Давлетшин Г.М. История духовной культуры тюрко-татар: научное издание/Г.М, Давлетшин. - Казань: Магариф, 1999. С. 229; Гарипов Н.К. Система религиозной иерархии у российских мусульман начала XX века /Н.К. Гарипов/ Сборник материалов итоговых научных конференций молодых ученых и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2001–2002 г. - Казань, 2002. С. 73.

[4] Маликова Г.Р. Историко-правовые вопросы развития института махалли // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Политические науки. Востоковедение. Вып. 15. С. 89.

и имамами»[1]. В письменных свидетельствах первой трети XII в., оставленных аль-Гарнати, упоминаются «кадии, и факихи, и хатибы; и все толка Абу Ханифы»[2].

К первой трети XIII в. мусульманское духовенство занимает важное место в государстве и имеет свою достаточно развитую иерархическую структуру, на вершине которой шейхи («старцы»), руководившие местными приходами. для них было обязательным обладание высоким уровнем образованности.

Согласно утверждениям А.З. Нигамаева и Ф.Ш. Хузина, в рассматриваемый исторический период уже было распространено избрание муфтиев, на которых возлагалась обязанность отправления правосудия на основе норм шариата. Выносимые ими решения, известные как "фетвы", обладали обязательной силой для всех сторон конфликта, вне зависимости от их личного согласия с данными решениями. Имамы – «стоящие впереди», играли существенную роль в повседневной жизни и религиозной практике малых мусульманских сообществ. Они выполняли функции духовных наставников, руководя коллективными богослужениями и обеспечивая религиозное образование для членов общины[3].

В рамках функционирования мечети предусматривалось присутствие духовных наставников, проповедников (хатибов), мулл (исполняющих религиозные обряды и совершающих намаз), муэдзинов, чья обязанность заключалась в извещении верующих о наступлении времени молитвы, и иных специалистов. Кроме того, особым уважением и привилегиями пользовались хаджи – лица, совершившие паломничество в святые места[4].

Малочисленность источников по социальной истории Волжской Булгарии не позволяет определить уровень централизации религиозной структуры этого сообщества. По мнению Р.И. Маликова, служители культа, скорее всего, объединялись в духовное сообщество, на основе которого образовалась и распространялась религия на данной территории[5].

---

[1] Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста/Д.А. Хвольсон. - СПб., 1869. С. 23.
[2] Ал-Гарнати, Абу Хамид. Сочинения / Пер. О. Г. Большаков. Москва: Директ-Медиа, 2010. С. 32.
[3] Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Социально-политическое устройство. Общественные отношения. С. 150.
[4] Там же.
[5] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 29.

Сложно сказать, как выглядела система мусульманского духовенства у башкир на ранних этапах в Волжской Булгарии. Ввиду отсутствия письменных источников и учитывая, что среди исследователей нет единого мнения о времени проникновении ислама и его бытования на Южном Урале, можно только предположить, что здесь могли быть отдельные служители культа, которые вели миссионерскую деятельность.

После монгольского завоевания Урало-Поволжья, Булгария вошла в состав Золотой Орды, как одна из областей наряду с соседними землями и бывшими государствами; очевидно, все мусульманские институты, в том числе и духовенство оставались в том же виде, хотя на некоторое время, возможно, и «выпали» из общегосударственной системы. Дело в том, что в большинстве улусов вновь образованной степной державы монголов, особенно в XIII в., религиозная политика монгольских правителей базировалась на толерантном отношении ко всем религиям[1].

Несмотря на это, религиозные деятели как исламского, так и христианского вероисповедания с самого начала монгольского владычества стремились проникнуть в окружение завоевателей, соперничая за влияние на правящую элиту. Известно, что верховный хан Гуюк рассматривал возможность принятия христианства, и при его дворе находились православные священники, которым было дозволено проводить богослужения в часовне, установленной перед его ставкой. Сартак, сын Бату-хана, также исповедовал христианство[2].

Однако после того, как на трон взошел хан Берке, мусульмане начали получать доступ ко всем государственным учреждениям; мусульманское духовенство имело возможность широко заниматься миссионерской деятельностью[3]. При хане Узбеке, когда ислам стал официально государственной религией в 1320-е гг., мусульманские государственные и юридические институты

---

[1] Сочнев Ю.В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII–XIV вв. Мининские чтения. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 67.

[2] Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция.: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ,2010. С. 35.

[3] Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 18.

становятся неотъемлемой частью политико-правовой системы Улуса Джучи, и их значение все более усиливалось[1].

После монгольского завоевания происходит трансформация религиозного устройства Волжской Булгарии. Особое место в структуре мусульманского духовенства Золотой Орды составляли суфийские братства – тарикаты (араб. – тропа, путь к истине), лидеры которых – шейхи (ишаны) пользовались непререкаемым авторитетом духовного наставника у своих последователей – мюридов (число которых могло достигать нескольких десятков тысяч). Каждый тарикат выделялся от других своей системой знаков отличия, иерархией, обрядами и т.д., но все они играли важную роль в общественно-политической жизни общества разных регионов. Так, на решение хана Берке принять ислам во многом повлиял бухарский шейх аль-Базерхи. Наибольшим авторитетом в Поволжье, Приуралье и Сибири пользовались тарикаты яссавийа и накшбандийа[2].

Усиление суфийских братств, особенностью развития которых было наличие собственной внутренней организации, во многом подействовало на систематизацию иерархии мусульманского духовенства. Под влиянием шейхов суфийских орденов, оказавших большое воздействие на развитие золотоордынского общества, важное место в структуре мусульманского духовенства начинают занимать сейиды – потомки пророка Мухаммеда. Зачастую они становились во главе мусульманского духовенства того или иного государства, не только выполняя роль духовного лидера, но и наставника.

Золотая Орда в первой половине XIV в. отличалась особенным складом мусульманского священнослужительства. Известный арабский странник Ибн Баттута оставил документальные свидетельства о существовании нижеследующих категорий мусульманских священнослужителей: «шерифы» (сейиды), «шейхи», «кадии», «правоведы» (факихи), «талибы», «факиры» (дервиши), «имамы» (как простые имамы, так и имаиы правоведы-ученые), «благочестивые паломники»,

[1] Почекаев Р. Ю. Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 121.
[2]История татар. Том III. С. 611-612.

«проповедники» (хатыбы)»[1]. Заслуживает внимания тот факт, что Ибн Баттута указывает на наличие внутренней градации в разных группах мусульманского духовенства. В системе служебных рангов существовало разграничение между различными категориями, в том числе между: «главного кадия» (казн ал-куззат) (в городе Сарае), «кадия-старшину» (старшего кадия) и просто «кадия», а среди правоведов – правоведа-имама, правоведа-ученого имама, правоведа-наставника, правоведа-шейха, правоведа-проповедника, великого правоведа, наконец, среди шейхов – просто шейхов или «шейхов тюркских –яргучи» и «старшину шеих-заде»[2].

Особое место в иерархии духовенства занимали, так называемые, кади (кази, казый (с арабского – судья))– судья-чиновник, который назначался правителем и вершил правосудие на основе шариатского права. Стоит отметить, что суды кадии сосуществовали одновременно с традиционным монгольским институтом – судом дзаргучи и в общих чертах походили на аналогичные суды стран исламского Востока – Египта, Ирана, Аравийского полуострова[3].

По мнению Р.М. Мухаметшина, религиозно-правовая система Золотой Орды и Волжской Булгарии были схожи. Основная цель религиозного и политического руководства государством заключалась не только в утверждении истинной мусульманской веры, а прежде всего в установлении порядка в стране, достижения в ней мира и благополучия. Следствием этого являлась относительная терпимость ислама. Окончательное формирование духовенства Золотой Орды завершилось с образованием Астраханского, Казанского и Крымского ханств[4].

Ввиду отсутствия полноценных источников, говорить о мусульманском духовенстве у башкир в период Золотой орды достаточно сложно, хотя по мнению некоторых исследователей «в социальной структуре башкирского народа» значительную часть составляло «мусульманское духовенство, а до

---

[1] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[2] Там же.; Исхаков Д.М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011. С. 54–75.

[3] Почекаев Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 223.

[4] Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Иман, 2000. С. 13–14.

распространения ислама – служители различных культов в лице шаманов, знахарей, прорицателей (баксы) и др.»[1].

Более уверенно можно говорить о распространении в XIII–XIX вв. в пределах современного Башкортостана суфийского учения, что знаменовало укрепление ислама и было связано с включением края в состав Золотой Орды. Эти суфийские течения, зародившиеся в Центральной Азии[2], оказали особое влияние на исламизацию населения Золотой Орды и на управление общественной жизнью[3].

Стоит отметить, что одной из особенностей политики золотоордынцев являлось желание объединить покоренные ими народы под общей идеологией, которой и стал ислам. В дальнейшем ордынские ханы предпринимали всяческие попытки искоренить остатки язычества среди населения Башкортостана, привлекая для этой цели приглашенных из Средней Азии мусульманских миссионеров[4].

Так, по одному из преданий, в начале XIV в. на территорию Башкортостана по приглашению местного хана Бурака прибывает один из последователей суфийского ордена Йасавиййа Хаджи-Хусайн-бек (умер в 1366). Вместе с ним, для проповеднической деятельности, в регион была направлена группа мусульманских богословов из Бухары и Туркестана[5].

По мнению некоторых исследователей, одним из таких «мусульманских кади, пользующихся почетом» и находящихся «в земле Башкырдов»[6], о котором писал ал-Омари (I пол. XIV в.) в своем труде «Пути взоров по государствам разных стран», мог быть Хусейн-бек, захороненный в мавзолее, расположенном на кладбище Акзират в Чишминском районе РБ[7] (Приложение. Рис. 3–4).

В целом, несмотря на то, что мусульманское духовенство в те времена уже играло важную роль, по мнению М.А. Усманова, подлинное укрепление его

---

[1] Юсупов Р.М. Социальная структура башкирского общества // История башкирского народа: в 7 т. Т. II. С. 250–255.
[2] Рахимов К.Р. Условия возникновения суфизма в Центральной Азии // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 2. С. 5–17.
[3] Салих Н.Р. Суфийские историко-культурные памятники в Башкортостане: на основе материалов архивных фондов арабографичных рукописей г. Уфы. Minbar. Islamic Studies. 2022, Т. 15. № 4. С. 795-806.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 198.
[7] Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа, Китап, 2021. С. 121–124.

позиций, начавшееся в середине XIV столетия, завершилось с образованием самостоятельных ханств – Астраханского, Казанского, Крымского[1].

Хотя верховная власть в них принадлежала хану, решения могли приниматься только при согласии совета – дивана, в который входили наряду с верхушкой аристократии и представители высшего духовенства. Также, последние, наряду с военной и родовой знатью, принимали участие в работе Курултая – съезда, собиравшегося для решения проблем общегосударственного масштаба – избрание или низложение хана, объявления войны, заключения мира и международных договоров и т.д.[2].

Как уже было указано, после развала Золотоордынского государства, мусульманское население региона оказалось поделенным между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой.

Казанское ханство (1438–1552 гг.) унаследовало от Золотой Орды многие общественные и политические институты, в том числе и социальную структуру общества. Здесь мусульманское духовенство также играло большую роль в структуре государства под предводительством сеидов, считающихся потомками пророка Мухаммада, а мнение главы духовенства доминировало при выборе руководителя Казанского ханства[3], а некоторые из них – Бураш (1491–1507 г.), Шах-Хуссейн (1512–1516 г.), Беюрган (1546 г.), Мансур (1546 г.) сами формально стояли во главе государства[4].

Имеющиеся письменные источники – летописи, дипломатическая документация, записки иностранных путешественников свидетельствуют об особой роли сайидов в общественно-политической жизни Казанского ханства. К примеру, дипломат С. Герберштейн утверждал: «Он пользуется у них такой властью и почетом, что при приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются к

---

[1] Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков. Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востокев период феодализма/М.А. Усманов. - М.: Москва, 1985. С. 182

[2] Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография. С. 40.

[3] Исхаков Д.М. Институт сейййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. С. 95.

[4] Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства/М.Г. Худяков.- 3-е изд. доп. и перераб. по тексту 1-го изд. - М.: ИНСАН, 1991. С. 196–197.

его руке; это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ –только его платья или лошади»[1].

Из представленного фрагмента следует, что даже правитель страны, хан, проявлял особое почтение и уважение к духовному лидеру, верховному сайиду. В период отсутствия хана, сайид осуществлял руководство правительством, принимая участие в обсуждении вопросов, касающихся престолонаследия и управления государственными делами[2].

О достаточно развитой структуре духовенства свидетельствует челобитная грамота, направленная в 1551 г. на имя Ивана Грозного от «всея Казанской земли» с просьбой о присылке на Казань царя Шигалея. В ней идет перечисление следующих групп духовенства: «сеиты» (сейиды), «шихы» (шейхи), «шихзады и молзады» (сыновья и ученики шейхов и мулл), «имамы» (муллы и имамы), «афазы» (хафизы), «данишменды» (учителя, мударисы), «дервиши» (члены суфийских братств)[3].

В целом, в период Казанского ханства мусульманское духовенство усиливает свои позиции настолько, что их главы – сеиды становятся политическими конкурентами ханам, официально возглавлявшим государство. В результате, по данным некоторых источников, население больше руководствовалось фетвами от духовенства, чем ханскими приказами[4].

На Южном Урале, по мнению исследователей, постепенно, ко времени присоединения к Российскому государству, мусульманское духовенство, наряду с ханами, биями и тарханами, формирует родоплеменную знать[5].

Взятие Казанского ханства Иваном Грозным и добровольное вхождение башкирского населения в состав русского государства привело к изменению в религиозной структуре региона. Присоединив Поволжье, населенное

---

[1] Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ. 1988. С. 177.

[2] Аксанов А.В. Ислам в Казанском ханстве: проблемы и перспективы исследования // Тюркологические исследования. 2018.Том 1. №. 3. С. 64.

[3] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1841-1921. Т. 20, половина 2: Львовская летопись. Ч. 2. 1914. С. 484; Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. С. 40-41.

[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 34.

[5] Юсупов Р.М. Социальная структура башкирского общества // История башкирского народа: в 7 т. Т. II. С. 249,255.

мусульманами, Москва начала вести по отношению к ним достаточно жесткую политику, направленную на полное подчинение во всех, в том числе и в религиозной, сферах. В сложившейся ситуации оказываемого религиозного давления и попытках христианизации со стороны российских властей, мусульманское население, чтобы сохранить основополагающие принципы общественного жизнеустройства, старалось не растерять свои традиции и устои[1].

При этом, возрастает значение джиенов (советов), которые несли в себе древние традиции самоуправления мусульман. В это же время усиливается роль сельских общин, в состав которых входило несколько махаллей. У каждой общины был свой совет старейшин, который возглавлялся неофициальным духовенством – абызами[2].

Ситуация несколько изменилась в середине XVII в., когда было принято Соборное Уложение 1649 г., в котором ислам, хоть и не в полном объеме, но получил признание на законодательном уровне. Здесь указывалось, что представители иных религиозных верований должны были давать присягу – «шерти» на верность царям, «по их вере», то есть в соответствии с той религией, которой придерживался[3]. Гонения на мусульман, таким образом, были ослаблены.

До создания ОМДС у мусульманского населения Поволжья и Урала не фиксировалась жесткая иерархия среди духовенства, которая распространялась бы за пределами данной общины, а подчинение решениям какого-то определенного представителя духовенства диктовалось из-за имеющегося положения. С XVI–XVII вв. в отдельных местах стали складываться локальные мусульманские центры, формирующиеся вокруг того или иного ахуна, выступавшие в качестве консолидаторов для ближайших общин[4].

---

[1] Шангараев Р.Р. История ислама и мусульманских народов России/Р.Р. Шангареев. - Казань: ИД «МеДДоК», 2020. С 48.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С.34.

[3] Шангараев Р.Р. История ислама и мусульманских народов России. С 45.

[4] Денисов Д.Н. О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала)/Д.Н. Денисов/Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. - 2011. С. 43.

Российская империя, которая к концу XVIII в. присоединила значимые по площади территории, населенные мусульманами, столкнулась с проблемой обеспечения их благонадежности и облегчения управления ими. Ввиду отсутствия в мусульманстве церковной организации и духовенства, правительство не могло использовать эти рычаги воздействия, как это происходило ранее[1].

Правительство, осознавая необходимость регулирования деятельности мусульманского духовенства, через которое оно могло бы влиять на основную массу мусульман, озадачилось необходимостью создания эффективной структуры для управления мусульманским обществом. 22 сентября 1788 г. императрица Екатерина II издала именной указ, который положил начало образованию Оренбургского магометанского духовного собрания, призванного контролировать и регулировать деятельность мусульманского духовенства через назначение мулл и других духовных лиц, лояльных по отношению к власти[2].

Отметим, что признание ислама в контексте государственно-конфессиональной системы Российской империи приводило к прямому воздействию и участию государства в духовной жизни мусульманских сообществ. Ислам не имеет официальной церковной организации как в православии, поэтому государство своими действиями стремилось создать своего рода «исламскую церковь»[3].

Уже в период правления Екатерины II происходит процесс бюрократизации структуры мусульманского духовенства. Созданное духовное правление во многом копировало структуру православной церкви. Муфтият теперь занимался выдачей разрешений (указов) муллам[4]. В это же время начинают формироваться предпосылки для выделения мусульманского духовенства в отдельное привилегированное сословие[5].

---

[1] Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 32.
[2] Марджани Ш. Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: (Источники по истории Казани и Булгара/Ш. Марджани. - Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 211–212.
[3] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2004. С. 47.
[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 36.
[5] Дашковский П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте

И.Л. Алексеев считает, что Россия переняла некоторые аспекты политической системы Османской империи, где разрешалось сохранять свою веру при условии лояльности к официальной власти. Мусульмане, таким образом, получили в стране статус «покровительственного религиозного меньшинства»[1].

С момента основания Оренбургского магометанского духовного собрания и до 1917 г. режим и правила, которыми руководствовалось мусульманское духовенство, были четко прописаны в имперских законах[2].

Важно подчеркнуть, что наряду с ОМДС в Российской империи были сформированы еще две значительные и организованные мусульманские структуры.

После присоединения Крымского полуострова, в Симферополе, на основании личного указа императрицы Екатерины II, датированного 23 января 1794 года, было создано Таврическое магометанское духовное управление[3]. Однако, оно, состоявшее из муфтия и шести «эфендиев», долгое время существовало без законодательно определенного круга прав, обязанностей и дел, подлежавших его рассмотрению. Статус мусульманского духовенства Таврического края утвердился с принятием 23 декабря 1831 г. «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах»[4]. На заседании Таврического Губернского правления 29 ноября 1832 г. было принято решение об официальном открытии Таврического магометанского духовного правления[5].

Разработкой проектов учреждения в Закавказье мусульманских духовных правлений начали заниматься еще в 1820-х гг., однако они были официально утверждены лишь 5 апреля 1872 г. императором Александром II, подписавшим

государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.: монография/П.А. Дашковский, Е.А. Шернешева; - Барнаул; Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 20.

[1] Алексеев И.Л..Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия: материалы Всероссийской научно-практической конференции "Мусульманское сообщество России: итоги и перспективы", Всероссийского мусульманского форума "Мусульманское сообщество России на пороге третьего тысячелетия"/И.Л. Алексеев и др., под ред. Мухетдинова Д.В. - Нижний Новгород: Махинур, 2006. С. 114-115.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С.174-199.

[3] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XXIII. № 17147. С. 482.

[4] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1832. Т. VI, ч. 2. № 5033. С. 337–345.

[5] Хайрединова З.З. Роль первых таврических муфтиев и проблемы интеграции мусульманского населения Крыма в состав России (1783 – 1830 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 71.

«Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» и «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства шиитского учения»[1].

Примечательно, что в отличие от ОМДС, функции, права, обязанности и привилегии духовенства Таврического и Закавказского духовных правлений были более тщательно и детально прописаны на законодательном уровне, а сами имамы южных регионов имели большие преференции, чем их коллеги из внутренних регионов России. Более того, в Крыму они выделялись в отдельное духовное сословие. Скорее всего, более лояльное отношение царского правительства было вызвано стремлением власти «приручить» мусульманское духовенство только недавно присоединенных территорий Черноморско-Каспийского региона[2].

Одной из основных функций ОМДС был контроль над назначением и деятельностью имамов, как представителей наиболее многочисленной категории мусульманского духовенства. Государство, понимая, насколько велико влияние деятелей мусульманского духовенства на свои приходы, стремилось утверждать мулл на их духовные должности точно также, как чиновников на гражданские должности, то есть, как официальных представителей власти. С этой целью процедура назначения мулл регулировалась на законодательном уровне.

По словам одного из очевидцев, процедура утверждения муллы инициировалась «с выбора общины»[3]. Постепенно «со времени появления Оренбургского магометанского духовного собрания, т.е. с 1789 года, имамы стали назначаться муфтием, главой Духовного собрания. Любой, желавший стать мусульманским духовным лицом, должен был ехать в Уфу к муфтию и сдавать экзамены, после чего он получал утверждение»[4].

Организацией, выдававшей свидетельство о том, что лицо, претендующее на духовное звание, сдало все экзамены, вследствие чего имеет право исполнять обязанности муллы, являлось полицейское управление уезда. При этом,

---

[1] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1830. Т. VI, ч. 2. № 50680. С. 379–397.

[2] Старостин Н.А. К вопросу о реконструкции социального облика имамов Урала в дореволюционный период [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // https://idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/starostin.htm#123 (Дата обращения 23.07.2024)

[3] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[4] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань: Издательство "Иман", 1998. С. 5.

экзаменуемый проверялся на политическую лояльность. Также он должен был владеть русским языком[1].

С созданием ОМДС, управление мусульманами Центральной и Восточной России стало представлять собой сложную систему, состоящую из трех уровней. На высшем уровне находилось высшее правление, на среднем – среднее, а на низшем – низшее[2]. По мнению Д.Д. Азаматова, Духовное собрание пыталось создать среднее звено управления в форме мухтасибатов, но эти инициативы наталкивались на нежелание правительства реорганизовывать учреждение[3].

Возглавлял Духовное собрание председатель – муфтий, который имел трех заместителей – кадиев. Кроме того, в работе учреждения участвовали секретарь и другие сотрудники. Мусульманскими общинами от 50 до 150 человек правил мухтасибат (от 2 до 5 человек под руководством мухтасиба). Это считалось средним звеном. Низшее духовное правление – мухтаваллиат – включал председателя, муллу, муэдзина, секретаря и казначея[4]. По плану, кадровый состав ОМДС предполагал наличие 17 человек при годовом бюджете в 9100 рублей[5].

Между тем, члены мусульманского духовенства по-прежнему принадлежали к своим социальным группам без отнесения к духовному сословию. Однако, обязанности имамов, хатыбов и муэдзинов, согласно законодательству империи, относили их к мусульманскому приходскому духовенству[6].

Анализ имеющихся источников и литературы, касающихся иерархической структуры мусульманского духовенства, позволяет выделить следующие категории служителей исламского культа:

---

[1] Шангараев Р.Р. История ислама и мусульманских народов России. С 51-52

[2] Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии/ З.А. Ишмухаметов. - Казань: Тат. книжн. изд-во. - С. 34-35; Абдрашитова А.Р. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления мусульман в XIX начале XX веков/А.Р. Абдрашитова/Вестник Оренбургского государственного университета. - 2001. С. 50; Константинова Н.А. Система управления мусульманским населением Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в./А.Н. Константинова/ Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 4–2 (56). С. 79.

[3] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 111.

[4] Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории)/И.Л. Алексеев/ Религиоведение. - 2002. - № 2. С. 22.

[5] Шангараев Р.Р. Ш 20 История ислама и мусульманских народов России. С 51.

[6] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 120–121.

Муфтий – духовный лидер, который является знатоком шариата и имеет право выносить решения по религиозно-правовым вопросам в виде специального заключения – фетвы (богословское заключение по тому или иному вопросу)[1].

В Российской империи эта должность главы мусульманского духовенства для ОМДС была учреждена в 1788 г. по указу императрицы Екатерины II. В 1794 году аналогичная должность была создана и для Таврического собрания. Содержание и выплаты главе ОМДС осуществлялись за счет государственных средств в размере 1500 рублей в год. Примечательно, что в то же время глава Таврического магометанского духовного правления С. М. Эфендий получал 2000 рублей[2]. В последующем муфтии назначались непосредственно императором по представлению министра внутренних дел. В случае совершения проступков и деяний, которые противоречили закону, муфтиев ожидал суд в Сенате.

Правовые положения и статус муфтия, как должностного лица и духовного лидера мусульманского сообщества, были определены в конце XVIII – начале XIX вв. Стоит отметить, что в законодательных документах, связанных с созданием ОМДС, полномочия его председателя не были четко прописаны. Муфтии обладали широкими полномочиями, включавшими в себя право разрешения разногласий, проведения экзаменов для претендентов на посты, выдачи сертификатов муллам, что и дало им прозвище «указные муллы», а также надзора за деятельностью всего мусульманского духовенства[3]. Они занимали свои должности до конца жизни. Кроме высокого жалования, получаемого от государства, владели значительными земельными участками[4].

Поскольку срок пребывания во главе Оренбургского магометанского духовного собрания был пожизненный, в течение всего периода его работы отмечено только шесть муфтиев: Мухаммеджан Хусаинов (22.09.1788 –

---

[1] Гогиберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 152.
[2] Константинова Н.А. Система управления мусульманским населением Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в./А.Н. Константинова/ Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 4–2 (56). С. 79.
[3] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С.121-123.
[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 40–41.

17.07.1824), Габдесаллям Габдрахимов (30.09.1825 – 31.01.1840), Габдулвахид Сулейманов – (10.06.1840 – 4.08.1862), Салимгарей Тевкелев – (28.04.1865 – 02.01.1885), Мухамедьяр Султанов – (02.01.1886 – 12.06.1915) (Приложение. Рис.5), Мухаммат-Сафа Баязитов – (28.07.1915 – 22.03.1917) (Приложение. Рис. 6).

После ухода из жизни муфтия и до назначения нового главы Духовного собрания, его обязанности возлагались на старшего заседателя. Так, в 1840 г. после смерти Г. Габдрахимова, обязанности муфтия исполнял Т. Максютов, он же руководил ОМДС в течение 1862 г. после ухода из жизни Г. Сулейманова. В 1863–1865 гг., до выборов муфтия Духовного собрания С. Тевкелева, пост главы занимал А. Искандеров. После смерти С. Тевкелева, ОМДС временно руководил в 1885–1886 гг. М. Салихов[1].

Заметим, что эффективность деятельности ОМДС во многом зависела от личности и качеств муфтия, его способностей взаимодействовать с мусульманской общиной и органами власти. Так, первый муфтий ОМДС Мухаммеджан Хусаинов (полное имя Мухаммеджан бин аль-Хусаин бин Абдуррахман; 1758–1824), являясь амбициозным человеком, вступал в конфликты и с муллами, и с представителями власти, но тем не менее добился больших успехов на своем поприще[2].

М. Хусаинов, претендовавший на тот же статус, полномочия и права, как православный митрополит[3], был настолько авторитарен и властолюбив, что в 1802 г. Сенат был вынужден вмешаться в его конфликты с заседателями, ограничив полномочия муфтия только правом председательствовать на заседаниях ОМДС, специально издав постановление, согласно которому муфтий М. Хусаинов обязывался согласовывать свои решения с заседателями и не мог издавать какие-либо распоряжения без их разрешения[4].

Тем не менее, он внес большой вклад в образование в крае – при нем, вместо разрозненной сети сельских медресе и медресе Каргалы, возникла целая сеть

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 40.
[2] Фахруддин Р. Асар. Т. 1. Казань: Рухият, 2006. С. 286–289.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 559.
[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 42.

мусульманских учебных заведений; на месте разрушенных в середине XVIII в. строились сотни мечетей и т.д.[1].

Кадий, заседатель – судья, выполняющий судопроизводство на основе норм шариата. Согласно указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в суде должны были «заседать 2 или 3 муллы из Казанских татар, в верности к нам и в добропорядочном поведении их испытанным, с жалованьем по 120 рублей на год»[2].

Вопрос о том, почему выбор заседателей был ограничен конкретно указанной губернией, до настоящего времени не получил однозначного ответа. Более того, правительственные структуры, занимаясь во второй половине XIX в. проектами преобразования ОМДС, сами давали разные разъяснения. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, обсуждая этот вопрос в 1880 г., сделал вывод, что в указе под термином «казанские татары» подразумевались татары всей Российской империи, за исключением Крыма, где располагалось свое мусульманское правление. Отсюда следовало, что выборы заседателей было необходимо проводить не только в Казанской губернии.

Казанское губернское правление считало, что их особое положение, как источник комплектования высших должностных кадров Духовного собрания, было обусловлено большой площадью, занимаемой на тот момент указанной административной единицы. Муфтий Салимгарей Тевкелев объяснял это тем, что «... в начале XIX в. в Казанской губернии магометанское духовенство было сравнительно ученее и грамотнее духовенства других губерний». Большинство исследователей по истории ислама в России сходятся во мнении, что при определении выбора заседателей из Казанской губернии, государство учло прежде всего лояльность местного мусульманского духовенства к власти[3].

После 1889 года прерогатива назначения кадиев Казанской губернии была передана министру внутренних дел. При этом учитывалось мнение муфтия[4].

---

[1] Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 259–260.
[2] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XXII. № 16710. С. 1107.
[3] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 70.
[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

Кадии выполняли аналогичные функции, что и муфтий, и имели право контролировать его деятельность, предотвращая принятие им односторонних постановлений. Решение большинства вопросов предполагалось совместным для кадия и муфтия. Несмотря на установленный трехлетний срок полномочий, на практике кадии и муфтий часто занимали свои должности на протяжении более длительного времени. Определенным стимулом в этом были положенные привилегии – значительное казенное содержание[1].

Вопреки нивелированию положения мусульманского духовенства по всей стране, оно имело свои территориальные различия. Так, к примеру, в Дагестане кадии входили в состав Дагестанского народного суда, которому был подсуден широкий круг вопросов – все гражданские дела, независимо от суммы иска, а также все уголовные дела, включая и самые тяжкие[2].

Ахун – духовный сан у мусульман, которым обычно называли исламских богословов, ученых, главных духовных лиц, специалистов по мусульманскому праву, выносящих судебные решения и издававших религиозно-правовые предписания[3].

До создания ОМДС ахуны считались высшими духовными лидерами в определенных регионах. В 30–е годы XVIII в. в Башкирии насчитывалось уже 10 ахунов, «сходцев ис Казани и других уездов», причем власти признавались, что «как [они] живут, и хто их в такой чин ставит, о том Уфа не ведает[4]. Обладая огромным авторитетом, они оказывали большое влияние не только на татарское и башкирское население Южного Урала, но и на значимую часть казахов[5].

---

[1] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 37.

[2] Халифаева А.К., Джалалова С.М. Роль кадия в судебных и административных органах Дагестана в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 2. М.: Юрист, 2005 С. 30.

[3] Тычинских З.А. Тобольские ахуны в XVI-XVIII вв./З.А. Тычинских/ Вестник Томского государственного университета. История. - 2021. - № 7. С. 52.

[4] Денисов Д.Н. О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала)/Д.Н. Денисов/Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.// Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 43.

[5] Демидова Ф.Н. Материалы по истории Башкортостана: в 6 т./Н.Ф, Демидова, под. ред. Н.В. Устюгова. - Уфа: Китап. 2002. 6 т. С. 100.

В первой половине XVIII в., в условиях реформ Петра I и последовавших за его смертью дворцовых переворотов, в стране нарастают волнения среди людей, сопровождавшиеся массовыми восстаниями. В них участвовали и мусульманские народы Урало-Поволжья. На подавление одного из таких – башкирского восстания 1735–1736 гг. – был направлен Указ от 11 февраля 1736 г., в котором содержатся и меры по ограничению деятельности ахунов[1].

Первостепенной задачей политики сдерживания являлось ослабление авторитета ахунов среди башкирского населения. Принятые законодательные акты ограничивали сферу их деятельности, сокращая объём полномочий. Вопросы возведения новых мечетей, а также образовательных учреждений, таких как медресе и мектебе, в башкирских поселениях, теперь находились в ведении представителей российской администрации на местах. Мусульманские судебные органы также подверглись реформированию, сохранив за собой лишь рассмотрение дел, касающихся семейных отношений, разделения имущества и вопросов наследования. Особое внимание уделялось грамотной части населения, особенно муллам и абызам[2].

Следующим шагом по снижению влияния ахунов на население стало принятие Указа 28 января 1783 г. «О дозволении подданным Магометанского закона избирать самим у себя ахунов»[3]. По этому закону мусульманам давалась рекомендация не увеличивать число мечетей и не «выписывать им ахунов из Бухарии или другой чужой земли»[4]. Данное постановление, с одной стороны, сдерживало воздействие иностранных сил, в частности, турецких, на мусульманское население России. С другой стороны, оно утверждало приоритетное право российских мусульман на занятие духовных постов. Тем самым правительство подкупало тех людей, кто занимал данные должности.

---

[1] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. IX. № 6890. С. 749.
[2] Сулейманова Ю.Ф. Политика царской администрации в сфере просвещения мусульман Оренбургской губернии в XVIII – XIX вв.: цели и результаты // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №17(136). - С. 58.
[3] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.
[4] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XXI. № 15653. С. 805.

Учреждение ОМДС привело к дальнейшему снижению авторитета ахунов, чья выборная процедура была отменена. Сама позиция ахуна постепенно преобразовалась в почетный титул, который присваивался МВД или Духовным собранием имамам главных мечетей, имевшим стаж работы не менее трех лет, в знак признания их выдающихся достижений в религиозной и управленческой сферах[1].

В число обновленных критериев для кандидатов на должность ахуна входит знание русского языка на уровне, соответствующем программе одноклассного народного училища. Даже при снижении своего официального положения, ахуны сохраняли более широкие полномочия по сравнению с рядовыми священнослужителями приходов, выполняя функции связующего звена между имамами и органами местного духовного самоуправления[2]. Они, являясь старшими по должности в определенном районе, как правило, состоящем из нескольких волостей, пользовались большим влиянием[3].

Учёные отмечают, что ахуны, как и прочие должностные лица ОМДС и их потомки, пользовались значительной привилегией, а именно, освобождением от телесных наказаний. Вместе с тем, на них возлагались обязанности по уплате различных сборов и исполнению повинностей, размер и характер которых зависели от их социального статуса и принадлежности к определённому сословию. Однако, они, как и представители иных религиозных общин, не были обязаны выплачивать подушную подать. Более того, по решению приходских собраний, которые их избирали, они могли быть освобождены от уплаты налогов, при этом приход брал на себя ответственность за их уплату.

За действия и проступки, противоречащие законам ислама (шариата), они несли персональную ответственность перед Духовным собранием, которое, в зависимости от тяжести их проступков, могло наложить дисциплинарные

---

[1] Прозоров С.М. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь/С.М. Прозоров, А.А. Хисматуллин и др. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. В. 2. С. 70.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[3] Фархшатов М.Н. Ислам на территории бывшей Российской империи: энц. словарь: в II т./М.Н. Фархшатов, под. ред. С.М. Прозорова. - М.: Наука, Восточная литература, Садра, 2006. - Т. 1. С. 288.

взыскания, такие как временное отстранение от должности или вообще лишить духовного сана[1].

Хатиб – это высокопоставленный духовный лидер в главной мечети, ответственный за произнесение проповедей (хутбы) во время пятничных и праздничных богослужений. В отличие от муфтия и его заместителей, хатибы избирались непосредственно членами общины и утверждались на должности при условии получения поддержки не менее двух третей голосов глав семейств, проживающих в махалле. Тем не менее, процедура выборов находилась под контролем государственных органов, так как проходила в присутствии представителей местной администрации, таких как волостные старшины или сельские старосты. Важно отметить, что хатиб приносил присягу Губернскому правлению в здании Полицейского управления, что подчеркивает степень контроля властей над назначением духовных лиц[2].

В ходе аттестационного процесса имамы демонстрировали профессионализм не только в изучении исламских догм, но и в использовании русского языка. В обязанности хатибов входило множество разнообразных задач: они руководили общественными богослужениями, проводили религиозные церемонии, регулировали вопросы, связанные с браком и семьёй, распределяли наследство, обучали детей, регистрировали акты гражданского состояния (заполняли метрические книги и выдавали справки), следили за моральным обликом прихожан, заботились о функциональности мечети, мектебе и медресе (в случае их наличия) и т.д.[3].

Имам (мулла) – глава местного мусульманского прихода махалли и руководитель общей молитвы в мечети. В дореволюционный период представлял собой наиболее многочисленную категорию всего мусульманского духовенства в Российской империи. Имамы выбирались членами прихода, а затем проходили

---

[1] Тычинских З.А. Тобольские ахуны в XVI-XVIII вв./З.А. Тычинских/ Вестник Томского государственного университета. История. - 2021. - № 7. С. 55–56.
[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.
[3] Там же. С. 39.

строгую проверку на богословскую подготовку и политическую благонадежность. После утверждения в должности, получали официальное признание от ОМДС.

Муэдзин – служитель мечети, который призывает мусульман на молитву и провозглашает азан. Также он занимается поддержанием порядка и чистоты в мечети, а по поручению муллы может выполнять отдельные религиозные церемонии[1].

Согласно статье 1416 Устава ОМДС, классификация духовных служащих определяется в следующей структуре: «В округе Оренбургского магометанского духовного собрания высшее магометанское духовенство составляют Оренбургский муфтий и ахуны, а приходское при соборных мечетях – хатыпы (муллы), имамы и маязины, при мечетях простых – имамы и маязины»[2].

Важнейшей обязанностью служителей ислама, в том числе в регионе, было обучение подрастающего поколения и передача им духовных знаний. В связи с этим, в рамках аттестации в Оренбургском магометанском духовном собрании, кандидаты на позиции хатибов и имамов одновременно удостаивались педагогического статуса. Звание мударриса, означающее преподавателя и наставника, являлось высшей академической степенью, дающей право возглавлять медресе и занимать должность старшего преподавателя. Второе по значимости звание, мугаллим, также обозначающее человека, передающего знания и обучающего, позволяло его обладателю преподавать в мектебах и медресе[3]. Во многих случаях, муэдзина наделяли дополнительной функцией мугаллима сабян, что означало – преподавателя для детей. В его обязанности входило обучение детей младшего возраста[4].

Наряду с официально признанной системой мусульманского духовенства, в обществе функционировали религиозные лидеры, чья деятельность

---

[1] Там же. С. 40-41.

[2] Набиев Р.А. От «автономии» Оренбургского магометанского духовного собрания к духовным управлениям постсоветского периода // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 120.

[3] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 144.

осуществлялась вне рамок формальных институтов. Их полномочия и статус не были определены нормативными актами, и они не входили в официальную религиозную иерархию. Среди них выделялись хальфы – помощники мударрисов (учителей), которые назывались мугаллимами. В условиях широкого распространения суфизма отмечались шейхи (муршиды, ишаны), руководившие суфийскими общинами и являвшиеся наставниками тарикатов. Их ученики и последователи назывались мюридами.

В жизни мусульманских общин важную роль играли не только муллы, но и их супруги, которых именовали абыстаи. Также обращались и к незамужним или образованным женщинам, которые читали Коран и могли сами организовать проведение некоторых религиозных обрядов, таких как Коран мэджлесе, Маулид уку и т.д.[1].

Поскольку традиционно «мусульманские» регионы Российской империи выделялись особенностями историко-культурного, социально-экономического и политического развития, то у духовенства действовала своя специфика. К примеру, на Северо-Западном Кавказе (среди адыгов) духовенство имело следующую иерархию: эфенди, старший мулла, мулла, муэдзин, сафота, иджако[2].

Параллельно с этим, в Крыму, вошедшем в состав Российской империи в 1783 году, находилась резиденция Таврического магометанского духовного правления, основанного по указу от 23 января 1794 года[3]. Духовенство этого региона представлено муфтием, его заместителем – кади-аскером, а также уездными кадиями. Среди местного духовенства: хатибы, имамы, муллы, муэдзины, мударрисы, гочи (учителя мектебе), ферраши (слуги при мечети), а также руководители текке (дервишских обителей). Каждый из них выполнял свои духовные обязанности[4].

---

[1] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 41.

[2] Салаходинова Г.В. Политика российского правительства в отношении мусульманского духовенства Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Адыгского университета. 2006. № 4. С. 48.

[3] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). Вып. 50. С. 90-94.

[4] Загидуллин И.К. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского собрания (конец XVIII – начало XX века) // Филология и культура. 2013. № 1(31). С. 185–188.

Выводы по параграфу. В исламе отсутствует институт церкви, как посредника между Аллахом и верующими. А значит, в отличие от христианства нет и особого духовного сословия. Тем не менее, исторически сложилось так, что во всех мусульманских сообществах сформировалась обособленная социальная группа людей, являющихся профессиональными служителями религиозного культа.

Духовенство мусульман в Уфимской губернии образовывало уникальную социальную группу, которая существенно влияла на культурные и общественно-политические процессы как среди мусульман, так и в широком контексте всего региона. Его формование и развитие были тесно связаны с историей ислама, хотя ввиду отсутствия репрезентативных данных, ранний период развития служителей исламского культа в регионе остается не изученным до настоящего времени.

Имеющиеся отрывчатые сведения и обращение к опыту изучения истории мусульманского духовенства на ранних этапах в Средней Азии и Среднем Поволжье, откуда, по мнению исследователей и пришел ислам на Южный Урал, позволяет предположить, что до исламизации региона в XIII–XIV вв. здесь могли быть отдельные служители культа, которые вели миссионерскую деятельность.

После монгольского завоевания Урало-Поволжья и включения территории, населенной башкирами в состав Золотой Орды, в социальной структуре башкирского народа начинает консолидироваться мусульманское духовенство, которое ко времени присоединения к Российскому государству в середине XVI в., наряду с ханами, биями и тарханами, формирует родоплеменную знать. Постепенно сюда же переселяются служители исламского культа с других территорий.

В XVII–XVIII вв. правительство, отказавшись от политики противостояния исламу, начало выстраивать более мягкие отношения. В 1788 г. было создано ОМДС – организация, которая должна была контролировать мусульманское духовенство и применять его для продвижения интересов российской политики в мусульманской среде, как в пределах государства, так и за его границами.

С момента основания ОМДС и до 1917 г. деятельность мусульманского духовенства строго и довольно детально регламентировалась имперским законодательством.

С учреждением Оренбургского магометанского духовного собрания система управления мусульманским населением Центральной и Восточной России приобрела иерархическую структуру, включающую в себя три уровня (по мнению некоторых исследователей, два уровня).

В каждой мусульманской общине создавался мухтасибат, где численность людей колебалась от 50 до 150 человек. Муфтий, стоящий на вершине иерархии, возглавлял собрание и имел в своем подчинении трех кадиев. Мухтасибом, руководившим составом общинного управления, являлся один из двух (до пяти) членов.

В основе структуры находилось управление, которое возглавлял председатель. В его состав входили мулла, муэдзин, казначей и секретарь, формируя низший уровень мухтаваллиата.

В среде мусульманского духовенства существовали и другие, неофициальные, (то есть, не закрепленные законом и не имеющие официального статуса), духовные лица. Среди них хальфы – помощники мударрисов, учителей религиозных школ, которых также называли мугаллимами.

Кроме того, были шейхи – руководители и наставники суфийских общин, известные как муршиды или ишаны. Мюриды же были учениками шейхов, последователями суфийского тариката. Абыстаи – это жены мусульманских духовных лиц или образованные женщины, которые читали Коран и могли сами организовать и провести некоторые религиозные обряды.

Глава II. Положение мусульманского духовенства Уфимской губернии в социальной структуре и системе государственно-конфессиональных отношений в 1865–1917 гг.

2.1 Нормативно-правовая база деятельности мусульманского духовенства Уфимской губернии

В дореволюционный период в Российской империи статус священнослужителей, несмотря на их вероисповедание, зависел, в первую очередь, от правового положения религии, которой они служили. В отличие от православной церкви, которая имела статус государственной и являлась частью общегосударственной системы[1], ислам на протяжение длительного периода времени признавался «терпимой» религией[2]. Соответственно, это отражалось и на правовом состоянии представителей мусульманского духовенства, проживающего, в том числе, и на территории Уфимской губернии.

Стоит отметить, что аналогичная ситуация наблюдалась и по отношению к другим христианским конфессиям в России – Римско-католической и протестантской, Армяно-католической и Армяно-Григорианской церквям, признание которых в царской России не означало их равенства, не говоря уже о неправославных вероисповеданиях[3].

По словам известного французского ученого Н. Верта, специалиста по истории СССР, «религиозное разнообразие являлось одной из самых поразительных черт Российской империи», в состав которой, «начиная с завоевания Казани в 1552 г., входили все новые земли, население которых не было православным»[4].

---

[1] Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX в. /М.И. Лавицкая/ Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - № 8 (76). С. 335–343.

[2] Загидуллин И.К. Превращение ислама в «терпимую» религию в период правления Екатерины II // Вторые кремлевские чтения «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.) / отв. ред. И.Р.Миннуллин. Казань, 2009. С. 107.

[3] Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721-1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция\А.Ф, Гавриленков. - М.: МГОУ, 2010. С. 16.

[4] Werth P. The tsar’s foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in imperial Russia. Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2014. XVI, 288 p. P. 3-4.

В ходе присоединения к Московскому (Русскому) царству, а затем к Российскому государству новых земель и территорий, где проживало население, исповедующее ислам, традиционные языческие верования, католицизм и т.д., перед правительством вставали вопросы управления ими присоединенных земель и разработка внутренней государственной политики в отношении различных религиозных групп и этнических сообществ на различных этапах их развития. Для того, чтобы решить указанные задачи, правительством предпринимался целый комплекс мер и мероприятий, принимались различные нормативно-правовые акты, которые, в совокупности, во многом обусловливали социальное положение, права, ответственности, обязанности и т.д. тех или иных религиозных и общественных групп, народов и этнических сообществ[1].

История взаимоотношений российского государства и существующих в стране религий, насчитывающая много веков, была отмечена как откровенными противоборством и противостоянием, так и плодотворным сотрудничеством, однако неизменным оставалось одно - государственно-конфессиональные взаимодействия регулировались, в первую очередь через различные нормативно-правовые акты, касавшиеся как правового статуса отдельных конфессий в целом, так и их институтов (в том числе, духовенства), в частности.

Положение мусульманской религии, ее последователей и служителей культа в рамках правового пространства Российского государства, начиная с момента присоединения Урало-Поволжья (с преимущественно мусульманским населением) в середине XVI в. и до прихода большевиков к власти в 1917 г., официально отделивших Церковь от Государства, не было единым и неизменным[2].

Более того, место и роль того или иного народа, исповедующего ислам в системе государственных социально-правовых отношений, менялись не только в зависимости от проводимой политики, ее интересов и предполагаемых конечных результатов, но и от того, как реагировало само население.

---

[1] Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 4-2 (56). С. 138.

[2] Усманова Д.М., Михайлов А.Ю. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона)/Д.М. Усманова, А.Ю. Михайлов. - Казань: Яз, 2014. С. 29.

Изменения статуса ислама и его институтов, в том числе мусульманского духовенства, получившие отражение прежде всего в законодательстве и проводимой государством по отношению к мусульманам политике, имели одну особенность. Последняя не всегда соответствовала нормам закона, а проводилась в зависимости от внутренних и внешних факторов[1].

Первые этапы формирования отношения Российского государства к исламу можно отнести с XIV – первой половине XVI в., когда на русскую службу поступали представители татаро-монгольской знати, часть из которых принимала православие, получая в таком случае, положенные им преференции – права и привилегии наряду с представителями русской знати. Лица, находившиеся на службе у российских монархов, но сохранившие свою исходную веру, обеспечивались денежным довольствием и материальной поддержкой. Однако, для них устанавливалось ограничение, касающееся владения крепостными крестьянами. Как указывал Д.Ю. Арапов, «в целом ислам и его религиозные учреждения в средневековой России никогда не были официально запрещены, но все же переход в православие всячески приветствовался»[2].

Во второй половине XVI в. перед Московским государством, присоединившим огромные территории Урало-Поволжья, встает вопрос о необходимости правового регулирования положения ислама и его институтов в стране, в результате чего ислам, как религия, начинает входить «в орбиту российского законодательства»[3].

В отношении ранних этапов взаимодействия Российского государства и его новых подданных – мусульман Урало-Поволжского региона – в правовом пространстве единой страны среди исследователей нет общепринятой точки зрения. Так, по мнению Г.Б. Фаизова, практически с момента присоединения в середине XVI в. и до конца XVIII в. в Поволжье и Приуралье государство

---

[1] Усманова Д.М., Михайлов А.Ю. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона)/Д.М. Усманова, А.Ю. Михайлов. - Казань: Яз, 2014. С. 29.
[2] Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. и авт. вводной статьи, примечаний и комментариев Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 16–17.
[3] Юнусова А.Б. Предисловие к сборнику законодательных актов // Ислам в законодательстве России. 1554 - 1929 гг. С. 3.

проводило политику, «жесткого насильственного крещения мусульман», ущемления их прав[1]. Т.А. Чернова пришла к выводу, что «неправомерно говорить о насильственном характере христианизации», поскольку в «Московском государстве ни ислам, ни его религиозные учреждения никогда официально не запрещались»[2]. По мнению М.В. Моисеева, «мы должны говорить не столько о веротерпимости, сколько о прагматизме и в определенной степени о равнодушии к религиозным проблемам», то есть на ранних этапах «сохранение мусульманской идентичности возможно до тех пор, пока это не угрожает государственной безопасности. Как только баланс религиозной свободы и подданства нарушен, то наказание неотвратимо»[3].

По мнению Н.В. Самсонова, проанализировавшего законодательные и нарративные источники XVI–XVII вв., в Московском государстве в указанное время «ни ислам, ни его религиозные учреждения никогда официально не запрещались». Более того, он подчеркивал, что «московские власти в XVI–XVII вв. признавали за мусульманами основные права русского населения», что свидетельствует о преобладании в этот период сословно-классовых интересов над этническими и религиозными[4].

Так или иначе, до XVIII в. государство не уделяло специальное внимание мусульманскому духовенству. В первой половине XVIII в. история взаимоотношений Российского государства и русской православной церкви была связана с борьбой между светской властью в лице главы государства и духовной, представленной православной церковью, в ходе которой последняя была подчинена и вошла в структуру государственного аппарата[5].

---

[1] Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. С. 44.

[2] Чернова Т.А. Формирование принципов правового взаимоотношения российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. /Т. А. Чернова/ Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». - 2018. - Т. 18. - № 3. С. 69–70.

[3] Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты /М. В. Моисеев/ Quaestio Rossica. - 2016. - Т. 4. - № 1. С. 49.

[4] Самсонов Н.В. Правовая политика московского государства по отношению к мусульманам во второй половине XVI – середине XVII вв. /В.Н. Самсонов/ История государства и права. - 2007. - № 14. С. 30.

[5] Иванов И.А. Церковная политика Российского государства в XVIII веке: предпосылки и реализация (историко-правовой аспект). 2008. №13. С. 17.

Петр I (как позднее и Екатерина II) был сторонником идеи беспрекословного подчинения действующих в стране религий интересам российского государства. Соответственно, служители всех культов, в независимости от положения в иерархической лестнице, обязаны были быть верными помощниками светской власти, а высшим приоритетом в их деятельности должно являться служение «державным интересам». Эти требования предъявлялись как к священнослужителям православной религии, официально являющейся государственной, так и к остальным, действовавшим на территории страны, в отношении которых наблюдалась определенная градация.

Если к различным направлениям протестантизма (лютеранство, кальвинизм и др.), Петр I проявлял наибольшую толерантность, менее терпимо и более сдержанно относился к католицизму и его последователям, то в отношении нехристианских культов, и прежде всего к мусульманству, он был гораздо меньше благосклонен. Последнее объяснялось внешнеполитическими факторами – войной с мусульманскими Турцией и Крымом (Русско-Турецкая война 1686–1700 гг., Крымскими походами 1687 г., 1689 г., Азовскими походами 1695 г. и 1696 г.)[1].

В результате проигрыша Российской империи в войне против Османской империи, продолжавшейся с 1709 по 1713 годы, Пётр I издал указ от 3 ноября 1713 г. «О крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан», согласно которому «бусурмане магометанской веры», имевшие в своих поместьях и вотчинах православных крестьян, были обязаны в течение шести месяцев принять христианство. В случае, если они не выполняли указ, их поместья и вотчины подлежали конфискации в пользу государства[2].

В Эпоху дворцовых переворотов, последовавшей после смерти Петра I (1725–1762 гг.), курс внутренней политики по отношению к церкви всех правительств был близок к реформам Петра I и направлен на подчинение ее государству, хотя и имел свои особенности, обусловленные обстоятельствами

[1] Арапов Д.Ю. Ислам в петровской России. Вестник Московского университета. Серия 8: История – 2012. - №. 4. С. 4–6.
[2] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. V. № 2734. С. 66–67.

смены правителей, их личными качествами и т.д.[1]. В то же время, при преемниках Петра I политика центральной власти в отношении мусульман и их прав в целом ужесточилась[2].

Во второй половине XVIII в. в стране происходит достаточно резкое изменение в государственно-религиозной политике по отношению ко всем конфессиям, в целом, и в отношении мусульманства, в частности. 17 июня 1773 г. был опубликован указ Святейшего Синода «О терпимости всех вероисповеданий». Документ, который предписывал проявлять терпимость ко всем религиозным убеждениям, фактически запрещал архиереям вмешиваться в дела, связанные с религиозными практиками и строительством молитвенных зданий, принадлежащих другим конфессиям[3].

Впервые в истории Российской империи был официально провозглашен принцип веротерпимости к мусульманской религии, положив, таким образом, начало разработке и утверждению законодательной основы для взаимодействия государства и ислама[4].

Изменения в отношении неправославных религий сказались и на позиции властей к мусульманскому духовенству. По мнению Л.И. Ногманова, своеобразной точкой отсчета стала поездка Екатерины II в Казань весной 1767 г., где состоялась ее встреча с некоторыми служителями исламского культа, в ходе которой «произошло признание верховной властью реального статуса неофициального мусульманского духовенства… и как следствие этого, пришло осознание необходимости сотрудничества с ним». Не случайно, по подсчетам вышеуказанного автора из 17 различных законодательных актов, принятых правительством в 1780–1790-х гг. в отношении ислама в целом, 13 были связаны с мусульманскими духовными лицами[5].

---

[1] Иванов И.А. Церковная политика Российского государства в XVIII веке: предпосылки и реализация (историко-правовой аспект). С. 17.
[2] Мухетдинов Д.В. История ислама в России. М.: ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019. С. 120–121.
[3] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XIX. № 13996. С. 775–776.
[4] Загидуллин И.К.Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дисс ... докт. ист. наук. – Казань, 2006. 545 с.
[5] Ногманов А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13. № 4. С. 40-41.

Присоединение к Российской империи в 1783 г. Крымского ханства со всеми его землями в Причерноморье[1], а также Литовских земель, населенных значительным количеством мусульман, и уравнивание национальной элиты этих территорий в правах с дворянством, также способствовало вхождению высших слоев мусульманского духовенства в систему управленческих органов государственной власти[2].

В именном указе от 28 января 1783 г. правительство четко обозначило свою позицию: все духовные лица, независимо от их статуса, должны быть исключительно российскими подданными. В первую очередь, это касалось ученых духовных лиц, в которых так нуждалась в то время российская умма[3].

В рамках Указа от 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»[4], было образовано Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС).

Впервые в истории Российского государства, Духовное управление было учреждено как официальная структура для мусульман, став частью общеимперской государственной системы. Оно выполняло роль централизованного органа, управляющего мусульманским сообществом в европейской России и Сибири. Однако, действие юрисдикции данного управления не охватывало территории Крымского полуострова и Кавказского региона.

После отказа Российского государства от принудительного обращения в христианство и признания ислама в числе дозволенных вероисповеданий, последовал период постепенной интеграции мусульманского духовенства в структуру государственного управления. Были установлены законодательные

---

[1] Гусейнов Ю.М. Исторические этапы присоединения Крымского полуострова к России в XVIII веке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Всероссийский научный журнал. 2014. № 12/1. С. 281.

[2] Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII - начало XX вв.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 15.

[3] Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: материалы одноименного науч. семинара, посвящ. 220-летию учреждения религиозного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Казань, 2011. С. 3.

[4] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XX. № 16 710. С. 1167.

нормы, регулирующие права, обязанности и ответственность мусульманского духовенства[1].

Как уже было сказано, по задумке автора проекта, барона О. А. Игельстрома, создаваемая «особая комиссия» под руководством главного ахуна края Мухамеджана Хусаинова должна была иметь трехступенчатую систему, находиться в подчинении и действовать в соответствии с указаниями Уфимского наместнического правления, а также быть приравненной к средним судебным инстанциям[2].

Деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания руководили непосредственно председатель – муфтий, который назначался «к должности по представлению министра внутренних дел, Высочайшей властью» и 3 заседателя – кадии, кандидатуры которых предлагал муфтий, но утверждал также министр МВД[3].

Комбинация принципов назначения муфтия (официально был зафиксирован в 1891 г.) и избираемости трех кадиев – представителей духовенства Казанской губернии позволяла сохранять паритет между интересами власти и приверженцев ислама. Также можно говорить и о соблюдении интересов мусульман двух крупных соседних регионов, поскольку все муфтии до М.С. Баязитова, избранного в 1915 г., были уроженцами Южного Урала, а все кадии происходили из Поволжья. Примечательно, что до 1871 г. выборы кадиев проводились коллегией местных имамов в г. Казани[4].

В работе организации участвовали не только представители высшего духовенства. Секретарь и другие сотрудники также играли важную роль. Духовенство мусульманских приходов, представленное ахунами, имамами и

---

[1] Денисов Д.Н. Ответственность мусульманского духовенства в законодательстве и практике Российской империи // 1-й Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» 1–3 ноября 2011 г. М.: Изд-во Казанского ун-та, 2012. С. 459.

[2] Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии/ З.А. Ишмухаметов. - Казань: Тат. книжн. изд-во. С. 34-35.

[3] Абдрашитова А.Р. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления мусульман в XIX начале XX веков/А.Р. Абдрашитова/Вестник Оренбургского государственного университета. - 2001. С. 50.

[4] История Ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. – Казань: Российский исламский институт, 2022. С. 284.

муэдзинами, подчинялось Духовному собранию по вопросам, которые относились к его полномочиям[1].

По замыслу автора проекта, вновь создаваемой организации отводилась особая роль в контроле и регулировании деятельности мусульманского духовенства на всей территории Российской империи (за исключением Таврической губернии), путем приема экзаменов и отсева неблагонадежных мусульманских священнослужителей.

В 1791 г. в учреждении сдали экзамены 789 человек, из которых 8 получили должность ахуна, 7 мухтасиба, все остальные - звания муллы и муэдзина[2]. Для сравнения, в 1800 г. в Оренбургской губернии насчитывалось всего 1793 мусульманских духовных служителей[3].

Что касается упомянутой Таврической губернии (современный Крым и прилегающие территории), то она входила в ведомство вновь созданного Указом от 23 января 1794 г. Таврического магометанского духовного правления[4], деятельность которого была регламентирована позднее в 1831 г. Положением о Таврическом магометанском духовенстве[5].

Автор проекта создания Духовного собрания О. А. Игельстром с самого начала установил строгие правила приема кандидатов на духовные должности азанчея, муллы и ахуна. Примечательно, что улемы – богословы были объявлены вне закона, очевидно ввиду их оппозиционного отношения к власти. Сам процесс избрания и утверждения кандидатов на духовные должности являлся сложным и включал в себя несколько этапов.

Первый связан с выборами муллы непосредственно членами прихода. Затем информацию об их итогах передавали земскому исправнику или начальнику кантона, которые, в свою очередь, сообщали об этом в наместническое (с 1796 г. в

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 40.
[2] Там же. 20–21.
[3] Кульшарипов М.М. Открытие Духовного собрания в Уфе/М.М. Кульшарипов. Уфа, 1988. С.45.
[4] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. XXIII. № 17147. С. 482.
[5] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1832. Т. VI, ч. 2. № 5033. С. 337–345.

губернское) правление. Уже там, проверив на благонадежность, отправляли предложенных кандидатов на экзамен в ОМДС.

Во время испытания обязательно должны были присутствовать два члена верхней управы, которые могли отменить решение религиозного учреждения, если считали, что было нарушение закона. В случае успешной сдачи экзамена, мулла получал Указ наместнического (губернского) правления о том, что он может занять свою должность[1].

Власти не одобрили этот проект, однако Духовное собрание все равно использовало его как утвержденный нормативный документ. Более того, многие положения и предложения из него вошли в некоторые правительственные указы и постановления. Что касается порядка проведения процедуры выбора мусульманского духовенства, то он был утвержден Государственным советом позднее – 21 октября 1837 г.[2].

Примечательно, что мусульманское духовенство признано государством еще в середине XVIII в., но сам процесс законодательного оформления его прав и обязанностей был постепенным и начался после создания ОМДС[3]. В Российской империи законы, определяющие избрание, утверждение и деятельность мусульманского приходского духовенства разрабатывались так, чтобы эти процессы могли контролировать как местные, так и центральные органы власти[4].

В последующем правовое положение и деятельность служителей культа в исламе были отражены в законах, действующих на уровне всего государства и отдельных регионов. Также эти вопросы регулировались непосредственно Оренбургским магометанским духовным собранием через решения, указы и фетвы муфтия и кадиев[5].

---

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 26-27.
[2] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1838. Т. XII, ч. 1. № 10594. С. 801.
[3] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 88.
[4] Клочков В.В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР/В.В. Клочков. - М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 27.
[5] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX - начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Казань, 2012. С. 23.

Данные законы регламентировали работу всех мусульманских священнослужителей, от муэдзинов до муфтиев, создав централизованную систему управления, которая работала по принципу иерархии[1]. Взаимодействие муфтия с приходскими священниками происходило посредством указов, распоряжений и постановлений Духовного собрания[2].

В первой половине XIX в. в отношении мусульманского духовенства проводилась политика, которая, с одной стороны, должна была его систематизировать и структурировать, а с другой – усилить за ним государственный контроль.

Чтобы не допустить ошибок в документах, которые касались духовенства, правительство стремилось выделить их ключевые должности и функции. На основании указа Государственного совета от 9 декабря 1835 года, который вступил в силу после публикации 23 января 1836 года под наименованием «Об определении мулл при мечетях», было санкционировано строительство главной мечети. При этом, обязательным условием являлось наличие в местной мусульманской общине не менее трехсот мужчин. Штат духовенства включал в себя трех человек: хатыба, имама и муэдзина. Пятивременную мечеть можно было возводить, если в приходе насчитывалось 200 мужчин. Для обслуживания такого культового здания требовалось не более двух служителей: одного имама и одного муэдзина[3].

В функции хатыба включено чтение хутбы – праздничной проповеди перед пятничным полуденным, а также праздничными намазами. Имам возглавлял отдельные мусульманские общины, заведовал мечетями и медресе, в качестве духовного главы руководил молитвами, читал проповеди.

В качестве исполнения своих обязанностей, муэдзин должен был созывать верующих на молитвы, приглашать на них имама и объявлять о начале богослужения. Во избежание конфликтных ситуаций, недопонимания между служителями культа, в мечетях, по закону, должно быть «не более одного муллы».

---

[1] Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии/ З.А. Ишмухаметов. - Казань: Тат. книжн. изд-во. С. 35.

[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 111

[3] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1836. Т. X, ч. 2. № 8663. С.1170–1771.

Иерархия и разделение обязанностей между имамами и муэдзинами соблюдалась строго.

Например, 24 декабря 1846 г. муэдзина соборной мечети д. Юмагузино Стерлитамакского уезда Хисматуллу Курмангулова удалили с должности за присвоение несвойственных его званию функций[1].

По мнению И.К. Загидуллина, большую роль в унификации системы мусульманских званий ОМДС сыграл его второй муфтий Габдессалям Габдрахимов (занимал пост в 1825–1840 гг.), который стремился «привязать» приходские духовные звания к мечети, подчинив им звания преподавателей мектебе и медресе, а также стремящийся изменить смысл слова «мулла», чтобы оно не только маркировало духовное звание, но и в целом охватило людей занимавших приходские должности имама, хатиба и др.[2] Впоследствии его замысел был воплощен в циркуляре МВД от 20 января 1891 г., согласно которому, слово «мулла» подразумевает «всех духовных лиц магометанского вероисповедания за исключением высших и низших, а именно: маязинов или азанчеев»[3].

Говоря о нормативных актах первой половины XIX в., касающихся российских мусульман и мусульманского духовенства, можно разделить их на общие и локальные. Первые касались общеимперских вопросов и были «посвящены и задачам региональной организации духовной жизни мусульман Российской империи». Локальные – затрагивали жизнь мусульман отдельных регионов, к которым можно отнести законы о положении военных-мусульман Южного Урала – право башкирским полкам иметь полковых мулл с жалованием, право на совершение мусульманских треб воинским чинам-мусульманам, которые проживали в г. Уфе и др.[4].

---

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 89.

[2] Загидуллин И.К. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века) // Филология и искусство. 2013. №1. С. 185-187.

[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. С. 42.

[4] Сатушиева Л.Х. Процесс правового оформления статуса мусульман в Российской империи в первой половине XIX века и его особенности на Кавказе /Л.Х. Сатушиева/ Юридическая наука. - 2018. - № 2. - С. 91; ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1834. Т. VIII. № 5885. С. 9.

Как отмечалось, Д.Д. Азаматов считает, что мусульманское духовенство, которое получило официальное признание в середине XVIII в., долгое время не имело четко определенных прав и обязанностей, закрепленных на законодательном уровне. Этот процесс начал происходить только после создания Духовного собрания[1].

Примечательно, что мусульманское духовенство, в отличие от православного, на законодательном уровне не составляло отдельного сословия. Права и обязанности каждого служителя исламского культа зависели от их принадлежности к тому или иному сословию, что подтверждалось Указом от 31 августа 1826 г., гласившим, что «духовные чины Оренбургского Магометанского округа подлежат платежу повинностей, смотря по сословию»[2]. Освобождение от налогов и повинностей становилось возможным при условии, что мусульманские общины принимали на себя ответственность за выполнение данных обязательств[3].

Согласно указу, изданному 2 апреля 1834 года, служители мусульманского культа были избавлены от обязанности уплаты почтовых пошлин. Дополнительно, указом от 13 февраля 1837 года, они были освобождены от внесения денежных средств в резервный капитал, который формировался в качестве альтернативы натуральной выплате хлебом[4].

Мусульманское духовенство, находившееся в подчинении Оренбургскому духовному собранию, не получило официального статуса духовного сословия, в отличие от аналогичной ситуации, сложившейся в Крыму. Это было сделано намеренно, чтобы не допустить формирования духовно-корпоративной элиты у представителей отдельных народов, исповедующих ислам, которая стала бы в дальнейшем, по мнению властей, генерировать идеи политического сепаратизма[5].

Во второй половине XIX в. в пределах всей бывшей Оренбургской губернии «мусульманский вопрос» стал актуальным. Особое значение местными властями

---

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. Уфа, 1999. С. 88.
[2] Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. – Оренбург, 2014. С. 83.
[3] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. С. 255.
[4] Амелин В. В. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края/В.В. Амелин, К.А. Моргунов, Д.Н. Денисов. – Оренбург: ИПК "Университет", 2014. С. 83.
[5] Фархшатов М.Н. Мусульманское духовенство. С. 287.

предавалось положению мусульманского духовенства. Так, Н.А. Крыжановский в 1865–1881 гг., являвшийся командующим войсками Оренбургского военного округа и оренбургским генерал-губернатором с 1869 г., которому подчинялись, вошедшие в Оренбургское генерал-губернаторство, Уфимская, Самарская и Оренбургская губернии, Уральская и Тургайская области, предлагая свои проекты в ДДДИИ, делал акцент на регулирование положения мусульманского духовенства[1].

Н.А. Крыжановский считал, что именно мусульманское духовенство является генератором ложных слухов о неблагоприятных действиях правительства против мусульман. С целью ограничения этого влияния им был предложен целый ряд мер, включающих в себя несколько основных блоков.

Ужесточение контроля над деятельностью как самого ОМДС, так и приходского духовенства, вплоть до назначения правительством всех духовных лиц с утверждением каждой кандидатуры гражданскими губернаторами.

Введение обязательного изучения русского языка для лиц, занимающих религиозные должности в мусульманских общинах, а также последующее установление требования об обязательном обучении русскому языку и грамоте в исламских образовательных учреждениях. Это может включать в себя практику представления и разъяснения положений Корана на русском языке[2].

Стоит отметить, у власти и ранее вызывал беспокойство тот факт, что «Магометанское духовное правление… продолжает по-прежнему производить в муллы людей алчных, не сведущих и не знающих русского языка, ни русской грамоты»[3].

Н.А. Крыжановский также предложил сокращение количества мечетей и духовных лиц при них; запрет на открытие новых мусульманских учебных заведений и усиление контроля над уже функционирующими.

---

[1] Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 1. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179. С. 157.
[2] Константинова Н.А. Мусульмане на территории Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX веков.: дис. … кант. ист. наук. Иркутск, 2007. 222 с.
[3] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8 Л. 52.

Поскольку, по мнению автора проекта, мусульманское духовенство края оказывало влияние и на казахов, было предложено ограничить и его. Для этого предлагалось объединить русские школы с казахскими и другими народами, конторолировать движение в хадж, запретить башкирским и татарским муллам принимать к себе на обучение киргизов и т.д. Однако правительство не выполнило своего намерения, посчитав, что это можно отложить до более благоприятного времени, что, скорее всего, связано с опасением появления возможных слухов, брожений среди мусульман империи[1].

Запрещалась губернской жандармерии оказывать какое-либо содействие в различных житейских вопросах Оренбургскому магометанскому духовному собранию, это же распространялось на медресе и мечети[2].

В 1880–1890 гг. правительством Александра III в стране активно проводилась политика русификации, конечной целью которой являлось формирование однородного национального государства. Для решения поставленной задачи властями преследовались как неправославные христианские религии – католики и старообрядцы, так и иные конфессии – буддизм и иудаизм. Важная роль в русификации страны отводилась широкому внедрению в народные массы русского языка, в распространении которого правительство видело значимый инструмент интеграции в российское социокультурное пространство представителей других народов[3].

Приоритетное место в данном процессе отводилось служителям культа неправославных религий, поэтому в пореформенное время для кандидатов на должности духовенства римско-католического, протестантского, армянского и еврейского вероисповеданий было введено требование об окончании специальных курсов на базе русских учебных заведений[4].

---

[1] Сулейманова Ю.Ф. Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии в XIX веке: проблемы взаимоотношений. С. 28-29.
[2] РГИАФ.821.Оп.8. Д 609.
[3] Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 205-206.
[4] Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Изд. 1893 г. // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. ст. 35,38,269,1002,1083.

Исключение составляли мусульманские служители культа, которые пользовались «привилегией необязательного знания русского языка». Несмотря на то, что еще в 1870 г. правительством было заявлено о намерении ввести русский образовательный ценз для кандидатов в муллы в Волго-Уральском регионе, в условиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., оно, опасаясь недовольства мусульманского населения страны, не решалось законодательно оформить его[1].

Для ускорения процесса распространения русского языка власти принимают решение обязать мусульманских священнослужителей знать русскую грамоту. Они осознают, что мусульманское духовенство, которое имеет значительный авторитет и оказывает влияние на своих прихожан, занимается также обучением их детей.

В 1888 г. принимается закон «Об установлении по округу Оренбургского магометанского духовного собрания образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания»[2]. С 1891 года, согласно новому установленному порядку, претенденты на позиции в исламском духовенстве были обязаны демонстрировать знание русского языка посредством успешной сдачи соответствующего экзамена[3].

Указ вызвал настолько сильную негативную реакцию в среде мусульман, которые после его принятия организовали в 1888–1890 гг. массовую петиционную кампанию[4], что правительство решило доработать его. Для этого разрабатывается новый, т.н. «облегчённый», вариант правил, принятый 11 октября 1890 г.[5].

Еще одним фактором, обусловившим стремление царского правительства русифицировать хотя бы часть мусульманского духовенства, стало желание

---

[1] Загидуллин И.К. Русский образовательный ценз для кандидатов на должности мулл: разработка правовых основ нового курса в 1870–1880 годы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2. Ч.1. С. 101-102.
[2] РГИА.Ф.821 ОП.8 Д.1074.
[3] Гафаров, А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.)/А.А. Гафаров. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 279.
[4] РГИА.Ф.821 ОП.8 Д.1075.
[5] Загидуллин И.К. Русский образовательный ценз для кандидатов на должности мулл: разработка правовых основ нового курса в 1870–1880 годы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2. Ч.1. С. 101–103.

региональных властей использовать их в качестве переводчиков для решения местных общественных проблем с крестьянскими мусульманскими общинами[1].

В рамках указа 1890 г., претенденты на духовные должности, получившие образование в любом государственном двухклассном учебном заведении, а также закончившие не менее 4-х классов средней школы, принимались без сдачи экзамена по русскому языку.

Для претендентов на различные должности существовали разные уровни сложности экзаменов по русскому языку. Например, кандидаты на пост ахуна, хатыба или имама в городе, а также будущие военные муллы должны были сдать тест по программе начальной школы. А те, кто желал стать сельским муллой или муллой при Оренбургском казачьем войске, должны были продемонстрировать свои навыки владения государственным языком на уровне общения и письма, предоставив соответствующий документ[2]. Выпущенным позднее дополнительно циркуляром от 30 января 1891 г. было объявлено, что мусульмане, пожелавшие стать муэдзинами, не подлежали испытанию на знание русского языка, как это было установлено для мулл[3].

Регламент проведения экзаменов и процедура выдачи сертификатов, подтверждающих владение русским языком, были определены в соответствии с правилами Министерства народного просвещения от 30 декабря 1890 г.[4].

Испытания проводились в Уфе, Белебее, Бирске, Златоусте, Мензелинске или Стерлитамаке, где в определенные дни собиралась специальная комиссия для приема экзаменов у претендентов с того или иного уезда. В ее состав входил руководитель образовательного учреждения, определенного местом сдачи экзамена, и два учителя, один из которых был преподавателем русского языка.

---

[1] Загидуллин И.К. История одного эксперимента: русский образовательный ценз для кандидатов в муллы в Самарской губернии в 1872–1886 годах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17. №3. С. 61.

[2] Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. - Казань, Типолитография Имп. Унта, 1902. С. 17–18.

[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1836–1903 гг. - Уфа, Оренбург. магометан. духовн. собр., 1905. С. 12.

[4] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С. 177 – 178; Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. - Казань, Типолитография Имп. Унта, 1902. С. 18-20.

Глава образовательного учреждения рассматривал прошения претендентов, достигших двадцатиоднолетнего возраста, составленные собственноручно на русском языке. Вместе с заявлением предоставлялись документы, подтверждающие личность, возраст, звание или статус заявителя, включая удостоверение личности, выданное полицией, и две фотографии. При наличии – диплом об образовании.

После экзаменов (письменного и устного), в случае положительного исхода, выдавалось свидетельство за подписью всех членов комиссии с приложением печати образовательного учреждения. Стоит отметить, что экзаменаторы ответственно подходили к сдаче экзаменов и иногда отказывались утвердить претендентов[1].

Не всех служителей культа устраивал указанный порядок избрания. С теми священнослужителями, кто не соглашался на прохождение официальной процедуры назначения на должности (в ОМДС их называли «простолюдины»), предлагалось проводить собеседование с целью убедить отказаться «от самовластия». Если и после профилактических бесед «простолюдины» не соглашались отойти от своих убеждений, в качестве мер борьбы следовало запретить им исполнять духовные обязанности, а в случаях неподчинения – предавать суду[2].

Однако, опасаясь волнений и недовольства мусульман, правительство передало ОМДС право самому определять виды и меры наказаний для священнослужителей. За нарушения непосредственно религиозных обязанностей, которые исполняло приходское духовенство, к ним применялись такие виды дисциплинарных взысканий, как наложение покаяния, временное (сроком до 1 года) отстранение от должности и крайняя мера – увольнение.

Покаяние (тауба) накладывалось в случае, если наказываемый отступал от религиозных догматов, культовой практики либо нравственных предписаний

---

[1] Денисов Д.Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века) // Вестник ОГУ. 2012а. № 5 (141). С. 142,144,146-147.

[2] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С. 176 – 177.

ислама. В присутствии ОМДС тот явно демонстрировал осознание глубины своего проступка и высказывал искренние каяния, предоставляя заверенное в письменной форме обязательство о недопущении каких-либо дальнейших действий, противоречащих нормам шариата.

За более тяжкие деяния назначалось удаление от занимаемой должности на срок до 1 года, в течение которого наказуемый должен был осознать вину за содеянное и исправиться. Этот штраф был нацелен не только на наказание в денежном аспекте, но и на ущемление профессиональных возможностей служителя культа за счет лишения его духовного звания на определенный период. Стоит отметить, что это взыскание имело и моральное значение. Увольнение применялось в крайнем случае, когда служитель культа искажал религиозные догматы ислама, либо регулярно игнорировал исполнение обязанностей по духовной должности, прямых распоряжений и поручений ОМДС. Также представителя духовенства могли уволить за поведение, порочащее служителя культа (пьянство, воровство и др.)[1].

Что касается проступков и преступлений, которые не были связаны с духовными функциями приходского духовенства, оно подлежало светскому суду по российскому законодательству уголовного судопроизводства[2]. Это было связано с особенностями положения ОМДС, которое подчинялось в течение длительного периода времени Департаменту духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел[3].

В результате, в административном отношении приходское духовенство подчинялось ОМДС и в случае «нарушения обязанностей своего духовного звания… оно подлежало суду и взысканию своего духовного начальства»[4], которое могло принять решение отстранить от должности провинившегося. Однако, все

[1] Денисов Д.Н. Ответственность мусульманского духовенства в законодательстве и практике Российской империи/Д.Н. Денисов/Ислам в мультикультурном мире. -2012. - №1. С. 461 – 462.
[2] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001, С. 206.
[3] Корчагин С. А. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган аккультурации исламского населения Российской империи в конце XVIII века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 2 (23). С. 143.
[4] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М., 2001, С. 90.

принятые Духовным собранием подобные решения приводились в исполнение через Губернское правление, хотя последнее и не имело полномочий их отменить[1].

Соответственно, инициирование уголовного преследования и передача дела в суд в отношении духовных лиц мусульманской веры находились в компетенции Губернского правления. Этот орган власти осуществлял контроль над назначением и освобождением от должности религиозных служителей, наделяя его полномочиями в вопросах юридической ответственности[2].

Будучи государственным учреждением, ОМДС было ограничено российским законодательством в своих административно-организационных и управленческих функциях. Вследствие этого, многие постановления, которые оно принимало в форме фетвы, носили рекомендательный характер, а не являлись обязательными к исполнению указаниями. Однако, невзирая на это, органы власти неукоснительно контролировали, чтобы принятые муфтиятом решения соответствовали требованиям российского законодательства[3].

Во второй половине XIX – начале XX вв. деятельность и служба приходского мусульманского духовенства не имели каких-либо ограничений, предусмотренных законом. Традиционно, священнослужители с момента их избрания и до самой смерти исполняли свои обязанности, и прекращали их раньше только в случае серьезной болезни или если община по тем или иным причинам принимала решение отстранить муллу от должности. Также отсутствовали ограничения и по возрасту[4].

Тем не менее, 14 февраля 1855 г. на основании представления министра внутренних дел в Российской империи законодательно была установлена более

---

[1] Там же. С. 206–207.

[2] Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: монография / А. В. Кобзев Духовное упр. мусульман Нижегородской обл., Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. - Нижний Новгород: Медина, 2007. С. 72.

[3] Гарипов Н.К. Политика российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 146.

[4] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С. 177; Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. - Казань, Типолитография Имп. Унта, 1902. С. 18-20.

высокая возрастная планка: для хатыбов и имамов минимальный возраст составлял 22 года, а для муэдзинов – 21 год[1].

Данное положение противоречило нормам шариата, по которым имамом мог быть любой мужчина по достижении половой зрелости (15 лет). Что касается муэдзина, который призывал верующих к молитве, то им мог быть и несовершеннолетий подросток, при условии, что он способен отличать добро и зло, ошибочное от правильного. Поэтому полицейские органы стали периодически проверять возраст кандидатов на духовные должности, используя материалы ревизских сказок, семейные списки, а также метрические свидетельства о рождении, отказывая в случае несоответствия претендентам[2]. После военной реформы 1874 г., когда были заложены основы массовой всесословной армии[3], полицейские органы стали использовать сведения об исполнении воинской повинности[4].

Мусульманские служители не имели установленного предельного возраста для исполнения своих обязанностей, и это зависело от решения как самого духовного лица, так и членов общины. Часто муллы и другие духовные лидеры оставались на своих должностях до самой смерти, передавая свои обязанности сыну или другому родственнику, выбираемому приходом[5].

Ко второй половине XIX в. порядок избрания и утверждения представителей мусульманского духовенства на большей части Российской империи, в том числе и на территории Уфимской губернии, был регламентирован. Поскольку государственное законодательство учитывало некоторые важные для мусульман нормы шариата, местные обычаи и традиции, мусульманское население само продолжало выбирать новых или переизбирать старых духовных наставников.

---

[1] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1856. Т. XXX. Отд. 1. № 29040. С. 220.

[2] Денисов Д.Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века) // Вестник ОГУ. 2012а. № 5 (141). С. 142, 144.

[3] Баяндин В. И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 1 8– 21.

[4] Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: монография / А. В. Кобзев Духовное упр. мусульман Нижегородской обл., Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. - Нижний Новгород: Медина, 2007. С. 75.

[5] Аминев Р. Жизнь мулл в Российской Империи: особые награды и служба до смерти // УММА. 2023. № 02 (241). С. 14.

Согласно документу «О управлении духовенства», принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания, кандидаты на духовные посты обязаны были получить поддержку в виде двух третей голосов от старейшин семей, составляющих мусульманскую общину, выбиравшую их. Участие в голосовании было ограничено только членами общины. Молодые члены семей, такие как сыновья, младшие братья или племянники главы семейства, проживающие совместно с родителями, не могли реализовать свое право голоса[1].

Документ о результатах голосования подлежал обязательному подписанию всеми участниками избирательного процесса, заверялся в администрации волости и передавался в земский суд через главу волости, после чего направлялся в губернское правление, выносившее окончательный вердикт, и которое следило, чтобы избираемые в муллы или имамы явились надежными и лояльными к правительству людьми, а также отслеживало, чтобы претенденты сдали экзамен в Духовном собрании и были признаны достойными стороны последнего[2].

Претендент на роль духовного наставника в определенной общине обязывался не только получить протокол, одобряющий его кандидатуру, но и предоставить свидетельство о прохождении экзамена по теории и практике ислама из ОМДС. По результатам экзамена ему присваивали то или иное духовное звание. В то же время оценивалась и педагогическая компетентность соискателя, по итогам которой он мог быть мударрисом или мугаллимом.

Губернское правление – как конечная инстанция, которая утверждала кандидатов на духовные посты, подтверждая назначение именным императорским указом, оценивало прежде всего их политическую благонадежность[3].

Выводы по параграфу. На протяжении всей истории развития мусульманского духовенства с момента вхождения Урало-Поволжского региона в состав Российского государства и до прихода большевиков к власти в 1917 г., официально отделивших церковь от государства, его правовое положение не было

---

[1] Константинова Н.А. Мусульмане на территории Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX веков.: дис. … кант. ист. наук. Иркутск, 2007. 222 с.
[2] Свод законов Российской Империи. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. 11. Ч. 1. – С. 223–228.
[3] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. С. 6.

единым и неизменным, и регулировалось многочисленными нормативно-правовыми актами.

До середины XVIII в. государство не уделяло особого внимания мусульманскому духовенству, решая вопросы взаимоотношений в правовом пространстве прежде всего с представителями православной церкви и других христианских церквей. Во второй половине XVIII в. в стране происходит достаточно резкое изменение в государственно-религиозной политике по отношению ко всем конфессиям, в целом, и ислама, в частности.

В 1788 г. было основано Оренбургское магометанское духовное собрание, что стало важным событием для признания ислама в качестве терпимой религии, которую можно было исповедовать в Российской империи. Это положило начало постепенному включению мусульманского духовенства в административную систему Российской империи, к законодательной регламентации его прав, обязанностей и ответственности.

В дальнейшем, юридическое регулирование положения и деятельности представителей духовенства у мусульман нашло отражение в нормативно-правовых актах, как общероссийского масштаба, так и в рамках региональных губернских правлений. К началу XX века правительство установило строгие правила для претендентов на позиции мусульманского духовенства, а также определило процедуру их назначения. Для этого были введены возрастные и образовательные критерии, обязательный экзамен по русскому языку и ограничения политического толка[1]. В свою очередь, исламское духовенство получило от правительства ряд преимуществ, включая освобождение от воинской обязанности, физических наказаний, налоговых выплат и других повинностей. Это содействовало формированию духовенства как отдельной привилегированной профессиональной группы, чьи члены отличались от остального населения. Они не имели официального статуса духовных лидеров несмотря на то, что были избраны на высокие должности, и оставались в исходном социальном положении.

[1] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С. 176–177.

2.2 Положение мусульманского духовенства в социальной структуре Уфимского губернского общества в 1865–1917 гг.

Как уже отмечалось, представители исламского духовенства официально не были причислены к духовному сословию, однако во многих материалах учета и статистики Уфимской губернии изучаемого периода, они относились к указанной социальной категории населения. В 1867 году, помимо прочего, Н.А. Крыжановский, занимавший пост генерал-губернатора Оренбургской губернии, писал: «Установившийся порядок избрания указных мулл привел к тому, что магометанское духовенство составило как бы замкнутое сословие со своими исключительными интересами и сильною взаимною поддержкою…»[1].

Изучение статуса служителей ислама в контексте общественной организации населения данной территории позволяет рассмотреть его как обособленную социальную группу. Данный подход предоставляет возможность проследить эволюцию этой группы в социальной иерархии Уфимской губернии, начиная с 1865 году и вплоть до начала XX века.

Проводившиеся во второй половине XIX в. в Российской империи Великие Реформы во многом предопределили становление и развитие здесь капиталистических отношений, которые оказали большое влияние на изменение правового статуса жителей страны. События начала XX в. также повлияли на выравнивание положения сословий, социальных групп и классов в государстве. Несмотря на это, в России вплоть до 1917 г. сохранялись особенные права и преимущества разных сословных групп, а также продолжали действовать правовые нормы дискриминационного характера по половому, этническому и другим признакам[2].

---

[1] Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: монография / А. В. Кобзев Духовное упр. мусульман Нижегородской обл., Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. - Нижний Новгород: Медина, 2007. С. 80-81.

[2] Горбунова (Коршунова) И.В. Особенности правового положения сословий Российской Империи на рубеже XIX-XX веков // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 141.

Российское законодательство до конца имперского периода продолжало делить своих граждан на четыре основных сословия – дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьянство, которые находились в неравном положении по отношению друг к другу[1].

Особое место среди всех сословий отводилось духовенству, представленному служителями разных конфессий и культов. Несмотря на свою малочисленность (относительно основной массы населения), в изучаемый период времени оно занимало важное место в повседневной, общественно-политической и культурной жизни страны. Духовенство играло существенную роль в общественной организации, демонстрируя собственную динамику развития. Оно функционировало в рамках, определяемых религиозными, экономическими и юридическими нормами.

В структуре взаимодействия между государством и религией Российской империи XIX в. существовала правовая градация конфессий на четыре ступени. На вершине располагалась Русская православная церковь, официальный государственный статус которой был определен на законодательном уровне. Вторую ступень занимали «признанные терпимые исповедания», к которым, помимо христианских религий и направлений – протестантская, католическая, армяно-григорианская и др. церкви, относились нехристианские конфессии – ислам, буддизм и др. На следующей – третьей ступени расположились «терпимые непризнанные» религиозные направления – раскольники (старообрядцы), некоторые секты, и в самом низу, на четвертом уровне находились «изуверные» секты (скопцы)[2].

Соответственно, духовенство Российской империи, подразделявшееся на православное, инославное (римско-католическое, протестантское, армяно-григорианское), нехристианских вероисповеданий – магометанское и иудейское и т.д., имело свои особенности в правах, обязанностях, положении и т.д.

---

[1] Титова А.А. Сословная и профессиональная структура городского населения Курской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. 2013: Выпуск 25, №. 1 (144) /2013. С. 109.

[2] Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII - начале XX в./Ф.М. Кулиев/Известия СОИГСИ: Научный журнал. - 2015. - №15 (54). С. 18-20.

Своего рода особенностью, отмеченной ранее, является отсутствие у мусульманских священнослужителей статуса отдельного сословия. Перед избранием на свою должность, каждому представителю мусульманского духовенства гражданские права и обязанности навязывались его рангом, в котором он находился.

По мере интеграции в административную систему Российской империи, они получали от государства некоторые преференции и привилегии, которые в целом способствовали постепенному обособлению от других членов общества, формируя особую группу со своим уникальным набором прав и обязанностей[1].

В результате данных процессов, по мнению исследователей, ко второй половине XIX в. законодательство признавало духовенство Оренбургского, Таврического и Закавказского округов как сословие, придав его конфессиональной организации характер органа государственного управления[2]. В итоге, по образному выражению Рыбакова С.Г. «русский закон оформил мусульманское духовенство в качестве сословия мулл, с правами и обязанностями; установления, чуждые мусульманскому миру, не предусмотренные мусульманским правом (шариатом)»[3].

В Уфимской губернии духовенство являлось отражением ее многонационального и поликонфессионального населения, где на протяжении всего изучаемого периода было представлено, в основном, священнослужителями православного, католического и лютеранского, а также мусульманского толка, последние из которых занимали особое место.

Положение исламских служителей культа в социальной структуре уфимского губернского общества в изучаемый период времени определялось, с одной стороны, общественным устройством Российской империи и проводимой государственной политикой самодержавия в отношении мусульманского

---

[1] Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 117.

[2] Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. - 1917 г.) / Е. И. Воробьева. Исторический ежегодник. 1997. С.45.

[3] Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / С.Г. Рыбаков. — Петроград: тип. С. Самойлова, 1917. 55 с.

населения в целом, а с другой, особенностями исторического и этнокультурного развития самого региона и института духовенства в нем.

Говоря о положении мусульманского духовенства в социальной структуре Уфимского губернского общества, нельзя обойти вопрос формирования и совершенствования общественного устройства дореволюционной России в целом.

Как известно, особенностью развития российского государства в прошлом было деление всего населения страны на особые группы – сословия, которые распределялись на податные (плативщие подушную подать – крестьяне и мещане) и неподатные (не плативщие подати – дворянство и духовенство), каждое из которых, в свою очередь, подразделялось на более мелкие группы и слои. Организационная сущность каждого сословия определялась двумя аспектами: наследственным и личным, которые укреплялись законодательством или традициями. В соответствии с наследственным критерием, принадлежность к сословию закладывалась при рождении, в то время как личный аспект формировал сословие из лиц, объединенных тем или иным видом деятельности[1].

Различия между ними, помимо уплаты налогов, заключались в наличие прав на участие в государственном управлении, на государственную службу и чинопроизводство, права по суду и отбыванию наказания, правах на собственность и торгово-промышленную деятельность, на самоуправление и даже правах на получение образования и т.д.[2].

Из всех основных четырех сословий меньшими правами наделялись сельские и городские обыватели, хотя у последних они были немного шире. Духовенство имело ряд привилегий, а дворянство обладало наиболее обширными правами и обязанностями во всех сферах общественной жизни[3].

Оформление сословий в России проходило непосредственно под действием целенаправленной политики государства, которое на законодательном уровне

---

[1] Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Вып. 5. Курск: КГУ, 2012 Режим доступа: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2582/ (Дата обращения 21.02.2024)

[2] Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1 (27). С. 18.

[3] Мамедов К.Н. Права подданных в различные периоды существования российского абсолютизма // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 11.

оказывало влияние на общественные отношения, способствуя обособлению отдельных категорий общества.

Относительно времени появления сословий в России нет единой точки зрения. По мнению Ю.В. Глазова, при всем разнообразии мнений исследователей, их можно объединить в три основные группы.

Первая включает, в основном, представителей «государственной школы». Так, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.М. Коркунов указывали, что в России сословия возникли в XVIII в:

Вторая, к которой относятся, по большей части, советские ученые-исследователи (С.И. Сметанин и др.), отмечают, что сословия, являясь составной и неотъемлемой частью феодальной формации, существовали в течении IX–XIX вв..

Третья точка зрения консолидирует авторов (Г. Фриз и др.), которые, ссылаясь на принятый в середине XIX в. Свод законов Российской империи, окончательно закрепивший за сословиями их права и обязанности, соотносят их формирование с этим событием[1].

Так или иначе, корни сословий уходят в глубь веков, к моменту объединения русских земель вокруг Москвы и создания централизованного государственного аппарата, новой структуры власти в Московском государстве, сопровождавшееся закрепощением крестьянства и усилением сословной дифференциации[2].

В XV–XVI вв. сословия на Руси были сравнительно многочисленны, отличаясь друг от друга слабо развитой корпоративной организацией и не слишком четкими разграничениями в правах, и состояли из пяти основных групп, которые имели свои разветвления. К привилегированным относились: феодальная верхушка – князья, бояре и дворяне, а также духовенство черное (монахи) и белое (священники и диаконы). К податному населению причислялись посадские люди

[1] Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Вып. 5. Курск: КГУ, 2012 Режим доступа: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2582/ (Дата обращения 21.02.2024)
[2] Исаев М.А. История Российского государства и права. М.: Статут, 2012. С. 60,63.

(купцы и ремесленники) и крестьяне (черносошные, владельческие, дворцовые, казаки)[1].

В XVII в. сословная структура общества стала юридически закрепленной Соборным уложением и выглядела следующим образом: служилые люди по отечеству (бояре, окольничие, думные дьяки, дворяне, дети боярские); служилые люди по прибору (стрельцы, казаки, пушкари и т.д.); духовенство; торговые люди (купцы); посадские люди; стрельцы; служилые иноземцы; казаки[2]; крестьяне (государственные, поместно-вотчинные, церковные); холопы[3].

В данном правовом документе впервые зафиксированы не только обязанности тех или иных сословных групп, как это уже было ранее, но и их права. Ограничение социальной мобильности и наследственный характер принадлежности к сословию, стали основными факторами, способствовавшими их формированию. В конце XVIII в. наступает новый этап юридического оформления рангов, связанный с принятием жалованных грамот дворянству и городам, по которым, за первыми, закрепили их привилегии, а вторым - юридически подтвердили статус единого городского сословия. Помимо установления прав и обязанностей, указанные акты также регулировали формы корпоративного взаимодействия, учреждали сословные суды и органы их самоуправления[4].

Первая четверть XVIII в. характеризуется существенными трансформациями в делении общества, приобретающем четко выраженную форму и законодательную регламентацию. Петровские реформы привели к исчезновению одних, консолидации других и появлению новых, способствовали формированию

---

[1] Меркушова Е.С. К вопросу о правовом положении сословий в Московском государстве (XV–XVI вв.) // Наука молодых - будущее России. сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2022. С. 191–193.

[2] Лекции и исследования по древней истории русского права/ [соч.] В. Сергеевича. - 4-е изд., доп. и поправлено. - С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.- VIII, 667 с.

[3] Маландин В.В. Социальная структура российского общества и духовное сословие в XVII веке // Историческая наука и Российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей. Памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. М., 2008. С. 282–292.

[4] Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII - первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч-ных статей. Вып. 5. Курск: Курский государственный университет, 2012. С. 13-23.

сословно - корпоративных организаций и учреждений, укреплению межсословных перегородок и т.д.[1].

Заданный во времена правления Петра I импульс, получил дальнейшее развитие и при его приемниках в эпоху дворцовых переворотов. За 37 лет были приняты законы, направленные, в основном, на увеличение привилегий дворянства и ухудшение положения крестьян, в то же время шло дальнейшее укрепление сословных границ[2].

Эпоха Екатерины II ознаменовалась проведением реформ в различных областях жизни российского общества второй половины XVIII в. В деле модернизации империи особое значение приобрело реформирование социальной структуры общества: центральным пунктом ее политической программы являлось создание прослоек с определенными правами и обязанностями, свойственными тому или иному «состоянию»[3].

В первой половине XIX века социальная организация российского общества была повторно и более юридически закреплена как строго иерархическая система в девятом томе («Законы о состояниях») Свода законов Российской империи. Этот свод, обнародованный в 1832 году и вступивший в действие в 1835 году, четко определил четыре основных класса населения: дворянство, духовенство, городских жителей и сельских жителей[4]. Однако с этого момента начался и процесс демонтажа сословной структуры общества, и сословные различия больше не находят отражения в законодательстве[5].

В период правления Александра II были проведены масштабные преобразования, известные как «Великие реформы», начало которым положила

---

[1] Камнева Г.П., Сотников С.А., Сотников А.А. Государственный строй эпохи Петра I (сословная реформа) // Забайкалье в эпоху петровских преобразований. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2023. С. 27–37.

[2] Харитонова Н. Г. История России. Дворцовые перевороты: к характеристике эпохи. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 49–51.

[3] Ибнеева Г.В. Екатерина II и городские сословия: опыт политического взаимодействия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 176.

[4] Лавицкая, М.И., Мельников, А.В. Политико-правовые основы формирования элиты российского общества XVIII – начала XX веков // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1 (37). С. 158.

[5] Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII - первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч-ных статей. Вып. 5. Курск: Курский государственный университет, 2012. С. 13-23.

Крестьянская реформа 1861 года. Эти преобразования оказали глубокое влияние на патриархальное устройство российского общества, затронув различные сферы жизни: уголовную, судебную, военную, образовательную, а также городскую и другие области. Во многом, под влиянием этих изменений правовой статус российских подданных начал нивелироваться, поскольку сословные права стали дополняться универсальными правами и некоторыми свободами[1].

В период с середины XIX до начала XX столетия в Российской Империи наблюдался постепенный переход от сословной организации государства и права к индивидуально-гражданской модели. Автократические институты, характерные для самодержавия, начали интегрироваться с элементами народного представительства[2].

Для каждой ступени эволюции российского социума можно выделить определенное доминирующее событие, которое оказывает значимое влияние на изменение прослоек общества, обусловливая его структурацию. В рамках изучаемого периода таким фактором стала отмена крепостного права в 1861 г., в результате чего происходит увеличение рабочего класса, социальные изменения в деревне, массовые организованные миграции крестьянского населения[3].

По мнению К.Н. Мамедова, деление на сословные группы больше характерно для центральных регионов государства, среди так называемых «природных» подданных, а не для ее окраин, где жили, в основном, инородцы, то есть те, кто вошел в состав Российской империи на договорных условиях или был присоединен насильно. Для них установили особое законодательство, регулирующее их правовой статус, которое исходило из предположения, что уровень их гражданского развития был весьма низким[4].

---

[1] Дружинина А.В. Правовое положение российских подданных в середине XIX века //Государство и право в XXI веке. 2015. № 1. С. 9-13.

[2] Дружинина А.В. Некоторые аспекты становления и развития индивидуально-гражданского типа права и государства в России // Государство и право в XXI веке. 2015. № 2. С. 12-16.

[3] Беляева Л. А. Структурация российского общества в XIX–начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)// Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 14–36. DOI:10.19181/vis.2020.11.2.639 С. 16.

[4] Мамедов К.Н. Права подданных в различные периоды существования российского абсолютизма // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 11.

На территории Уфимской губернии сословные группы во многом сформировались в результате самовольного и принудительного переселения в течение XVI – XIX вв. дворян, представителей православного духовенства, посадских жителей, помещичьих, дворцовых, монастырских, ясачных и государственных крестьян, бобылей и т.д.[1]. Также на социальную структуру Уфимской губернии оказало влияние, сначала формирование, а затем упразднение Башкиро-мещерякского войска, существовавшего на с 1798 г. по 1865 г., когда башкиры и мещеряки относились к военно-казачьему сословию[2].

Согласно «Положению о башкирах» от 14 мая 1863 г., утвержденному Александром I, «инородцы, известные под названием башкир, мещеряков, тептярей и бобылей», в большинстве своем являющиеся мусульманами, «получили гражданское устройство»[3], переводились из военно-казачьего сословия в гражданское. 2 июля 1865 г. по закону «О передаче управления башкирами из военного управления в гражданское ведомство», кантональная система управления упразднялась, а Башкиро-Мещерякское войско распускалось[4].

Уфимская губерния, в состав которой входило шесть уездов –Белебеевский, Златоустовский, Стерлитамакский, Мензелинский, Бирский и Уфимский, а также шесть городов Белебей, Бирск, Златоуст, Мензелинск, Стерлитамак и Уфа, являлась одной из многонациональных и поликонфессиональных в стране. В результате, общество Уфимской губернии второй половины XIX – начала XX вв., в целом, представляло собой достаточно сложное объединение с разными этническими и социальными слоями и группами, между которыми зачастую отсутствовали четкая дифференциация и границы. В то же время, здесь были особые этно-сословные и этно-конфессиональные группы.

В результате, в период с середины XIX до начала XX века структура общества в пределах Уфимской губернии характеризовалась определенными

---

[1] Усманов Х.Ф. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. / Х.Ф. Усманов. - Уфа: Китап, 1996. С. 185–187.

[2] Каминский Ф.А. Башкиро-мещерякское войско в конце XVIII - 60-х годах XIX века. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 20. С. 32–39.

[3] Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 года. 2020. № 10. Т. 2. С. 133.

[4] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. С. 204.

социальными слоями населения, представляя традиционный набор сословий – дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьянство, дополненный группами, зачастую не фиксированными в других регионах – «магометанское духовенство», входящее в группу лиц «духовного звания».

Стоит отметить, что жестких границ между сословиями в регионе не существовало, их представители могли переходить из одного в другое: с помощью службы, награды, образования, успешного ведения какого-либо дела. Так, в 1870-х гг. башкиры Ишбердин Хасан, Ишметев Абдулбасыр и Усманов Габидулла ходатайствовали о причислении их к личному почетному гражданству[1]. Примечательно, что последний из указанных был муллой.

При этом, на протяжении всего изучаемого периода Уфимская губерния продолжала оставаться поликонфессиональным регионом, население которой исповедовало разные религии. Рассмотрим положение мусульманского духовенства в социальной структуре региона в разные годы второй половины XIX – начала XX вв.

В течение 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две - Оренбургскую и Уфимскую, «инородцы, известные под именем башкир, переведены из военного в гражданское ведомство, их отдельное управление, как центральное, так и кантонные, упразднены, и башкиры окончательно переданы в ведение общих мировых учреждений»[2].

На момент образования Уфимской губернии в 1865 г., общее число населения составляло 1291018 чел., в том числе 51444 чел. городских и 1239574 сельских жителя. Население было достаточно неравномерно расселено по уездам с их городскими центрами: Уфимский – 201225 чел., Белебеевский – 251318, Бирский – 295427, Златоустовский – 105202, Мензелинский – 255662 и Стерлитамакский – 182184.

Губерния принадлежала к одной из наиболее населенных в России, однако была слабо урбанизированной, где горожане составляли почти 4 % от общего числа

[1] РГИА Ф.1343 Оп. 39 Д. 1814 Л. 1–2, 1815 Л. 1–3, 1881 Л. 1–2, 4986 Л. 1–5.
[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8. Л. 1.

населения. Крупнейшими городами являлись: губернский центр Уфа – 19950 чел., Златоуст – 15055 чел. и Стерлитамак –5873 чел.[1].

Самыми многочисленными – 1203319 чел. (93,2% всего населения (округленно)) являлись представители сельских сословий – крестьяне казенные, бывшие удельные, крепостные и заводские, к ним же относили и башкир, численность которых составляла 679168 чел. (52%). Далее шли военные, куда входили представители регулярного и иррегулярного войска, бессрочно и временно отпускные, отставные с женами и детьми – 28490 (2,2%); городские сословия – почетные граждане, купцы и мещане – 26577 чел. (2,0%); духовенство – 15043 чел. (1,2%); дворяне потомственные и личные – 11783 чел. (0,9%); прочих сословных групп и иностранных подданных – 5271 чел. и 535 чел. соответственно (0,5%).

Духовенство, численность которого в совокупности достигала 15043 человек, в свою очередь, включало в себя 2709 чел. православных священников и членов их семей (18,0% всех священнослужителей), 28 чел. католических и лютеранских священников с семьями (0,2%) и 12306 чел. служителей мусульманского культа и членов их семей (81,8%)[2]. Если брать отдельно мусульманское духовенство, то оно составляло 0,95% всего населения губернии и около 1,7% всех мусульман губернии.

В 1874 г. количество населения в Уфимской губернии увеличилось и насчитывало1498182 человек. Что касается численности и процентного соотношения сословных групп в регионе, то здесь наблюдались незначительные изменения.

Представители сельских сословий составляли – 1390419 чел. (92,8% всего населения), военного – 38253 чел. (2,5%), городские – 33048 чел. (2,2%), духовенство – 18125 чел. (1,2%), дворяне – 12551 чел. (0,8%), прочих групп и иностранных подданных – 5224 чел. и 458 чел. соответственно (0,4%).

---

[1] Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877.Уфа: Китап, 2002. С. 82.
[2] Там же. С. 88.

Духовенство, численность которого в совокупности доходило до 18125 чел., в свою очередь, включало в себя 3279 чел. православных священников и членов их семей (18,0% всех священнослужителей), 68 чел. единоверческих (0,4%), 22 чел. католических и лютеранских священников с семьями (0,1%) и 14756 чел. служителей мусульманского культа и членов их семей (81,4%). Если брать отдельно мусульманское духовенство, то оно включало около 0,98% всего населения губернии[1].

В 1883 г. соотношение представителей основных сословий Уфимской губернии, где было зафиксировано 1771988 чел., не претерпело значительных изменений.

Доля сельского населения несколько снизилась – 1627845 чел. (91,8%), а городских и военных напротив, увеличилась – 41152 чел. (2,3%) и 62441 чел. (3,5%) соответственно. В то же время, небольшое снижение в общей социальной структуре наблюдалось среди духовенства – 20308 чел. (1,1%). Что касается дворянства, то оно оставалось примерно тем же – 13533 чел. (0,8%). Похожая ситуация фиксировалась и среди прочих сословных групп и иностранных подданных – 6709 чел. (0,4%).

Касаемо духовенства, число которого в совокупности указывалось как 20308 чел., подавляющее большинство которого продолжали составлять служители исламского культа и члены их семей – 16635 чел. (81,9% всех священнослужителей и 0,93% всего населения губернии). Далее шли православные священники со своими семьями – 3606 чел. (17,7%), 52 чел. – единоверческие (0,25%), 15 чел. – католических и лютеранских священников с семьями (0,1%). Отдельно мусульманское духовенство, насчитывало около 1% всего населения губернии[2].

К 1894 г. население Уфимской губернии выросло до 2122214 человек. Что касается социальной структуры, то здесь произошли достаточно значимые

[1] Уфимский календарь на 1876 год (високосный). Уфа. Вып. 1. Печатня Н. Блохина, 1875. С. 20-21.
[2] Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. - Уфа; Печатня Н. Блохина, 1883. С. 59–60.

изменения, связанные с теми переменами, которые имели место во второй половине XIX в. в крае[1].

Поступательный процесс капиталистического развития в регионе, благоприятно способствовал укреплению городов и сопровождался ростом городской промышленности, численности городских рабочих и т.д. В период с 1868 по 1895 годы в Уфимской губернии наблюдался значительный рост обрабатывающей промышленности. Количество городских предприятий возросло с 57 до 72, что демонстрирует шестикратное увеличение (в 6,2 раза). Одновременно с ростом числа предприятий значительно увеличилось и количество рабочих. Если в 1868 году на городских предприятиях обрабатывающей промышленности работало 230 человек, то к 1895 году их число возросло до 1127. Таким образом, в течение указанного периода наблюдался существенный прогресс в развитии городской промышленности Уфимской губернии, характеризующийся ростом как числа предприятий, так и занятости населения в данной отрасли. В 1900 г. на 33 промышленных предприятиях только губернского центра Уфы трудилось 1242 рабочих, а в железнодорожных мастерских – 1304 чел.[2]

К концу XIX в. достаточно ощутимо в процентном соотношении снизилась доля представителей сельских сословий – 1901680 чел. (89,6%), зато возросла городских – 54300 чел. (2,5%) и военных – 120449 чел. (5,6%) сословий. Также уменьшилось число дворян –14625 чел. (0,7%), духовенства – 24577 чел. (1,1%) и число других сословных групп и иностранных подданных – 7583 чел. (0,3%)[3].

Прежде чем рассматривать структуру духовенства по конфессиональной принадлежности, стоит отметить следующее. К рубежу XIX–XX вв. население Уфимской губернии также оставалось многонациональным и поликонфессиональным. Из 2122214 чел. всего населения православных было 911033 чел. (42,9%), единоверцев 4450 чел. (0,2%), раскольников 22249 чел. (1,0%),

[1] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895. Уфа: тип. губ. правл., 1894. С. 55.
[2] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 1. С. 426–427.
[3] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. С. 55.

католиков 1086 чел. (0,05%), лютеран 734 чел. (0,03%), мусульман 1081755 чел. (50,9%), евреев 720 чел. (0,03%) и язычников 100187 чел. (4,7%)[1].

Из 24577 чел. священнослужителей Уфимской губернии наибольший процент принадлежал мусульманскому духовенству и членам их семей – 19968 чел. (81,2% всех священнослужителей), которые составляли 0,94% населения губернии и около 1,8% всех мусульман. На втором месте располагались семейства православных священнослужителей – 4526 чел. (18,4%), на третьем единоверческое духовенство – 71 чел. (0,3%) и на четвертом римско-католическое и лютеранское духовенство – 12 чел. (0,04%).[2]

Стоит отметить, несмотря на то, что в региональной статистике мусульманские священнослужители учитывались как отдельное сословие, в рамках Российской империи они продолжали состоять в тех группах из которых происходили. Вопросы, касающиеся регистрации служителей мусульманского культа в переписных листах, регламентировались установленными правилами и инструкциями, разработанными для переписи 1897 года. В соответствии с этими нормами, в переписные листы вносились сведения о лицах, официально признанных духовными лидерами мусульманской общины. В соответствующей графе указывалась «тем сословием, к которому они принадлежат по рождению (башкир, крестьянин, дворянин и т.д.)»[3]. В результате, по переписи 1897 г. сословный состав Уфимской губернии выглядел следующим образом: дворяне потомственные и личные – 15822 (0,7%), лица духовного звания – 4426 (0,2%), купцы – 1876 (0,1%), мещане– 87715 (3,9%), крестьяне 2081284 – (94,7%), иностранные подданные – 341 (0,02) и прочие сословия – 5178 (0,2%)[4].

В начале XX в. в Уфимской губернии, несмотря на периодически возникающие экономические кризисы, продолжается развитие промышленности, значительное место в которой занимали предприятия фабрично-заводского типа. В регионе насчитывалось до 1 800 кузнечных, кузнечно-слесарных и клепальных

[1] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. С. 56.
[2] Там же. С. 55.
[3] Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10. Т. 2. С. 132.
[4] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. Тетрадь 2. С. 2.

мастерских, 600 заведений, производящих сельскохозяйственные орудия и т.д. Рост промышленности сопровождался увеличением численности рабочих, которых в 1913 г. зарегистрировано 20 208 человек. В начале XX в. быстрыми темпами росло население городов. Если в 1901 г. в Уфе насчитывалось 60,6 тыс. человек, то в 1916 г. – уже 112,7 тыс. жителей. В то же время в Оренбурге проживало 100 тыс. жителей, в Челябинске –75 тыс., в Златоусте – 4,2 тыс., в Троицке – 30 тыс., в Стерлитамаке – более 17 тыс. горожан[1].

Все эти изменения отражались на социальной структуре населения Уфимской губернии и положении мусульманского духовенств в ней. К 1903 г. в процентном соотношении снизилась доля представителей сельских сословий – 2251414 чел. (87,6%), дворянства – 16816 чел. (0,6%), духовенства – и «прочих» сословий – 5391 чел. (0,2%), в тоже время увеличилось число городских – 78136 чел. (3,0%) и особенно военных – 191153 чел. (7,4%)[2].

В 1903 г. из 2570873 чел. всего населения Уфимской губернии православных было 1149733 чел. (44,7%), единоверцев 5492 чел. (0,2%), раскольников 19638 чел. (0,8%), католиков 2178 чел. (0,08%), лютеран 1404 чел. (0,08%), мусульман 1276800 чел. (49,6%), евреев 1010 чел. (0,04%) и язычников 114618 чел. (4,5%)[3].

Из 27962 чел. священнослужителей Уфимской губернии большинство продолжали составлять служители мусульманского культа и члены их семей – 21512 чел. (76,9% всего духовенства), или 0,83 % всего населения региона. Вторыми по численности также оставались православные священники со своими семьями – 6370 чел. (22,7%), далее шли представители единоверческого духовенства – 67 чел. (0,2%), и римско-католического и лютеранского духовенства – 13 чел. (0,04%)[4].

Таким образом, промежуточным циклом были выявлены направления происходящих сословных трансформаций в Уфимской губернии и изменения

[1] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 2. С. 34–41.
[2] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. - Уфа: Уфимская губерн. статист. ком-т., 1904. С. 25.
[3] Там же.
[4] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. - Уфа: Уфимская губерн. статист. ком-т., 1904. С. 25.

положения мусульманского духовенства. Рассматривая основные тенденции развития социальной структуры губернского сообщества с 1866 г. по 1910 г, можно отметить, что в 1866 г. из 1296111 чел. всего населения Уфимской губернии православных было 496851 чел. (38,3%), единоверцев 2575 чел. (0,2%), раскольников 13312 чел. (1,0%), католиков 777 чел. (0,05%), протестантов 550 чел (0,04%), мусульман 712827 чел. (54,9%) и «прочих нехристиан» 69219 (5,3%)[1].

К 1910 г. население увеличилось почти в 2,3 раза и достигло численности 2958071 чел. За указанный период времени произошли следующие изменения в религиозной структуре населения Уфимской губернии. Количество православных стало больше в 2,7 раза – до 1339250 чел., их доля возросла с 38,3% до 45,3% всего населения в крае. За этот же промежуток времени число единоверцев выросло в 2,4 раза до 6293 человек. Тем не менее их доля в составе населения осталась практически на таком же уровне – 0,2% и 0,2 % соответственно. Число раскольников возросла в 1,7 раза до 22649 чел., однако их доля уменьшилась с 1,0% до 0,7% населения губернии.

Католиков и протестантов увеличилось в 4,6 и 12,2 раза, в процентном соотношение это выразилось в увеличении их доли с 0,05% и 0,04% до 0,12% и 0,22% соответственно. Мусульманство Уфимской губернии возросло в 2 раза - до 1452310 чел., однако их доля в общей структуре населения снизилась с 54,9% до 49,0%, хотя они продолжали на протяжении всего изучаемого периода оставаться представителями самой многочисленной конфессии в регионе. Количество «прочих нехристиан» поднялось в 1,8 раз – до 125667 чел., при том, что их доля сократилась с 5,3% до 4,2%[2]. В 1916 г. православные с единоверцами и старообрядцами составляли – 45,19%, мусульмане – 50,03%, католики – 0,05%, протестанты – 0,22%, прочие христиане – 0,01%, прочие нехристиане – 4, 46%[3].

В развитии социальной структуры Уфимской губернии с 1866 г. по 1910 г. наблюдались следующие тенденции. На протяжении всего изучаемого периода

[1] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картою губернии. - Уфа: Губернск. тип-я., 1873. Ч. 1. С. 53.
[2] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа: губ. электр. тип., 1911. С. 52–53.
[3] Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый) Выпуск I. 1916. Москва. Типография Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр. деп. Петровка 26. С. 51, 59.

самыми многочисленными были представители сельских сословий – казенные, бывшие удельные, крепостные и заводские крестьяне. К ним же отнесены и башкиры, тептяре и др., то есть основная часть мусульманского населения региона. Численность данной сословной группы постоянно возрастала и увеличилась в 2,1 раза с 1203319 чел. в 1866 г. до 2569592 чел., однако их доля в социальной структуре Уфимской губернии уменьшилась с 93,2% всего населения до 86,8%.

Далее шли военные сословия, куда входили представители регулярного и иррегулярного войска, Оренбургские казаки, бессрочно и временно отпускные, отставные с женами и детьми, жены и дети военных, состоящих на службе, численность которых увеличилась в 8,4 раза с 28490 чел. до 239509 чел., а доля в составе населения губернии возросла с 2,2% до 8,0%. Также выросло в 3,4 раза количество представителей городских сословий (почетные граждане, купцы и мещане) с 26577 чел. до 92553 чел. и в 1,6 раза (дворян потомственных и личных) с 11783 чел. до 18616 чел. Несмотря на прирост, их доля в общей структуре населения губернии уменьшилась с 3,1% до 2,0% и с 0,9% до 0,6% соответственно. Произошло уменьшение как в количественном, так и в качественном отношении представителей прочих сословных групп с 5806 чел. (0,4%) до 5621 чел. (0,2%). Число представителей духовенства в целом также стало больше – с 1866 г. по 1910 г. в 2,1 раза – с 15043 чел. до 32230 чел., однако их доля в общей социальной структуре незначительно сократилась, составив 1,2% и 1,1% соответственно.

Если брать членов разных конфессий, то наибольшее увеличение зафиксировано среди духовенства единоверческого – с 37 до 135 чел., то есть в 3,6 раза, и православного – с 2708 до 8080 чел. – в 2,9 раз. Духовенство римско-католической и лютеранской церквей, наоборот, уменьшилось в 2,1 раза – с 28 чел. в 1866 г. и до 13 чел. в 1910 г. Мусульманское духовенство за указанный период времени удвоилось с 15043 до 24001 чел. Заметим, что на протяжении всего изучаемого периода времени они составляли значимую часть всего сословия (около 80%).

Выводы по параграфу. В период Уфимской губернии служители исламского культа, хоть и не были официально признаны частью духовного сословия,

оставались в своих прежних группах, куда их отнесли до прихода на должности. Однако в статистических данных и учете этого периода они были закреплены за указанной социальной категорией населения. Проведенный анализ имеющихся документов, касающийся сословной структуры населения Уфимской губернии, свидетельствует о том, что до начала XX в. региональное сообщество продолжало делится на четыре основные разряда – дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьянство, находясь в неравном положении по отношению друг к другу. Отдельно среди всех сословий стояло духовенство, представленное священнослужителями православного, католического и лютеранского, а также мусульманского толка, последние из которых занимали особое место.

Служители исламского культа на протяжении изучаемого периода времени имели подавляющее большинство – около 80% всех священнослужителей с членами их семей в регионе и являлись достаточно значимой категорией населения по численности – около 1% всех населяющих людей.

2.3 Взаимоотношения мусульманских священнослужителей Уфимской губернии и властных структур

Одной из основных особенностей формирования и развития мусульманской религии является отсутствие теоретического отделения религии от власти и политики, которое присутствует в других вероисповеданиях. Так, известный востоковед, исламовед В.В. Бартольд, внесший значимый вклад в изучение истории ислама, отмечал различие в данном вопросе и указывал, что если «первые земные владыки, принявшие буддизм и христианство, были отделены несколькими столетиями от основателей религий», то «Мухаммад положил начало не только религии, но и государству, и ислам при жизни своего основателя пережил процесс развития, который пережил буддизм от Шакьямуни до Ашоки, христианство – от Христа до Константина Великого»[1].

[1] Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 6. Москва: Изд-во вост. лит., 1966. С.81.

В Булгарском ханстве, в которое после принятия ислама в большом количестве прибыли представители духовенства из Средней Азии, духовные руководители (шейхи, имамы, муллы и др.) занимали высокую ступень в аристократической иерархии общества. Они играли важную роль в юриспруденции (правосудие по нормам шариата) и образовании[1], однако определить какие были взаимоотношения между мусульманскими священнослужителями и органами власти достаточно сложно.

По мнению М.А. Усманова, в Золотой Орде представители мусульманского духовенства хоть и пользовались покровительством ханов и наделялись определенными привилегиями, до середины XIV в., не принимали активного участия в управленческих делах. Постепенно роль служителей культа в культурно-идеологической сфере и в решении управленческих и хозяйственных вопросов начинает возрастать, что отражено в выдаваемых подтвердительных ярлыках, свидетельствующих не только об увеличение объема конкретных льгот, но и изменении формы жалований. Менее значительные привилегии заменялись более существенными в хозяйственном отношении правами[2].

На Южном Урале, где ввиду слабой источниковой базы, до настоящего времени многие вопросы государственных институтов у башкир в эпоху Средневековья не разработаны, и поэтому возможности изучить роль духовенства здесь не имеется.

В 1557 гг. состоялось присоединение башкир, населявших Южный Урал, к русскому государству на условиях, которые отличались от Поволжья, соответственно здесь не проводились карательные меры в отношении местной знати и духовенства. Вместе с тем, существует точка зрения, что «вступив во взаимодействие с башкирами, российские власти обнаружили общество, в котором

[1] История татар. В 7 т. Т. II. С. 150, 625; Измаилов, И.Л. Этнокультурная История Булгарии XII–XIII вв. По мусульманским эпитафийным памятникам периода Улуса Джучи // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. №1 (39). С. 285.

[2] Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков. Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востокев период феодализма/М.А. Усманов. - М.: 1985. С. 177-185, 182.

не было представителей белой кости, стоящей над родовыми общественными органами»[1].

После присоединения территории Башкирии, в течение второй половины XVI – первой трети XVIII в. мусульманское духовенство оставалось вне контроля Российского государства. Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов и начальник Комиссии башкирских дел А.И. Румянцев в своем рапорте императрице Анне Иоанновне в 1735 г., указывали, что верность и лояльность всех 10 ахунов в Башкирии под сомнением, а их деятельность фактически неподконтрольна местным органам власти. Поэтому, в своей программе от 16 декабря 1736 г. по управлению краем И.К. Кирилов и А.И. Румянцев предложили сократить число ахунов до 4-х и запретить им заниматься миссионерской деятельностью[2].

В ответ, 11 февраля 1736 г. выходит указ Анны Иоанновны, в котором было прописано: «В башкирах ахунам быть по одному на дороге – итого четырем и тем ахунам чинить особые присяги, дабы им о всяких худых поступках объявлять и не таить и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрезывать, без указов мечетей и школ вновь не строить; и который ахун из них умрет, то на них места с челобитья, усматривая верности, определять»[3].

В эпоху Екатерины II, когда ислам был признан «терпимой» религией, правительство, осознавая необходимость установления контроля над мусульманскими народами, меняет отношение к нему. Решено, что надзор должен осуществляться не путём насильственной христианизации, гонений и притеснений, а через надзор за духовенством, которое имело влияние на эти народы[4]. Одновременно мулл начали привлекать при решении и внешнеполитических задач.

После того как казахи Малого Жуза на добровольной основе вошли в состав Российской Империи в 1830-е гг., Южный Урал становится стратегической базой

---

[1] Азнабаев Б.А., Джунджузов С.В. Складывание системы управления башкирами Оренбургского края в XVIII веке // Новый исторический вестник. 2019. № 1(59). С. 8.

[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 16.

[3] ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. 1830. Т. X. № 6890. С. 743.

[4] Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. /Р.М. Мухаметшин. - Казань: Тат. книжн. изд-во, 2005. С. 28.

для ее экспансии в Среднюю Азию[1]. Мусульманское духовенство заняло центральное место в реализации восточной геополитической стратегии, которая была направлена на объединение обширного тюрко-мусульманского региона в рамках Российского государства.

Начиная с середины XVIII столетия, в нормативных актах проявляется стремление правительства к налаживанию взаимодействия с исламскими религиозными деятелями. Данный подход способствовал достижению ощутимых результатов в сфере администрирования мусульманского сообщества.

Признание правительством ислама привело к тому, что мусульманское духовенство стало еще активнее привлекаться к решению внутригосударственных и внешнеполитических задач. Однако, несмотря на сближение духовенства и исполнительных органов власти, государство осознавало необходимость контролировать деятельность служителей исламского культа.

В этих условиях стало возможным учреждение особого органа – Оренбургского магометанского духовного собрания, которое было бы включено в общую систему государственных органов Российской империи, и назначение верховного религиозного деятеля – муфтия[2].

Тем самым мусульманское духовенство постепенно укрепляет свои позиции и выходит из «фактически полулегального положения», становясь «винтиком клерикально-дворянской системы государственного управления», а Духовное управление даже выполняло некоторые функции государственного органа[3].

Как отмечалось в первой главе, вторая половина XIX – начало XX вв. являлись противоречивым периодом развития ислама в стране. Сходная ситуация наблюдалась и в сфере взаимоотношений между исламскими духовными лидерами и администрацией Уфимской губернии. В период с середины XIX до начала XX века правительство, видя в мусульманском духовенстве значимый рычаг

---

[1] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков: монография/А.З. Кулбахтина. - Уфа: Изд-во БГПУ им. М.Акмуллы, 2012. С. 18.

[2] Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII - начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Абдуллин Халим Миннулович. - Казань, 2007. С. 15.

[3] Шайхиев Р.А. Роль мусульманского духовенства в жизни татарского общества в XVII–XIX веках/Р.А. Шайхиев. - М.: Наука. 1985. С. 187–189.

государственного управления, оказывало ему особое внимание во всех мусульманских областях, включая Уфимскую губернию.

Учитывая, что в это время происходит значительное увеличение мусульманского населения Российской империи, которое нужно было влить в структуру российского государства, правительство признавало существование необходимости установления диалога и сотрудничества с многочисленными духовными лицами, которые играли значительную роль как в нравственной, так и в гражданской жизни мусульман[1].

К тому же, духовные учреждения мусульман зачастую являлись крупными собственниками недвижимости, земельных наделов, капиталов и т.д., переданных им в качестве вакуфа (имущество, отданное или завещанное мусульманами в пользу мечетей и религиозных учебных заведений), в следствии чего духовенство оценивалось властью как важный объект их взаимодействий с мусульманским населением[2].

Однако, данная инициатива вызвала острую негативную реакцию, направленную на российскую религиозную политику прошлых лет, касающуюся ислама. Критика исходила в основном от православных миссионеров и местных органов власти, особенно из Оренбургской и Уфимской губерний.

По мнению последних, распространение ислама среди башкир, привело к их отчуждению от русского народа и православия[3]. Поэтому государственные органы через мулл стремились к внедрению в сознание мусульман уважения к власти, преданности его интересам, для чего духовенству было предписано в определенные дни проводить общественные богослужения с вознесением молитв

[1] Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.)/Е.И. Воробьева. - Спб.; Исторический ежегодник. 1997. С. 40.
[2] Там же. С. 41.
[3] Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.)/Ю.А. Лысенко/Известия Алтайского государственного университета. История, Политология. - 2010. - № 4/3 (68/3). С. 148.

за здравие членов царской семьи[1], а к концу XIX в. совершать в пятницу молитву во здравие российского самодержца[2].

Необходимо отметить, что значительная часть мусульманского духовенства демонстрировала преданность царскому режиму, оставаясь верными «присяге», произнесенной при занятии должности. Обнаруживая нарушения действующих норм, государственные органы оперативно реагировали, устраняя мулл, демонстрирующих политическую нелояльности или враждебности по отношению к государству.

Также государство использовало духовенство как переводчиков, и для того, чтобы доносить до основной массы мусульман царские манифесты, указы, распоряжения, постановления и предписания губернского начальства и местной власти[3]. В частности, именно в мечетях был оглашен Манифест от 17 октября 1905 г.. Однако, озвучивая данный документ, муллы, действуя в соответствии с указаниями из ОМДС, передавали и слова Оренбургского муфтия, призывающего воздержаться от революционных действий[4].

Государственные органы власти, через мусульманское духовенство решали также проблему набора в армию[5], в том числе увещевая, «для избежания рекрутского набора никаким образом к членовредительству не прибегать, помня, что членовредительство есть одно из величайших грехов, навлекающих гнев и кару Божию, как видно из книги «Хадими»[6].

Царское правительство также прибегало к авторитету мусульманского духовенства, когда было нужно провести в стране те или иные непопулярные среди мусульманского населения реформы или мероприятия. Это произошло, например,

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1841–1901 гг. - Уфа: Оренбург. магометан. духовн. собр. 1902. С. 224–225.

[2] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 149.

[3] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири/И.К.Загидуллин. — Казань: Татар.кн. изд-во, 2007. - С.196.

[4] Климович Л.И. Ислам в царской России: очерки. / Л.И. Климович. - М: ГАИЗ, 1936. С. 86–87.

[5] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 136.

[6] Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дис. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2006. 545 с.; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 г. С. 3–4.

когда мусульман Уфимской губернии ознакомили с «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.[1], согласно которым, в учебных заведениях мусульман предполагалось учреждение русских классов. Кроме того, вводилось обязательное обучение всех шакирдов (будущих мулл) русскому языку и грамоте в возрасте до 16 лет и т.д.

Органы власти были вынуждены обратиться к помощи духовенства и для успокоения мусульманских общин, когда официально было объявлено, что согласно Указу от 11 октября 1890 г., кандидаты на пост духовных лиц были обязаны пройти экзамен по русскому языку[2].

Иногда в дело приходилось вмешиваться главе ОМДС, как это случилось в начале 1890-х гг., когда в некоторых местностях началось стихийное переселение мусульман в Османскую империю под влиянием слухов о предстоящей христианизации мусульман. В связи с этим, муфтий М. Султанов счел необходимым лично инициировать обращение «ахунам и состоящим при мечетях имамам» со следующим заявлением: «До моего сведения дошло, что в народе и даже между муллами ходят слухи, что будто бы магометан будут крестить в русскую веру. Слухи эти нелепы и вздорны, потому что правительство не имеет никакого намерения крестить нас, а напротив, разрешает нам свободно исповедовать ислам»[3]. В апреле 1894 года, а именно 12 числа, муфтий обнародовал фетву, в которой обозначил своё отрицательное отношение к проекту по переселению мусульман, являющихся гражданами Российской империи, на территорию Турции. Таким образом, он выразил несогласие с данной инициативой, предложенной к реализации[4].

При этом, не всегда представители духовенства, следуя распоряжению властей, могли добиться успеха. Так, в период подготовки Первой всеобщей

---

[1] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография. Уфа, 2012. С. 44.

[2] Кобзев А.В. Татары-мусульмане Среднего Поволжья: этническая идентичность и слухи о насильственном крещении/А.В. Кобзев/Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 92–94.

[3] Кобзев А.В. Татары-мусульмане Среднего Поволжья: этническая идентичность и слухи о насильственном крещении/А.В. Кобзев/Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 95.

[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

переписи населения 1897 г., мусульманское население страны негативно восприняв ее, оказывало сопротивление, местами доходившее до стычек и вооруженных конфликтов. В циркуляре № 4413, изданном 18 июля 1896 года Оренбургским магометанским духовным собранием, было доведено до сведения, что проведение переписи населения не повлечет за собой негативных последствий для ислама и мусульманских учебных заведений. Согласно данному циркуляру, муллы и ахуны были обязаны информировать об этом прихожан, развеивая возможные опасения и заблуждения относительно целей и задач переписи. Духовное управление стремилось таким образом обеспечить поддержку мероприятия со стороны мусульманского населения[1]. В ходе подобных дискуссий муллы, высказывавшиеся в поддержку проведения переписи, зачастую не находили отклика среди своих прихожан. В упомянутых ситуациях, когда духовные лидеры теряли авторитет среди своей общины, их наставления игнорировались, а указания не выполнялись. В отдельных ситуациях дело доходило до насилия: муллы, пытавшиеся разъяснить цели и значение непопулярных среди населения мер, подвергались физическому нападению, а затем лишались своих должностей в мечетях[2].

Справедливости ради стоит отметить, что власть не только стремилась использовать представителей мусульманского духовенства в своих интересах, но и обращалась к ним для оказания реальной помощи мусульманскому населению края в медицинской сфере.

Так, в конце XIX – начале XX в. в Уфимской губернии широкое распространение получают эпидемические заболевания – оспа, холера, скарлатина, дифтерия, корь, дизентерия и т.д., одно из первых мест среди которых принадлежало тифу (сыпной, возвратный, брюшной и неопределенного вида). В эти годы основным методом борьбы с эпидемиями было оспопрививание[3]. Однако

---

[1] Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10. Т. 2. С. 132.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 73–74.

[3] Ахметшина А.В., Павлова О.С., Кантимирова Р.И., Мухаметзянова Э.В., Самородов Д.П. Деятельность органов местного самоуправления и земской медицины по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Гигиена и санитария // 2018. № 97(4). С. 379.

мусульманское население, не доверяя местным властям, отказывалось от этой процедуры.

В результате, в начале марта 1891 г. Духовное собрание получило указ о необходимости муллам г. Златоуста и Златоустовского уезда Уфимской губернии «разъяснить магометанскому населению пользу оспопрививания» и способствовать тому, чтобы население как можно быстрее, делало детям прививки от оспы»[1]. Ближе к концу того же месяца, действие указа распространилось на всю Уфимскую губернию[2]. В 1892 году, используя мулл в качестве посредников, были обнародованы и широко распространены «Временные правила об умерших от холеры магометан». Согласно этим правилам, жителям настоятельно рекомендовалось проводить ритуальное омовение тел умерших исключительно в специально оборудованных закрытых местах, расположенных на холерных кладбищах, с последующей обязательной и тщательной дезинфекцией помещений[3].

В июне 1891 года, циркуляром ОМДС, на мусульманских священнослужителей Белебеевского и других уездов Уфимской губернии возложена обязанность содействовать земствам в борьбе с распространением инфекционных заболеваний, согласно которому духовные лица должны были каждые шесть месяцев передавать в земские управы уездов информацию о новорожденных младенцах, с целью обеспечения своевременной вакцинации детей. Таким образом, мусульманское духовенство привлекалось к участию в санитарно-эпидемиологических мероприятиях, проводимых земскими учреждениями[4].

В 1897 г. в Индии свирепствовала чума, которая грозилась дойти и до «священных городов Мекки и Медины», в связи с чем правительством планировалось закрыть границу и создать в пунктах перехода карантинные зоны.

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 149.
[2] Оно же. С. 47.
[3] Оно же. С. 85–86.
[4] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 50–51.

Поэтому Муфтий Х. Султанов призывал мусульман через ахунов и имамов отсрочить паломничество в святые места до лучших времен. В качестве подтверждения своей позиции он привел высказывание – хадис Пророка: «Не ходите на места, охваченные заразными болезнями, а если явятся они у вас, то не убегайте в чужие страны»[1].

В 1901 году, в период активной борьбы с эпидемией чумы, муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания издал официальное распоряжение, адресованное всем муллам. Данное требование предусматривало посещение специального карантинного пункта, расположенного на государственной границе, и получение официального подтверждения о прохождении санитарного контроля, прежде чем паломники могли продолжить свой путь к месту проживания[2].

В начале XX в. взаимоотношения между властью и мусульманским духовенством в значительной степени ухудшились, поскольку лояльность российских мулл и мусульман к властям оказалась под вопросом.

Русско-японская война 1904 – 1905 г. и особенно Первая мировая война 1914 – 1918 гг. не оставили в стороне и мусульманское население страны. В связи с началом военных действий, муфтий М. Султанов обратился к приходскому духовенству с просьбой поддержать государство в виде пожертвований, для чего в приходах распространялись специальные брошюры для сбора средств. Само Духовное управление организовало сбор добровольных пожертвований в пользу раненых и больных солдат и их семей, собрав к 16 декабря 1908 г. 767 руб. 78 коп.[3].

В условиях противостояния двух коалиций государств в Европе – Антанты, куда входили Российская империя, Великобритания, Франция и Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии, 14 декабря 1914 г.

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 121–122.; Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[2] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 180–181.

[3] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири/И.К.Загидуллин. — Казань: Татар.кн. изд-во, 2007. С. 202.

последовало официальное обращение главы ОМДС муфтия М.М. Султанова ко всем мусульманам страны.

Выражая приверженность российской мусульманской общины оказанию всесторонней поддержки своей стране, отражению угроз и смягчению переживаемых ею трудностей, было выдвинуто предложение подкрепить словесные заверения конкретными действиями в пользу государства. С этой целью было инициировано создание пунктов сбора пожертвований при мечетях в городах и селах, где священнослужители принимали активное участие. В Петрограде был учрежден Временный мусульманский комитет. Его целью стала поддержка военнослужащих и их семейств. В 1915 году организация открыла 34 филиала по всей территории страны. Через эти отделения было аккумулировано 7159 рублей пожертвований[1].

Солдаты – мусульмане, а также и призванные муллы активно выполняли свой долг на фронтах. По всей стране духовенство, в том числе и мусульманское, проводило молебствия о победе российского оружия. Со временем, в связи с ухудшением социально-экономической ситуации в государстве, увеличением стоимости товаров и услуг, а также возникновением их нехватки, все граждане, включая и мусульманское население, стали проявлять признаки неудовлетворения.

Дополнительным источником недовольства являлась мобилизация мулл в регулярную армию. Воинский устав 1874 года не предусматривал освобождения мусульманских священнослужителей от обязательной военной службы. Основанием для этого служил формальный критерий, так как оно определялось «к должностям своим не ранее достижения 25-летнего возраста, т.е. по отбытии уже службы действительной и по выходе в запас»[2]. Однако в условиях русско-японской войны, когда на фронт начали призывать и запасные чины, общины лишились приходского духовенства, что вызывало недовольство людей на местах[3]. В

[1] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 81.

[2] Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в государственной думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи? / Д.М. Усманова /Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - Т. 155. № 3-1. С. 177.

[3] Ямалева Л.А. Либеральное общественно-политическое движение российских мусульман в начале XX в.: По материалам Уфимской и Оренбургской губерний: дис. … д-ра. ист. наук: Уфа, 2003. 385 с.

дальнейшем, мусульманское духовенство освободили от воинской обязанности в 1912 г.[1], однако к этому моменту многие священнослужители погибли на фронтах войны.

Вследствие участия Османской империи, являвшейся ключевой мусульманской державой, на стороне Антанты, у государственных органов возникли конкретные вопросы к мусульманскому духовенству. Авторитет главы Османской империи оказывал влияние на мусульманское население по всему миру. Опасения по поводу усиления недовольства и потенциальных предательских действий, подпитываемых распространением идей панисламизма и пантюркизма, задействовали все государственные службы безопасности. Для ограничения контактов российских мусульман с соседними исламскими странами, особенно с Турцией, был установлен контроль за наиболее деятельными представителями мусульманского духовенства в России. Наблюдение велось за прибытием и передвижением турецких эмиссаров, занимавшихся пропагандой на территории Российской империи[2].

Еще одним поводом для настороженного отношения к мусульманскому духовенству в конце XIX – начале XX вв., стало активное включение мусульманского сообщества Уфимской губернии в общественную жизнь страны. Мусульманские общины Уфимской губернии в этот период в общероссийском пространстве стали играть весьма заметную роль. Имамы молодого, прогрессивного поколения начала XX в., выступив устроителями передовых медресе, получивших известность в России, стали «рупором» выражения растущих экономических, политических запросов развивающихся конфессиональных сообществ многонационального башкирского края. Происходит усиление социальной и политической активности мусульман и светских интеллектуалов губернии[3].

---

[1] Ямалева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)/Л.А. Ямаева. - Уфа: Гилем, 2002. С. 86-87.

[2] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 81–82.

[3] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). С. 124-126.

В Уфе, Оренбурге, Бирске, Троицке, Орске, Челябинске и других городах в начале XX в. активизировались общественно-политические процессы. Они выразились в оформлении политических союзов (возникновение партии «Иттифак эль-муслимин»), развитии народной инициативы и участии в петиционной кампании[1].

Наивысшего разнообразия активность национальной интеллигенции достигла в 1905–1907 гг., когда обозначились такие формы общественно-политической деятельности мусульман Уфимской губернии, как: обращения в виде петиций, (так называемая петиционная кампания); участие в политических союзах и объединениях, в работе Государственной думы; развитие образования и образовательных учреждений[2].

Существенными результатами эпохи перемен явились императорский Указ от 17 апреля 1905 года, направленный на усиление основ религиозной терпимости, и Манифест от 17 октября 1905 года[3], декларировавший свободу вероисповедания. В указанных документах правительство заявило о «непреложных основах гражданской свободы», включая неприкосновенность личности, свободу вероисповедания, выражения мнений, проведения собраний и создания объединений. Это значительно расширило права мусульманского населения, ранее подвергавшегося ограничениям в этих сферах. Указ и Манифест стали важными шагами на пути к обеспечению религиозной свободы и гражданских прав для всех граждан Российской империи[4].

Революционные события 1905 года в Российской империи заставили царское правительство инициировать ряд политических изменений. Одним из ключевых шагов стало издание Манифеста императора Николая II 6 августа 1905 года, который учредил Государственную Думу – орган, представляющий интересы

---

[1] Там же. С. 125.

[2] Муратов А.Э. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. /А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов/ Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). С. 124–126.

[3] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 77–78.

народа. В работе Думы участвовали члены различных социальных групп, включая мусульманское духовенство. Как упоминалось ранее, за время существования дореволюционной Думы в российский парламент было избрано 79 депутатов, исповедующих ислам из различных регионов страны, включая Уфимскую губернию[1]. В состав I Государственной Думы вошли 24 депутата, представляющих мусульманское население России. Во II Думу было избрано 34 мусульманских депутатов, в III – 10, а в IV – 7[2].

Этнический и социальный состав мусульманских депутатов в Государственной Думе был обусловлен избирательным законодательством, действовавшим в 1906 и 1907 годах. Депутаты-мусульмане отражали главные этнические группы империи, однако их представленность была диспропорциональной: наибольшее число составляли татары (25 человек), за ними шли азербайджанцы (11), казахи (9), башкиры (7), лезгины (4), узбеки (3), крымские татары (2), а также туркмены и чеченцы (по 1 депутату).

Что касается сословной принадлежности, среди мусульманских депутатов преобладали дворяне (19 представителей, включая шестерых из родовой аристократии, являвшихся потомками ханских династий) и крестьяне (от 20 до 25 депутатов). Это соотношение отражало социальную структуру мусульманских регионов Российской империи на тот момент.

Среди депутатов Государственной думы заметную часть представляли лица, связанные с мусульманским духовенством: пятнадцать депутатских мест (фактически тринадцать человек, поскольку двое были избраны повторно). Принципиальное различие заключается в том, что, в отличие от православной церковной иерархии, в исламе не сложилось выделенного духовенства как отдельной социальной страты. Следовательно, подавляющее большинство мулл происходили из крестьянской среды. Значимой чертой регионального представительства стало то, что все депутаты, имевшие духовный сан,

---

[1] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 229 с.

[2] Ямаева Л.А. Мусульманская фракция // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М.: Вост. литература РАН, 1999. С. 64–66.

представляли интересы мусульманского населения Волго–Уральского региона (десять представителей) и территорий Туркестана и Степного края (три представителя) в составе парламента[1].

Члены законодательного собрания рассматривали широкий спектр вопросов, касающихся религиозных противоречий, образовательной системы, экономического благосостояния и юридического статуса различных этнических групп и территориальных единиц, а также освобождения от военной службы представителей мусульманского духовенства. По ключевым вопросам, касающимся их общины, депутаты, исповедующие ислам, демонстрировали единство взглядов и выступали с согласованных позиций. Хотя законодательные инициативы, предложенные депутатами-мусульманами, и общая эффективность Государственной Думы могут оцениваться как умеренные, участие представителей исламской веры в деятельности российского парламента оказало значительное влияние «для политической активности мусульманских народов страны»[2].

После Февральской революции 1917 г. активность мусульманского населения, при значимой роли духовенства, продолжала расти. Так, с марта 1917 до начала лета 1918 г. состоялось большое количество съездов от локальных на уровне сельских общин до общероссийских, последние из которых собирали значительное число представителей мусульманского населения большинства или ряда регионов, организованных с целью обсуждения насущных актуальных проблем в свете грядущих преобразований в стране. В течение рассматриваемого отрезка времени состоялись два общероссийских мусульманских собрания (в Москве – май 1917 г., в Казани – июль 1917 г.), два форума мусульманских военнослужащих (оба в Казани, июнь 1917 г. и февраль 1918 г.) и Всероссийский съезд представителей мусульманского духовенства (июль 1917 г., место проведения – Казань).

---

[1] Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в государственной думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи? / Д.М. Усманова/Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - Т. 155. № 3-1. С. 119.

[2] Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте: аналит описание 1906-1916/Д.М. Усманова, К.Н. Сануков. - Казань: Фэн, 2005. С. 517-519.

Весомое представительство мусульманского духовенства нашло отражение в Первом всероссийском мусульманском съезде, прошедшем в Москве 1 мая 1917 года. Это мероприятие объединило приблизительно 900 делегатов со всей страны, при этом более трети участников – более 300 человек – являлись имамами, прибывшими из различных регионов Российской империи[1].

Говоря о влиянии органов государственной власти через мулл на их прихожан, не стоит переоценивать степень его воздействия. Власть и муллы взаимодействовали на основе согласия или разногласия с мнениями мусульманского сообщества. Муллы избегали внедрения новшеств, опасаясь неприятия со стороны прихожан. При желании прихожан власть могла отказаться от услуг муллы. Иногда муллы сами подстрекали прихожан к неповиновению власти, оправдывая это недоразумениями и неразвитостью народа[2].

Выводы по параграфу. На протяжении длительного периода времени взаимоотношения органов государственной власти и мусульманского духовенства претерпели значительные изменения от прямой конфронтации до прагматично-гибкой политики в отношении последних. В промежуток времени, охватывающий середину XIX и начало XX столетий, правительство Российской империи, осознавая существенное влияние мулл на религиозных прихожан, проявляло стремление к использованию их авторитета в интересах реализации личных политических амбиций. Государственные органы власти через мулл стремились к внедрению в сознание мусульман уважения к власти, преданности государственным интересам.

Мусульманское духовенство, по поручению органов власти, выполняло важную функцию организатора социальной жизни прихода, их использовали как переводчиков, а также для того, чтобы доносить до основной массы мусульман царские манифесты, указы и т.д. Проблема набора в армию частично решалась государственными органами через мусульманское духовенство, которое было

[1] Усманова Д. М. Первый Всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 3. С. 33–34.
[2] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. С. 9.

призвано проводить различные реформы и мероприятия, не всегда пользующиеся популярностью у мусульманского населения. Взаимодействие между исламским духовенством и правительством определялось государственной политикой в отношении мусульманской общины. Лояльность духовных лидеров и общественная реакция также играли значительную роль. Как правило, мусульманские священнослужители неукоснительно выполняли распоряжения вышестоящих органов власти, придерживаясь обязательств, принятых при вступлении в должность.

Подобная зависимость обусловлена историческими и политическими факторами, влиявшими на положение ислама в государстве. Духовенство, назначаемое и утверждаемое властью, было заинтересовано в поддержании стабильных отношений с ней. Соблюдение указаний и демонстрация лояльности обеспечивали сохранение привилегий и влияния в обществе.

В начале XX века муллы стали принимать противоправительственные позиции, хотя государство пыталось лишить их роли послушных исполнителей своих указов и использовать как своих проводников.

Глава III. Социокультурная характеристика и функции служителей мусульманского культа Уфимской губернии в 1865–1917 гг.

3.1 Динамика численности и размещение мусульманского духовенства Уфимской губернии

В течение долгого времени правительство не имело точных данных о количестве священнослужителей в регионе. О.А. Игельстром, который инициировал создание Оренбургского магометанского духовного собрания, отмечал, что ослабление государственного контроля над исламом в последней четверти XVIII в. привело к «неограниченному» увеличению числа ахунов, мулл и азанчеев, (не уточняя их количества). Многие из них свободно перемещались с места на место «под предлогом распространения веры своей», выезжая, в том числе, за границу, что представляло потенциальную опасность для государства. По замыслу его основателя, ОМДС и должно было контролировать приходское духовенство, отсеивая неугодных правительству ахунов, мулл, муэдзинов и т.д. путем их переаттестации. Для сокращения числа мусульманских проповедников, О.А. Игельстром настаивал на принятии соответствующих мер. Также предусматривалось наличие двух ахунов на каждый уезд, где компактно проживали мусульмане, при этом их количество оставалось неизменным, несмотря на общую численность приходов[1].

Опасаясь увеличивающегося влияния мусульманского духовенства, правительством был разработал целый комплекс мероприятий, направленных на решение вопроса сокращения и сдерживания роста количества мечетей и священнослужителей – мусульман в стране.

Согласно указу Правительствующего сената, которое было оглашено 9 декабря 1835 года и получило высочайшее утверждение 23 января 1836 года, строительство соборной мечети допускалось лишь при соблюдении условия о наличии в местной мусульманской общине не менее трехсот верующих мужского

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 20–21, 88.

пола. Для возведения обычной мечети, предназначенной для совершения пяти ежедневных молитв, необходимо было наличие не менее 200 прихожан мужского пола[1]. Штатная численность духовных лиц, осуществляющих служение в соборной мечети, была строго регламентирована и не могла превышать трех человек. В пятивременных мечетях количество духовных служителей ограничивалось двумя лицами[2].

И.К. Загидуллин утверждал, что рассматриваемый законодательный акт, оперирующий понятием "ревизские души", с течением времени утратил свою актуальность и стал несовременным. В соответствии с законом, принятым 15 декабря 1886 года, указанный норматив был упразднен и заменен квотой в 200 наличных душ мужского пола[3].

Этим же исследователем были систематизированы данные по динамике численности мечетей и духовенства, подчинявшиеся ОМДС в период с 1833 г. по 1916 г., которые свидетельствуют, что, несмотря на политику ограничения, проводившуюся правительством, происходил стабильный рост исламских институтов (см. таблицу 1).

Таблица 1. Численность в округе ОМДС богослужебных заведений и духовенства в 1833–1916 гг.[4]

Годы	Мечети, Молитвенные дома	Ахуны	Хатибы	Имамы	Муллы	Мухтасибы	Мударисы	Муэдзины	Всего
1833	3133	68	100	1792	1164	343	439	-	3907
1856	3478	37	3124	761	-	66	233	1592	5814
1858	3554	47	2557	853	-	50	934	1950	6391
1868	4053	54	3703	759	-	51	413	1572	6553
1908	5230	150	2297	3326	-	-	-	2539	8312
1909	5408	156	2536	3494	-	-	-	2787	8973
1910	5573	165	2643	3676	-	-	-	2879	9363
1911	5653	165	2751	3743	-	-	-	2967	9626
1912	5706	191	2760	3754	-	-	-	5706	12411
1913	5870	211	2820	3814	-	-	-	5840	12685

[1] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М., 2001.С 90.

[2] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1835. Т. X. ч. 2. № 8663. С. 1170–1771.

[3] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 141.

[4] Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 101. Таблица № 3.

1914	5918	203	3744	3243	-	-	-	5840	13030
1916	6081	220	3844	3346	-	-	-	5940	13350

С 1833 по 1916 годы фиксировался неуклонный подъем в развитии исламских организаций. В течение указанного промежутка времени число мечетей демонстрировало ежегодное увеличение на 1,13 процента. Параллельно с этим, наблюдался рост численности религиозных деятелей, составлявший 2,92 процента в год. Данные показатели свидетельствуют об устойчивой тенденции к укреплению и расширению исламской инфраструктуры и религиозной практики в рассматриваемый исторический период. Рост числа священнослужителей превышал рост храмов в 2,6 раза. С 1833 по 1856 год количество мечетей увеличивалось на 0,48%, а духовных лиц – на 2,12% в год. За период с 1908 по 1914 годы эти цифры составили 2,19% и 2,12% соответственно. Интересным фактом является, что в периоды 1856 – 1868 и 1914 – 1916 годов прирост численности духовенства немного отставал от увеличения количества мечетей[1].

Автор обозначает изменения в структуре мусульманского духовенства, которые отражены в таблице и связаны с количеством представителей разных званий до и после принятия закона от 9 декабря 1835 года.

В статистических данных за 1833 г. упоминаются все духовные звания кроме «муэдзинов». В обнаруженных сведениях за 1839 г. (не указаны в таблице) также не было упоминания о «муэдзинах» и исчезли духовные звания «мулла» и «мударрис». Что касается «хатибов», «имамов», «ахунов» и «мухтасибов», то они сохранились.

С указанного времени в религиозной структуре утвердились четкие градации: хатибы, имамы и муэдзины заняли свои позиции. В 1833 году лишь небольшая часть служителей при главных мечетях обладала полномочиями для проведения пятничной молитвы, включая ахунов, хатибов, мухтасибов и мударрисов. Однако, к удивлению, спустя два десятилетия, число этих лиц увеличилось в три раза, значительно превзойдя количество имамов.

[1] Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 141.

Эти данные, по мнению И.К. Загидуллина, демонстрируют желание оренбургского муфтия Габдессаляма Габдрахимова (1825–1840 гг.) стандартизировать систему мусульманских званий в округе ОМДС. Во-первых, оренбургский муфтий хотел связать приходские духовные титулы с мечетями, подчинив им звания преподавателей мектебе и медресе — начальных и средних религиозных школ. Во-вторых, он стремился сделать термин «мулла» не просто духовным титулом, а общим обозначением для лиц, имеющих звание имама или хатиба и выполняющих пастырские функции в приходе[1].

Об успехах задуманной Г. Габдрахимовым стандартизации системы мусульманских званий в округе ОМДС могут свидетельствовать данные в изданном к столетнему юбилею ОМДС сборнике. Здесь было указано, что к «1889 году всех приходов ведомства Оренбургского магометанского духовного собрания было 4254, а наличных душ всех прихожан мужского и женского пола 3405460; ахунов числилось 65, хатыпов – 2734, мудариссов и имамов – 2621 и муазинов – 1783»[2].

В Оренбургской губернии, границы которой до 1865 года охватывали также территорию Уфимской, наиболее ранние сведения о численности мусульманского духовенства датируются 1800 годом. Согласно этим данным, в губернии функционировало 1147 мечетей, религиозные обряды в которых отправляли 1793 духовных служителя[3].

В период завершения третьего десятилетия XIX века центральное руководство, в частности, глава Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Д. Блудов, и местная администрация, возглавляемая Оренбургским генерал-губернатором В.А. Перовским, выразили обеспокоенность в связи с ростом числа мусульманских культовых сооружений и связанных с ними служителей ислама в регионе. В целях урегулирования ситуации

---

[1] Загидуллин И.К. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века). 2013. №1 (31). С. 185.; Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 143.

[2] В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. Уфа: тип. Губ. правл., 1891. С. 25.

[3] Кульшарипов, М.М. Открытие Духовного собрания в Уфе/М.М. Кульшарипов. - Уфа, 1988. С. 45.

были разработаны определенные меры по уменьшению численности мечетей и духовных лиц, в результате чего между заинтересованными сторонами было достигнуто согласие по данному вопросу.

Региональные власти стали намеренно затягивать процесс выдачи разрешений на строительство новых мечетей и выбор имама, создавая бюрократические препятствия. Согласно установленным правилам, две трети старших домохозяев прихода должны были представить свой приговор кантонному начальнику или в уездное полицейское учреждение. Документы, проверенные числом прихожан, отправлялись в Духовное собрание через губернское правление.

В итоге, до вызова кандидатов на духовные должности в религиозное учреждение и выдачи разрешения на строительство мечети, проходил целый год. Начиная с 1829 года лица, желающие занять религиозные должности ахуна, имама или муэдзина, должны были сначала обратиться в губернское правление, прежде чем подавать прошение в Духовное собрание. Мечети, возведенные без предварительного разрешения, выдаваемого в установленном порядке, считались неправомерными и подлежали закрытию. Данная процедура была введена для контроля и регулирования религиозной деятельности[1].

Статистические сведения свидетельствуют о заметном эффекте от реализованных мероприятий. В Оренбургской губернии в 1831 году функционировало 1663 мечети, в которых осуществляли свою деятельность 2883 религиозных служителя. В результате предпринятых шагов, к 1835 году количество мечетей снизилось до 1235, а число служителей уменьшилось до 2039[2].

Несмотря на правительственные инициативы, направленные на ограничение, в 1840-х годах отмечалось расширение сети исламских культовых сооружений и увеличение числа религиозных служителей. В 1850 году в Оренбургской губернии было зарегистрировано 1663 мечети и 3955 лиц духовного звания. Это указывает на существенный прогресс относительно 1800 года, когда количество мечетей и

[1]Зулькарнаев М., Байгильдин В. Из истории мечетей Башкортостана // Ватандаш. 2017. № 11. С. 54.; Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 97.
[2]Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 97.

мулл было на 50% меньше. Более того, по сравнению с информацией, собранной в 1835 году, количество религиозных деятелей увеличилось почти в два раза, что отражает значительное развитие религиозной инфраструктуры и духовенства в данном регионе[1].

По данным Е. Малова, в 1850 г. здесь было 1925 деревянных и 7 каменных, то есть всего 1932 мечетей, в то время как православных храмов всего 455, в том числе 280 каменных, 175 деревянных. При этом, по его словам, численность культовых зданий мусульман выросла буквально за 10 последних лет, поскольку в 1839 г. мечетей в Оренбургской губернии было всего 1464[2].

Согласно утверждению данного автора, приверженцы ислама проявляли хитрость, скрывая свои религиозные строения: «каждая, даже малонаселенная, деревня непременно имеет мечеть и муллу, только эта мечеть строятся без минарета, составляет род чистой, поместительной избы, а потому все таковые мечети почти и не входят в счет мечетей, потому что без минаретов бывают незаметны для собирателей статистических сведений, а самими магометанами они не оглашаются, особенно если в деревне нет 200 душ магометан..»[3]. По архивным данным, в крае «не было ни одной башкирской деревушки, в которой не было бы муллы, а иногда и двух»[4].

Проведенная в 1851 г. Оренбургским губернским правлением ревизия выявила «нелегальных» 730 мечетей с 1148 духовными служителями, где прихожан насчитывалось менее положенных 200 душ м.п.. Из них большая часть располагалась в пределах будущей Уфимской губернии: в Бирском уезде – 168 мечетей и 237 мулл, в Мензелинском уезде – 136 и 230, в Уфимском – 110 и 171, Белебеевском – 127 и 187 и в Стерлитамакском – 62 и 133 соответственно[5].

В 1860 году на территории края функционировало 1850 мечетей. Общее число служителей культа мусульманского вероисповедания достигало 3487

---

[1]Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 99.
[2] Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань, 1868. С. 72.
[3] Там же. С. 2.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8. Л. 51.
[5]Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 99.

человек. Среди служителей религиозного культа насчитывалось 24 ахуна, 2303 имама, 6 мухтасипов, 46 мударрисов и 1058 муэдзинов, выполнявших соответствующие религиозные функции. К исходу XIX века численность духовных представителей возросла в 1,3 раза, составив 4549 человек. Распределение их по губерниям было следующим: в Уфимской губернии служили 3555 человек, а в Оренбургской губернии – 994 человека. Таким образом, основная часть мусульманского духовенства была сосредоточена в Уфимской губернии[1].

В тот период, когда государство вводило ограничения на количество мечетей, Духовное собрание пыталось исправить ситуацию и в 1866 г. предложило отменить все запреты на их строительство В 1867 году Салимгарей Тевкелев, занимавший должность четвертого оренбургского муфтия, направил в Министерство внутренних дел на рассмотрение разработанный им проект «Устава управления духовными делами магометан»[2]. Данный документ, регламентирующий религиозную жизнь мусульман, включал в себя 65 статей. Салимгарей Тевкелев отдельным пунктом № 2 предложил новые нормы для открытия приходов: «Мечети пятивременные, соборные и богомольные дома вновь учреждаются не иначе как с разрешения губернского начальства, наблюдая, что если в городе или селении число магометанских семейств менее 20, то дозволяется магометанам иметь один молитвенный дом, если число семейств более 20, то сообразно средствам общества дозволяется иметь пятивременную мечеть, и ежели более ста семейств, то дозволяется магометанам иметь соборную мечеть»[3].

В декабре 1886 г. Государственный совет изменил порядок строительства мечетей и выбора имамов и муэдзинов[4]. Это привело к значительному увеличению количества мечетей и мусульманского духовенства. До момента принятия данного постановления, в пределах Уфимской губернии функционировало 1336 мечетей, обслуживаемых 2240 духовными служителями. Оренбургская губерния, в свою

---

[1] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1994.С. 56.
[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д.611. I. Л. 89.
[3]Загидулин И.К. Проект «Устава управления духовными делами магометан» 1867 г. оренбургского муфтия С.Тевкелева // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №1. С. 18,21.
[4] ПСЗРИ. Собрание третье. СПб. 1905. Т. VI. № 4102. С. 532 – 533.

очередь, располагала 486 мечетями и 903 духовными лицами. Спустя десятилетие, в Уфимской губернии количество мечетей возросло до 1609, а число духовных лиц увеличилось до 3556. В Оренбургской губернии наблюдался рост до 577 мечетей и 1017 духовных служителей. На протяжении XIX века общее число мечетей в регионе увеличилось практически вдвое, тогда как количество мулл и муэдзинов возросло в 2,5 раза[1].

Таким образом, несмотря на определенную противоречивость данных о количестве мусульманского духовенства, они свидетельствуют об их постоянном росте. Вместе с тем, в отечественной литературе встречаются данные о том, что к концу XIX в. в Уфимской губернии происходит уменьшение мусульманского духовенства, численность которых вместе с членами их семей достигает около 1700 человек[2], то есть даже меньше чем количество только служителей исламского культа, указанных в других источниках и литературе, что несколько не соответствует действительности.

Рассмотрим динамику численности мусульманского духовенства с членами их семей в изучаемый период времени. На момент образования в 1865 г., в Уфимской губернии число служителей мусульманского культа с семьями составляла 12306 чел.,[3] в 1866 г. – 12506 чел. (5865 мужского и 6641 женского пола), в 1867 г. – 12688 чел. (5945 мужского и 6743 женского пола), в 1868 г. – 12882 чел. (6035 мужского и 6847 женского пола), в 1869 г. – 13080 чел. (6132 мужского и 6948 женского пола)[4] и в 1871 г – 13708 чел.[5].

---

[1]Аминев З.Г., Ямаева, Л.А. О «вторичной исламизации башкир» (XVIII–XIX вв.) // Вестник Академии наук РБ. 2009. Том 30. № 1(93). С. 8.

[2]Касьянов, В.В., Петров, В.И. Православное и исламское духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX века. /В.В. Касьянов, И.В. Петров/Историческая и социальнообразовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 4. Ч.1. - С. 31; Петров, В.И. Духовенство среднего Поволжья и Южного Урала в пореформенный период/В.И. Петров/Теория и практика общественного развития. - 2010, - № 4. С. 231.

[3] Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап. 2002. С. 88.

[4] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картою губернии. - Уфа: Губернск. тип-я., 1873. Ч. 1. С. 9–38.

[5] Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. С. 88.

В 1870-х гг. численность мусульманского духовенства с членами их семей продолжала расти. Так, в 1870 г. их число составляло 13482 чел., в 1871 г. – 13708[1] и в 1874 –14756 чел. (6950 мужского и 7806 женского пола)[2].

В дальнейшем количество мусульманского духовенства также увеличивается. Так, в 1883 г. их число составляло 16635 чел. (7874 мужского и 8761 женского пола)[3], в 1894 г. – 18968 чел. (8979 мужского и 9989 женского пола)[4] и в 1903 г. – 21512 чел. (10245 мужского и 11267 женского пола)[5].

В 1904 г. общая численность мусульманского духовенства с членами их семей в Уфимской губернии стала 21916 чел. (10447 мужского и 11469 женского пола)[6], в 1905 г. – 22160 чел. (10581 мужского и 11579 женского пола)[7], в 1906 г. – 22487 чел. (10766 мужского и 11721 женского пола)[8] , в 1907 г. – 22867 чел. (10960 мужского и 11907 женского пола)[9], в 1908 г. – 23256 чел. (11146 мужского и 12110 женского пола)[10], в 1909 г. – 23619 чел. (11323 мужского и 12296 женского пола)[11], в 1910 г. – 24001 чел. (11523 мужского и 12478 женского пола)[12].

Таким образом, имеющиеся источники свидетельствуют, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. численность мусульманского духовенства и членов их семей постоянно возрастала, увеличившись с 12306 чел. в 1865 г. до 24001 чел. в 1910 г., то есть практически в два раза.

Что касается данных, свидетельствующих что к концу XIX в. в Уфимской губернии происходит уменьшение количества мусульманского духовенства, то они

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии с статистической картой губернии на 1873 г. Ч. I. С. 65–66.
[2] Уфимский календарь на 1876 год (високосный)/В.А. Новиков, Н.А. Гурвич. - Уфа: Печатня Н. Блохина, 1875. В. 1. С. 20–21.
[3] Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. - Уфа; Печатня Н. Блохина, 1883. С. 59-50.
[4] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. Уфа: тип. губ. правл., 1894. С. 55.
[5] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904. - Уфа: Тип-я губернск. правл-я., 1904. С. 25.
[6] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. - Уфа: Тип-я губернск. правл-я., 1905. С. 19.
[7] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. - Уфа: Тип-я губернск. правл-я., 1906. С. 32.
[8] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1907 год. - Уфа: Тип-я губернск. правл-я., 1907. С. 46.
[9] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. - Уфа: Тип-я губернск. правл-я., 1908. С. 33.
[10] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. - Уфа: Элект-я губернск. тип-я., 1909. С. 10.
[11] Там же. С. 50.
[12] Там же. С. 52.

связаны с особенностями его положения и развития и со спецификой проведения в регионе Первой всеобщей переписи населения 1897 г..

В циркуляре за номером 769 от 28 декабря 1896 года, адресованном земским начальникам и исходящем от уфимского губернатора Н.М. Богдановича, значилось следующее утверждение: «До сведения моего дошло, что одною из причин, вызывающих в среде магометанского населения губернии недоразумения по поводу предстоящей переписи, является вопрос о том каким званием будут отмечаться в переписных листах лица магометанского духовенства?»[1].

Поэтому, чтобы успокоить мусульманское население и прежде всего духовенство, было дано следующее объяснение: «что духовных лиц магометанского вероисповедания в 6-й графе переписных листов следует отмечать тем сословием, к которому они принадлежат по рождению (башкир, крестьянин, дворянин и т.д.), но в графе 14-й, вместо слова: «богослужение», как бы это следовало на точном основании правил о заполнении означенной графы, можно отмечать занимаемые сими лицами должности по магометанскому духовенству (ахун, мулла, азанчей при местной мечети)»[2].

В результате представители мусульманского духовенства, учитывая, что на законодательном уровне они составляли особое сословие, в переписных листах указывались в тех сословиях, к которому принадлежали до вступления в должность.

Несмотря на сравнительную однородность в рамках общеимперского социокультурного пространства, в пределах отдельных территорий оно имело свои особенности, обусловленные, прежде всего, спецификой развития самого региона.

На протяжении практически всего изучаемого периода времени основная доля исламского духовенства на территории Уфимской губернии размещалась в уездах, то есть была сельской. Безусловно, это определялось тем, что большая часть

[1] Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897. С. 151.
[2] Там же.

населения была уездной, то есть аграрной. Однако их распределение по уездам также было неравномерным.

Так, в 1866 г. из 12506 чел. мусульманских священнослужителей и членов их семей 58 чел. являлись городскими жителями и 12448 сельскими. В 1867 г. из 12688 чел. 57 жили в городах и 12631 в сельских населенных пунктах. В 1868 г. из 12882 чел. магометанского духовного сословия 58 проживали в городских и 12824 чел. в сельских поселениях. В 1869 г. из 13080 чел. 59 были городскими и 13021 сельскими жителями[1].

На протяжении всего указанного периода времени из шести городов Уфимской губернии представители мусульманского духовенства жили только в Уфе и Стерлитамаке.

В 1866 г. наибольшая часть мусульманского духовенства проживала в Белебеевском уезде Уфимской губернии – 3096 чел., (с членами семей), что составило 24,8% от их общей численности по губернии, в Бирском уезде – 2985 чел. (23,8), в Мензелинском уезде – 2499 чел. (19,9%), в Стерлитамакском уезде – 1954 человек (15,6%), в Уфимском уезде –1342 (10,7%) и наименьшее число в Златоустовском уезде – 584 чел. (4,6%)[2].

Данная ситуация сохранялась на протяжении второй половины 1860-х гг. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Динамика численности мусульманского духовенства с членами семей в 1860-х гг. по отдельным городам и уездам Уфимской губернии[3]

	1866 г.			1867 г.		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
Уфа	6	6	12	5	7	12
Уфимский уезд	620	710	1330	633	730	1363
Стерлитамак	23	23	46	22	23	45
Стерлитамакский уезд	946	1008	1954	939	1006	1945
Белебей	0	0	0	0	0	0
Белебеевский уезд	1506	1590	3096	1521	1614	3135
Мензелинск	0	0	0	0	0	0
Мензелинский уезд	1128	1371	2499	1149	1395	2544
Бирск	0	0	0	0	0	0

[1] Памятная книжка Уфимской губернии с статистической картой губернии на 1873 г. Ч. I. С. 36–38.
[2] Там же. С. 9–38.
[3] Там же.

Бирский уезд	1437	1548	2985	1473	1577	3050
Златоуст	0	0	0	0	0	0
Златоустовский уезд	199	385	584	203	391	594
В городах	29	29	58	27	30	57
В уездах	5836	6612	12448	5918	6713	12631
В губернии	5865	6641	12506	5945	6743	12688
	1868 г.			1869 г.		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
Уфа	5	7	12	5	7	12
Уфимский уезд	632	754	1386	649	760	1409
Стерлитамак	23	23	46	24	23	47
Стерлитамакский уезд	947	1019	1966	959	1039	1998
Белебей	0	0	0	0	0	0
Белебеевский уезд	1557	1641	3198	1578	1660	3238
Мензелинск	0	0	0	0	0	0
Мензелинский уезд	1153	1408	2561	1174	1429	2603
Бирск	0	0	0	0	0	0
Бирский уезд	1513	1598	3111	1536	1625	3161
Златоуст	0	0	0	0	0	0
Златоустовский уезд	205	397	602	207	405	612
В городах	28	30	58	29	30	59
В уездах	6007	6817	12824	6103	6918	13021
В губернии	6035	6847	12882	6132	6948	13080

В 1870 г. из 13482 чел. 59 жили в городах и 13423 в сельских населенных пунктах. В 1871 г. из 13708 чел. магометанского духовного сословия 57 проживали в городских и 13482 чел. в сельских поселениях[1]. В 1874 г. из 14756 чел. мусульманских священнослужителей 67 чел. проживали в городах и 14689 чел. в сельских поселениях (см. таблицу 3).

Таблица 3. Численность и расселение мусульманского духовенства с членами семей по отдельным городам и уездам Уфимской губернии в 1874 г.[2]

	1874 г.		
	М	Ж	Всего
Уфа	6	7	13
Уфимский уезд	740	836	1576
Стерлитамак	24	27	51
Стерлитамакский уезд	1154	1234	2388
Белебей	1	2	3
Белебеевский уезд	1718	1822	3540
Мензелинск	0	0	0
Мензелинский уезд	1380	1619	2999
Бирск	0	0	0
Бирский уезд	1681	1808	3489

[1] Памятная книжка Уфимской губернии с статистической картой губернии на 1873 г. Ч. I. Таблица 12.
[2] Уфимский календарь на 1876 год (високосный). С. 20–21.

Златосуст	0	0	0
Златоустовский уезд	247	451	698
В городах	31	36	67
В уездах	6919	7770	14689
Общее	6950	7806	14756

В 1874 г. наибольшая часть мусульманского духовенства проживала в Белебеевском уезде Уфимской губернии – 3543 чел., (с членами семей), что составило 24,0% от их общей численности по губернии, в Бирском уезде – 3489 чел. (23,6%), в Мензелинском уезде – 2999 чел. (20,3%), в Стерлитамакском уезде – 2388 человек (16,5%), в Уфимском уезде –1589 чел. (10,7%) и наименьшее число в Златоустовском уезде – 698 чел. (4,6%).

Еще одна особенность мусульманского духовенства Уфимской губернии была связана с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Рассмотрим коротко этнокультурную историю развития региона. После присоединения к Русскому государству население региона было достаточно длительное время однородным в национальном отношении и состояло в основном из башкир. Постепенно, с конца XVI – в начале XVII в. со Среднего Поволжья в Приуралье стали переселяться отдельные представители беглого нерусского населения Среднего Поволжья.

Практически одновременно из Казанского уезда в Предуралье направляются отряды служилых татар, поселявшихся с семьями на башкирских землях. Параллельно, с центральных, средневолжских и прикамских районов сюда переселяются крестьяне разных разрядов и др.[1].

С XVII в. на территории расселения башкир становятся известны тептяри, происхождение которых вызывает споры, но конфессиональная принадлежность определяется как мусульманская[2].

Несмотря на то, что состояние источников не позволяет определить точное количество башкир в XVI–XVII вв., по некоторым данным их общая численность в 20-30-е гг. XVIII в. на Южном Урале составляла 380000–390000 чел. По данным

[1] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. С. 185–187.
[2] Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности/Р.И. Якупов. - М.: Старый сад, 2001. 270 с.

I ревизии (1718–1724 гг.) в крае также насчитывалось марийцев – 4 668, татар – 3 943, удмуртов – 1 689, чувашей – 704, мордвы – 17 чел., всего 11 021 душ м. п.[1]

В середине и во второй половине XVIII в. наблюдается быстрый рост населения края, что происходило преимущественно за счет интенсивной колонизации. В результате, к рубежу XVIII–XIX вв. в 12 уездах Оренбургской губернии числилось 763873 чел. Из них русские – 352533 чел. (46,27%), башкиры – 157699 чел. (20,70%), татары – 74460 чел. (9,77%), чуваши – 36911 чел. (4,81%), марийцы – 15508 чел. (2,04%), мордва – 33554 (4,40%), удмурты – 4059 чел. (0,53%), тептяри – 45668 чел. (5,99%)[2].

Таким образом, на момент создания ОМДС Южный Урал сформировался как многонациональный и поликонфессиональный регион, мусульманская часть которого была представлена, в основном, башкирами, татарами и тептярями.

К концу XIX в. в Уфимской губернии, где согласно данным переписи 1897 г. проживало 1095706 мусульман[3], основными этническими составляющими мусульманского населения также являлись тюркоязычные башкиры, татары, тептяри[4]. Кроме того, мусульманской религии придерживалось некоторое количество марийцев, удмуртов и чувашей. В то же время среди народов, традиционно исповедующих ислам, были и те, кто вынужденно или добровольно принимали православие.

Так, в Уфимской губернии, где согласно данным переписи 1897 г. из 899910 чел. доля башкир – мусульман составляла 98,49% и православных башкир 1,51%, из 184817 чел. татар мусульмане составляли 78,58% и православные 21,42%, из 39955 чел. тептярей мусульмане составляли 97,5% и православные 1,6%, из 20957 чел. мещеряков мусульмане составляли 99,59% и православные 0,41%. Кроме того,

---

[1] Акманов И.Г. Территория, административное устройство и население // История башкирского народа: в 7 т. Т. III. С. 90–91.

[2] Кулбахтин Н.М., Буканова Р.Г. Территория, административные преобразования и население. Города Уфа и Оренбург – политические и экономические центры Башкортостана // История башкирского народа: в 7 т. Т. III. С. 245–246.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: Т. XLV. - СПб.: Центр. стат. комитетам МВД. 1904. Тетр. 2. С. VIII, 3.

[4] Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)/Л.А. Ямаева. - Уфа: Гилем, 2002. С. 61.

ислам исповедовали из 37289 чел. мордвы 96,42%, из 60616 чел. чувашей 1,53%, из 22501 чел. удмуртов 1,8%[1].

Вместе с тем, если обратиться к данным Переписи 1897 г., несмотря на специфику ее проведения в регионе, можно отметить, что из 1681 представителя мусульманского духовенства 1419 были башкиры, 165 татары, 34 мещеряки, 55 тептяри, 2 турка и т.д., то есть башкиры составляли 84,4%.[2].

В рассматриваемый период, совпавший с проведением реформ в стране, проявились тенденции к унификации правового положения тюркоязычных этносов региона, а также к сближению темпов их экономического роста и этнической интеграции. Несмотря на сохраняющиеся отличия в экономической, социальной и культурной сферах, башкиры, татары, тептяри, нередко проживавшие совместно в одних населенных пунктах[3], демонстрировали единство взглядов по многим вопросам, образуя своего рода «мусульманское сообщество», особенно в областях религии и образования[4].

В результате, к рубежу XIX–XX в. среди населения, исповедующего ислам, сложилось понятие о мусульманских народах как о национально-социальной общности. Не случайно на рубеже XIX–XX вв. общественно-политическое движение мусульман проходило сначала в рамках общемусульманского движения. Вместе с тем, основные этнические составляющие мусульманского населения – башкиры, татары, тептяри – выступали как единый «мусульманский народ», особенно в вопросах религии и просвещения, тем не менее, их национальная принадлежность отмечается во многих документах.

Все указанные данные достаточно сильно варьировались в зависимости от волостей и уездов. Так, подавляющее большинство исламского духовенства правобережных волостей Стерлитамакского уезда происходило из семей потомственных сельчан – башкир – вотчинников (местных мулл или детей

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: Т. XLV. - СПб.: Центр. стат. комитетам МВД. 1904. Тетр. 2. С. VIII, 3.
[2] Там же. С. 101-103.; Петров В.И. Духовенство среднего Поволжья и Южного Урала в пореформенный период. С. 231.
[3] ГАОО.Ф.6.Оп.6. Д.12979/15. Л.75.
[4] История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. IV. СПб.: Наука, 2011. С. 253–256.

здешнего крестьянства, получивших духовное образование и возвращавшихся служить домой, где был гарантированный земельный надел).

В 1917 г. из 10 мулл Азнаевской волости один священнослужитель был отмечен как татарин, все остальные как башкиры-вотчинники, в Арслановской волости все четверо зафиксированных мулл отмечены как башкиры, в Архангельской волости из пяти мулл четыре были зафиксированы как башкиры, один как «башкир, тептярь» и т.д.[1]

В то же время в разных населенных пунктах Богодинской волости Белебеевского уезда ситуация выглядела иначе. Здесь зафиксированы представители духовенства «башкир»[2], «тептярин»[3], «мещеряк»[4].

Выводы по параграфу. В течение долгого времени правительство не имело точных данных о количестве священнослужителей в регионе, но опасаясь увеличивающегося влияния мусульманского духовенства, оно разработало целый комплекс мероприятий, направленных на сокращение и сдерживание роста количества мечетей и священнослужителей-мусульман в стране.

Несмотря на это, в целом по территории, входящей в юрисдикцию ОМДС, с 1833 по 1916 гг. наблюдался устойчивый рост исламских институтов.

Аналогичная ситуация наблюдалась в изучаемый период и на территории Уфимской губернии, где на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. численность мусульманского духовенства и членов их семей постоянно возрастала, увеличившись с 12306 чел. в 1865 г. до 24001 чел. в 1910 г., то есть практически вдвое.

В отечественной литературе встречаются данные, что к концу XIX в. в Уфимской губернии происходит уменьшение количества мусульманского духовенства, численность которого вместе с членами их семей достигает около 1700 человек. Это обстоятельство объяснялось своеобразным статусом и эволюцией мусульманского духовенства, а также уникальными аспектами

---

[1] Роднов М.И. Сельский мулла Река времени 2004: сборник статей / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: "ООО ДизайнПолиграфСервис", 2005. С. 44, 46–52.
[2] НА РБ Ф.р-473, Оп.1. Д .713.
[3] Там же. Д. 680, 681, 682, 683, 690, 693, 709.
[4] Там же. Д. 708, 1518.

осуществления Первой всеобщей переписи населения 1897 года в данном регионе, в результате чего значительная часть представителей духовенства не была зафиксирована.

В пределах рассматриваемого временного отрезка, подавляющее большинство представителей исламского духовенства в Уфимской губернии располагалось в сельской местности, что обусловлено преобладанием аграрного населения. Однако, распределение духовенства между уездами губернии отличалось существенной неравномерностью.

Традиционно, наибольшая часть мусульманского духовенства проживала в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах, немногим меньше в Стерлитамакском и Уфимском и наименьшее число в Златоустовском уезде.

Особенность мусульманского духовенства Уфимской губернии связана с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. В результате, к рубежу XIX–XX в. среди сообщества, исповедующего ислам, сложилось понятие о мусульманских народах как о национально-социальной общности. Несмотря на общность мусульманского населения, включающего башкир, татар, тептярей, особенно в религиозных и образовательных аспектах, их этническая дифференциация зафиксирована в ряде официальных источников. Принадлежность к определенной этнической группе внутри мусульманской общины отражалась в документации, что свидетельствует о сохранении национального самосознания.

3.2 Социальное и материальное положение мусульманского духовенства

Представители мусульманского духовенства в дореволюционный период занимали особое положение среди служителей культа других религий в Российской империи. Это проявлялось не только в правовом положении и отношении к ним со стороны государства, но и прежде всего в специфике роли, которую они играли среди своих единоверцев. Указанное положение дел было вызвано особенностями исламской религии. В исламе, в отличие от иных мировых религий и верований,

отсутствует формализованный институт посредничества между верующим и Аллахом, подобный церковной организации, или лицом, обладающим божественной благодатью. Исключение составляет шиитское направление ислама, где признается особая связь между «людьми веры» и Всевышним, а также наблюдается более развитая иерархическая структура духовных лиц[1].

Вопреки распространенному мнению об отсутствии в исламе формального института священства или отдельного духовного класса, наделенного «божественной благодатью»[2], в мусульманстве сложилась своя уникальная «организационная структура, объединяющая лиц, обслуживающих идеологическую систему ислама», которая «лишь отдаленно напоминает христианские религиозные институты»[3].

В результате, если в православие или католицизме священником мог стать только тот, кто проходил таинство рукоположения в сан, то в исламе муллой мог быть любой образованный человек, которого выбирали сами прихожане.

Таким образом, служители мусульманского культа занимали среди единоверцев двойственное положение. С одной стороны, мулла имел схожие с прихожанами воспитание и ментальность, обучался в тех же учебных заведениях и получал такие же основы вероучения. Он наравне со всеми соблюдал все необходимые предписания и выполнял определенные свыше религиозные ритуалы, что в совокупности объединяло муллу с его прихожанами[4]. По этой причине, последние воспринимали муллу как «не постороннего для них человека, а человека их среды и беспрекословно подчинялись его авторитету. В этом отношении муллы имели значительные преимущества над русским православным духовенством»[5].

---

[1] Газимагомедов Р.И. Социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства/Р.И. Газимагомедов/Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: в 2 частях. - 2017. - Ч. 2. - С. 230.
[2] Константинова Н.А. Мусульмане на территории Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX веков.: дис. … кант. ист. наук. Иркутск, 2007. 222 с.
[3] Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston [etc.]: Mellen press, Cop. 2000. С. 136.
[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 133.
[5] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1907. С. 10.

Вместе с тем, поскольку он избирался членами своей общины, но утверждался в ОМДС и местными органами власти, то являлся также общественным лидером, представляя интересы прихожан во «внешнем мире» и связывая свой приход с государственными институтами.

Влияние мусульманского духовенства на членов своей общины во многом было обусловлено и той ролью, которую ислам играл в жизни любого мусульманина в прошлом, сопровождая его с первых дней жизни и до самой смерти, и даже после нее. Являясь в течение многих веков одним из самых значимых объединяющих факторов, влияющих практически на все аспекты жизнедеятельности людей, на формирование их общественного сознания, миропонимания, мировоззрения, психологию и т.д., ислам вплоть до начала XX в. был единственной идеологией в обществе, а духовенство выступало единственной идеологической силой. Поэтому авторитет среди своих единоверцев у духовенства был непререкаем[1].

В начале двадцатого столетия, известный ученый-исламовед, миссионер и этнограф Я.Д. Коблов акцентировал внимание на ряде важных моментов: «...Муллу в приходе не только почитают и уважают, но положительно боятся… . Достаточно одного его появления, чтобы шум и говор на улице стих, а самые разбитные, веселые и, по-видимому, самые храбрые из молодёжи попрятались, кому куда придётся»[2]. Известный путешественник М.А. Круковский, посетивший в 1908 г. Южный Урал, также отмечал, что муллы здесь «пользуются большим уважением и почетом от населения»[3].

Поскольку муллы несли ответственность за моральный облик прихожан, за которым они тщательно следили, то и активно боролись, и порицали те проступки, которые вели к развращению общины. Особое внимание они уделяли борьбе с алкоголем, который в исламе категорически запрещен. А.З. Валиди писал, вспоминая случай, когда ему на одежду «вылили остатки водки», что он «заплакал

[1] Газимагомедов Р.И. Социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. С. 232.
[2] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк/Я.Д. Коблов. - Казань, 1907. С. 9.
[3] Круковский М.А. Южный Урал: Путевые очерки: (С 140 фотогр. авт.). Москва: К.И. Тихомиров, 1909. С. 79.

от обиды и оскорбления, так как Кораном водка приравнена к человеческим испражнениям»[1].

Муллы не только убеждали на словах тех прихожан, которые попались за совершение тех или иных проступков, но и зачастую избивали, их несмотря на то, что сначала правительство Указом от 8 июня 1837 г., а затем и ОМДС в ноябре 1875 г. запретило духовенству наказывать провинившихся телесно[2].

Я.Д. Коблов в начале XX в. отмечал, что в случае нарушения дисциплины или ослушания, мулла «никогда не прочь прибегнуть к своему постоянному спутнику-посоху», особенно сурово он обращается с выпившими людьми, которых «мулла бьет палкой без долгих рассуждений»[3].

Следует признать, что не только мулла осуществлял контроль за моральным состоянием своих верующих, но и сами прихожане тщательно наблюдали за действиями своего духовного лидера. Ввиду того, что служитель ислама, в силу своего авторитетного положения в обществе, воспринимался не только как представитель веры, но и как воплощение власти и закона, от него ожидали безупречного поведения, служащего образцом для подражания. Подобное пристальное внимание к нравственному облику муллы было обусловлено его ролью в мусульманской общине, где он выступал не только как религиозный наставник, но и как общественный деятель, чьи поступки оказывали влияние на формирование моральных принципов и норм поведения среди населения. Поэтому соответствие муллы высоким моральным стандартам являлось важным условием поддержания доверия и уважения к нему со стороны прихожан[4].

Жалобы от верующих и представителей власти на того или иного служителя культа периодически поступали в Оренбургское магометанское духовное собрание, несмотря на авторитет и положение духовенства.

---

[1] Валиди А.З. Воспоминания. Кн. 1. Уфа: Китап. С. 66.
[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 167.
[3] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1907. С. 9.
[4] Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис ... канд. ист. наук: Маликов Рашид Ильязович. - Казань, 2012. С. 134.

Так, к примеру, в 1901 г. в ОМДС со всей Уфимской губернии поступило 44 жалобы на представителей приходского мусульманского духовенства, в том числе 6 из Белебеевского уезда[1], 12 из Бирского[2], 2 из Златоустовского[3], 9 из Мензелинского[4], 7 из Стерлитамакского[5] и 8 из Уфимского уезда[6].

Основная их масса касалась ненадлежащего выполнения муллами своих профессиональных обязанностей, хотя среди них попадались и достаточно нехарактерные для общей массы. Так, в марте 1901 г. житель д. Ново–Именево Мензелинского уезда М. Мухаметьянов обвинил имама Таймасова в «прилюбодейской связи с его женой»[7]. Тогда же имам Х. Хузякулуев из д. Аккулево Белебеевского уезда написал рапорт, в котором обвинил другого имама Мухаметманиева в «пьянстве и непосещении мечети»[8].

Жалобы были в основном одиночные, однако в некоторых случаях они писались от имени всей общины. Так, в 1901 г. в ОМДС поступил документ от 35 человек – прихожан 2-й Кармановской мечети Бирского уезда Уфимской губернии, которые жаловались на частые отлучки из прихода и неисполнение своих обязанностей муэдзина Абдулсабирова[9]. В некоторых случаях обращались и органы власти, как это произошло с имамом Тугашевым из д. Синяшево, Белебевского уезда, которого Губернское правление через ОМДС ходатайствовало отстранить от должности за взяточничество и другие поступки[10].

Неоднократно отмечалось, что социальный статус исламского духовенства в Российской империи существенно отличался от положения православного духовенства. Ключевое различие заключалось в том, что гражданские права и обязанности мусульманских священнослужителей определялись их

[1] НА РБ. И-295. Оп. 6. Д. 141, 143, 144, 146, 149, 150.
[2] Там же. Д. 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163.
[3] Там же. Д. 167, 204.
[4] Там же. Д. 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 183.
[5] Там же. Д. 185, 186, 187, 191, 192, 193, 194.
[6] Там же. Д. 195, 197, 199, 201, 203, 206, 207, 221.
[7] НА РБ. И-295. Оп. 6.Д. 175.
[8] Там же. Д. 144.
[9] НА РБ. И-295. Оп. 6. Д. 160.
[10] Там же. Д. 150.

принадлежностью к конкретному сословию, будь то крестьянство, казачество или мещанство.

Так, в положении из указа от 31 августа 1826 г. говорилось, что «духовные чины Оренбургского Магометанского округа подлежат платежу повинностей, смотря по сословию», что перешло и в «Устав иностранных исповеданий» в одной из редакций начала XX в. Вместе с тем, стоит отметить, что в этом же законодательном акте представители шиитского и суннитского духовенств Кавказа были свободны от «платежа казенных повинностей»[1].

В связи с этим, до определенного момента существовали некоторые различия и в социальном положении духовенства – выходцев из башкир, мещеряков и тептярей. Так, в период Кантонной системы управления в Оренбургской губернии (1798–1865 гг.), значительная часть мусульманского духовенства – башкирские муллы, находясь в подчинении командующего Башкиро-мещерякского войска, освобождались от командировок на пограничную линию, не платили налоги на отправление по линии почтовой гоньбы и т.д. В то же время, имамы и муэдзины из тептярей несли разного рода повинности наравне с простыми членами общества. Статус тептярских и башкирских священнослужителей был выровнен только после принятия 14 мая 1863 г. Положения о башкирах[2].

Хотя муллы не были официально выделены в отдельную категорию законом, подобно православным священникам, правительство стремилось включить мусульманское духовенство в структуру государственного управления. С этой целью предоставлялись определенные преференции и преимущества, направленные на укрепление их общественного положения, обеспечение защиты и улучшение материального благосостояния.

Так, согласно указу, принятому 31 августа 1826 г., мусульманские приходы на основе добровольных общественных приговоров, могли освобождать своих мулл от уплаты налогов, принимая их выплату на себя. Также мусульманские

---

[1] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М., 2001. С. 255 –256.; Ислам и право в России. Правовой статус Ислама на Северном Кавказе., 2004. - 189 с.

[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 105.

священнослужители, по приказам от 12 апреля 1834 г. и 13 февраля 1837 г., не платили подати на отправление по линии почтовой гоньбы и составление запасных капиталов вместо хлеба[1].

Эти и другие меры привели к тому, что представители исламского духовенства, относящиеся до избрания на свои должности к разным сословным группам, стали консолидироваться в особую привилегированную с характерным для нее набором прав и обязанностей, и беспрепятственно исполнять государственные и религиозные обязанности[2].

В результате, по мнению Б.Х. Юлдашбаева, к концу XIX в. мусульманское духовенство составило так называемую новую национальную «знать», куда входили представители старой элиты из «благородных» сословий, т.е. татар и башкир, которые получили в свое время тарханство; башкиры из кантонного чиновничества; чиновники из административных, судебных и полицейских учреждений[3].

Об исключительности положения мусульманских священнослужителей свидетельствует также тот факт, что, несмотря на их принадлежность к податным сословиям, они были освобождены от телесных наказаний. Основная часть – до официального снятия с них духовного сана, а ахуны, хатыбы и имамы ОМДС с середины XIX в. были полностью освобождены от этого вида наказания[4].

Еще одной привилегией стало освобождение мулл от службы в иррегулярных войсках. Первыми его получили муллы башкирского и казачьего сословий (по указу от 10 апреля 1798 г.), а затем имамы и других сословий (высочайше утвержденным мнением 20 февраля 1850 г.). И хотя пользовались они этой привилегией до военных реформ 1874 г., когда муллы не были включены в список

---

[1] Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII-начало XX вв.: дис ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 272 с.

[2] Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 117.

[3] Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). С. 106.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 25, отд. 1-е. № 23932

лиц, освобожденных от новой всеобщей воинской повинности[1], тем не менее это подчеркивало исключительность их положения.

Также стоит отметить еще один момент. У представителей православного духовенства, чье положение, как особое сословие, было законодательно оформлено государством в 1832 г. «Законом о состояниях», существовала практика перехода церковных должностей по наследству от отца к сыну[2].

По мнению исследователя русской церкви А.В. Карташева, одной из основных причин, по которой русское православное духовенство стремилось передавать свои должности по наследству, являлось крепостное право. То есть, священнослужители через свою наследственность, спасали членов семьи от перехода в низшие (податные) крестьянское и мещанское сословия, чьи социальные статусы были на порядок ниже. Примечательно, что в случае отсутствия наследника или невесты-наследницы, семья священнослужителя имела право продать приходское место[3].

Среди мусульманского духовенства, (хоть и в меньшей степени), также наблюдалось формирование династий потомственных священнослужителей, хотя бы в двух поколениях. Так, в своде «Асар» Р. Фахреддина часто указывается, что отец или другие близкие родственники того или иного служителя исламского культа сами были представителями духовенства[4].

В Сеитовском посаде Оренбургского уезда Оренбургской губернии в 1-й соборной мечети на разных должностях и при разных духовных званиях работало пять поколений одной семьи: старшие муллы А. Мухаммедшарифов (1743–1826) с сыном Г. Абдрахмановым (1790–1843), младшие муллы – внук Х. Г. Аминев (?–1882) и правнук Г.Х. Аминев (1859–1893), муэдзин – праправнук Г.Г. Аминев. В

[1] Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 118.
[2] Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX - начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 341–342.
[3] Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Том II. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 444, 449.
[4] Р. Фахреддин. Асар. Т. 3, 4. С. 533, 535, 538 и т.д.

том же уезде в пос. Воздвиженское с 1760-х гг. по 1920-е гг. несли духовную службу четыре поколения муллы С. Хусейнова, его дети, внуки и правнук[1].

В начале XX в. в дд. Тугаево и Янурусово Макаровской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии отмечены муллы из семейного клана Бигушевых. В д. Кулгунино Гирей-Кипчакской волости того же уезда зафиксированы Габдулмуталлап Габдулкаримов и предположительно его сын Габдулмуталлапов Габдулмуталлап[2].

Широко были известны в конце XIX – начале XX по всей Уфимской губернии братья Мухаметвали и Ахметьян Валидовы, которые не только служили в 1-ой соборной мечети д. Кузяново Юрматынской волости Стерлитамакского уезда, но и открыли при ней медресе. Здесь же во 2-й соборной мечети д. Кузяново служил Ахметша Ахметшинович Валидов – отец известного деятеля, лидера башкирского национального движения Ахмет Заки-Валиди Тогана. В свою очередь, мать А.З. Валиди происходила из не менее известной семьи религиозных деятелей Сатлыковых[3].

Особое положение мусульманского духовенства, по сравнению со священнослужителями господствующей православной церкви, проявлялось и в вопросе его финансового обеспечения со стороны государства. Так, согласно церковному законодательству, православное приходское духовенство получало вознаграждения за исполнение треб, имело определенные доходы с имеющихся церковных земель, проценты с вкладов, если таковые были. С 1842 г. приходскому духовенству западных губерний выдавалось жалованье из казны. Материальное обеспечение белого духовенства осуществлялось двумя способами: субсидиями и наделением землей[4].

---

[1] Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 119.

[2] Роднов М.И. Сельский мулла // Река времени 2004: сборник статей. Уфа: ООО Дизайн Полиграф Сервис, 2005. С. 43.

[3] Валиди А.З. Воспоминания. С. 19–27; Роднов М.И. Сельский мулла. С. 43.

[4] Андреев Г.В. Проблема материального обеспечения и регулирование имущественного положения православного приходского духовенства российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Университетский научный журнал. 2019. № 50. С. 93.

Государство постоянно принимало меры по улучшению материального положения православного приходского духовенства, однако даже к началу XX в. доля тех священнослужителей, которые не получали денег, была достаточно высока. Так, казенное пособие имели в 1910 г. 29 984 причта (духовенство одного прихода), не получали 10 996 причта, в 1912 г. деньги выплачивали священнослужителям 31218 причта, и не платили более 11 тыс. В 1916 г. из общего числа приходских священнослужителей в России –111 697 чел., а 25 992 чел. духовных не получали казенного жалования[1].

В большинстве случаев, служители мусульманского культа сами несли ответственность за свое материальное обеспечение, не имея гарантированного жалованья, в том числе и от членов общины, что будет рассмотрено детальнее ниже. Так, в 1854 году, в пределах Оренбургского уезда Оренбургской губернии, лишь 37 из 185 имамов и муэдзинов получали регулярную финансовую поддержку от прихожан. Данный факт указывает на то, что значительная часть духовенства не располагала постоянным источником дохода. Отсутствие стабильной заработной платы ставило священнослужителей в зависимое положение от других видов деятельности или пожертвований[2].

Д.Н. Денисов полагал, что материальное обеспечение мусульманского духовенства формировалось из нескольких ключевых источников. Среди них выделяются обязательные отчисления закята, либо коллективная обработка земли общиной. Значительную часть составляла оплата за проведение религиозных обрядов и церемоний. Важную роль играли добровольные пожертвования верующих. Также, в качестве источника дохода выступала фидия – выкуп за грехи усопшего. Дополнительные средства поступали в виде платы за обучение в религиозных учебных заведениях, таких как мектебе и медресе. Наконец, доходы от ведения сельского хозяйства и занятия предпринимательством также служили важным источником финансирования для духовенства[3].

---

[1] Панфилова Е.В. Материальное обеспечение приходского священника в конце XIX – начале XX веков // Наука, образование и культура. 2017. № 4 (19). С. 24.

[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. Уфа, 1999. С. 106.

[3] Денисов Д.Н. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4 (140). С. 85.

Закят – это предписанное исламом обязательство для состоятельных мусульман по уплате конкретной суммы средств или передаче материальных благ в поддержку тех, кто испытывает нужду. Основываясь на Священном Коране, где закят упоминается тридцать раз, он признается одним из пяти фундаментальных столпов исламской веры. Эта практика направлена на перераспределение богатства и уменьшение социального неравенства в мусульманском сообществе. Войдя в правоприменительную практику в 623 г., то есть на второй год после исхода мусульманской общины из Мекки в Медину, закят стал неотъемлемой частью классического мусульманского права[1].

По мере распространения ислама на территории современной России, закят становится важной частью налогово-финансовой системы таких государственных образований как Волжская Булгария[2], а затем и Казанского ханства[3]. После присоединения Урало-Поволжья к Российскому государству место закята, по мнению О.И. Анучина, заняла милостыня (садака) – единовременные денежные пожертвования или отчисления части доходов[4].

Согласно точке зрения, представленной А.Б. Юнусовой, в башкирской среде наблюдается тенденция к отождествлению терминов «закят» и «садака». При этом термин «садака» используется для обозначения добровольных пожертвований, осуществляемых мусульманами. Эти средства, как правило, предназначались для финансирования деятельности мечетей, религиозных учебных заведений и обеспечения нужд представителей духовенства. Институт вакуфов у башкир не получил должного развития. Хотя в Российской империи конца XIX столетия среди мусульман, преимущественно татар, наблюдался состоятельный класс купцов и буржуазии, к 1889 году Оренбургское магометанское духовное собрание владело

[1] Нуриев Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве/Б.Д. Нуриев/Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. - 2015. - Т. 21. - № 3. - С. 178–179.
[2] Мухамадеев А.Р. Правовая культура в налоговой политике Волжской Болгарии: основные налоги мусульманского периода // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 114–117.
[3] Хисматуллин Б.Р. Ясак и ушр как основные виды государственных налогов в Казанском ханстве // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. С. 271–280.
[4] Анучин О.И. Особенности мусульманской благотворительности в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). ч. 4. С. 70–71.

лишь 21 вакуфным имуществом во всех своих приходах, охватывающих 23 губернии и области империи[1].

В исламе предусмотрены обязательные отчисления на нужды благотворительности: закят, составляющий 2,5% от капитала, и десятина (гешер) от собранного урожая зерновых. В первые годы XX века насчитывалось 123 мектеба, которые полностью содержались на частные пожертвования. Помимо этого, 322 мектеба пользовались материальной поддержкой со стороны сельских обществ. С последних десятилетий XIX века уездные земства эпизодически оказывали помощь, задокументировано 319 подобных случаев. Объемы земского финансирования отличались незначительностью. Величина денежных средств, выделяемых мусульманским школам в сельской местности, варьировалась от 3 до 40 рублей[2]. Выделение более значительных сумм являлось исключительным случаем: «Уфимская Государственная Дума постановлением от 6 июня 1911 г. назначила пособие на содержание мектебов при 2, 3, 5-ой соборных мечетях г. Уфы по 150 руб. каждому»[3].

В целом, закят, как обязательная ежегодная очистительная милостыня выплачивался согласно мусульманским законам свободными мусульманами, достигшими совершеннолетнего возраста. За детей и психически нездоровых людей (если у них было имущество), выплаты производились их опекунами. Закят вносили в год один раз с «четырех основных видов имущества: наличных денег (сюда же относятся золотые и серебряные украшения), домашнего скота (верблюдов, коров и овец), продуктов земледелия (пшеница, ячмень, финики и изюм), предметов торговли и дохода от нее»[4].

Закят предназначался большой категории людей – нищим, у которых нет необходимого, больным, которые ввиду болезни не могут заработать и т.д.. Первоочередное направление закята – помощь бедным и тем, кто посвятил свою

---

[1] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. С. 86–87.
[2] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография. Уфа, 2012. 168 с.
[3] НА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. – Д. 2535. Л. 7.
[4] Кулиев Э.Р. Исламоведение: учеб. псобие/Э.Р. Кулиев, под. ред. М.Ф. Муртазина. - М.: Изд-во Московского исламского ун-та, 2008. С. 180.

жизнь служению Всевышнему. Известный знаток татарского быта П. А. Шино в середине XIX в. отмечал, что «всякому мулле милостыни подают более, нежели всем нищим деревни вместе» взятым[1].

Не менее важным источником доходов мусульманского духовенства являлась оплата за совершение религиозных обрядов, связанных с жизненным циклом людей. После рождения ребенка муллу приглашали для проведения процедуры наречения имени. Также он проводил обряды религиозного бракосочетания – никах, погребения (джаназа) (Приложение. Рис. 7) и поминовения усопших. Плата за их проведение не была строго фиксированной и зависела прежде всего от достатка и пожелания людей.

В середине XIX века, как свидетельствуют архивные источники, в Уфимском уезде Оренбургской губернии мусульманские духовные лица получали вознаграждение за свои религиозные обязанности. В частности, за молитву, совершаемую над новорожденными, им полагалось 3 копейки. При проведении похоронных обрядов оплата производилась как вещами, так и денежными средствами, общая сумма которых могла достигать 20 копеек. За совершение обряда бракосочетания духовенство получало вознаграждение в размере 1 копейки с каждого рубля серебром, в зависимости от размера калыма[2].

Государственное регулирование жизнедеятельности мусульманского населения и его духовенства в Российской империи коснулось и оплаты выполнения обрядов жизненного цикла. В результате, в начале XIX вознаграждение за проведение обрядов бракосочетания и погребения не должно было превышать 20 копеек. К концу того же столетия расценки изменились и выглядели следующим образом. В сельской местности и деревнях гонорар муллы за проведение погребального обряда варьировался от 20 копеек до 2 рублей. Оформление бракосочетания (никах) оценивалось в пределах 15–20 копеек. Составление необходимого брачного соглашения обходилось желающим вступить

[1] Денисов Д.Н. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии). Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4 (140). С. 85-89.
[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 107.

в брак в сумму от 1 до 2 рублей. В городах эти услуги стоили выше. Для сравнения можно привести цены для православных священнослужителей, которые в начале XX в. в среднем выглядели следующим образом: крещение младенца – 50 коп., венчание – 5 рублей и похороны – 3 рубля[1].

Важнейшим источником финансирования для мусульманского духовенства служили добровольные взносы верующих, особенно во время двух главных религиозных торжеств: праздника разговения (Ид аль-Фитр, также известного как Ураза-байрам) и праздника жертвоприношения (Ид аль-Адха или Курбан-байрам). По завершении поста в месяц Рамадан каждый мусульманин должен совершить обязательное пожертвование (садака аль-фитр) за себя и за каждого мужчину, находящегося на его обеспечении, включая несовершеннолетних сыновей, подопечных и престарелых отцов. Важно отметить, что, в отличие от закята, выплата садака разговения является обязательной, независимо от финансового состояния человека[2].

В традиционных мусульманских учебных заведениях преподаватели не получали установленную заработную плату. Финансирование осуществлялось посредством добровольных пожертвований, которые могли поступать в виде денежных средств, продовольствия или дров для отопления. Сумма взносов определялась на основе материального положения семей учащихся. В начале XX века стоимость обучения в Оренбургской губернии колебалась от 25 копеек до 2 рублей в год с одного ученика. Дети из малоимущих семей полностью освобождались от каких-либо взносов. Несмотря на необязательный и дифференцированный характер системы оплаты, она обеспечивала мусульманскому духовенству значительную прибавку к их доходам. Согласно данным 1908 года, в Оренбургской губернии из 1369 преподавателей, работавших в мектебе и медресе, только 16 человек (1%) преподавали безвозмездно, 566 человек (41%) имели неопределенное вознаграждение, 71 педагог (5%) получал

[1] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 318.
[2] Денисов Д.Н. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии). 2012. № 4 (140). С. 85–89.

менее 50 рублей в год, 108 человек (8%) – от 50 до 100 рублей, 58 человек (4%) – от 100 до 150 рублей, 16 человек (1%) – от 150 до 200 рублей, и 514 человек (38%) получали более 200 рублей в год[1].

В начале XX века доходы мусульманских приходов значительно различались в зависимости от их местоположения. Сельские общины, как правило, обеспечивали духовенство годовым доходом в размере от 200 до 700 рублей. Городские же приходы демонстрировали существенно более высокие показатели, достигая 2000 – 3000 рублей в год. Примечательно, что структура доходов также различалась. В сельской местности преобладала натуральная форма оплаты, включая зерно и другие сельскохозяйственные продукты. В городах же основным источником дохода являлись денежные поступления. Эти различия отражали экономические особенности сельской и городской жизни в то время[2].

Духовенство, помимо исполнения своих религиозных функций, уделяло время сельскохозяйственной деятельности, изготовлению продукции и ведению торговых сделок.

К примеру, основная масса мулл и муэдзинов Стерлитамакского уезда была достаточно хорошо обеспечена землей. При этом, правобережье Белой относилось к многоземельным районам и надел в 105,5 дес. здесь редкостью не являлся, хотя основную его часть составлял лес. Широкое распространение приобрела аренда пашни и покосов. Но немалая часть мулл (посторонние, не имевшие прав на наследственный надел земли) получали землю для прокормления своих семей только на срок службы. Мусульманские священнослужители держали немало скота, некоторые приобретали дорогой инвентарь (чаще всего сепараторы)[3].

Муэдзин М. Коюмов из д. Актау Богодинской волости Белебеевского уезда в 1917 г. имел 7 голов лошадей, 12 быков, 7 коров, 25 овец и т.д., кроме того, у него было 15 пчелиных ульев, 1 мельница. Также он занимался земледелием, высеивая достаточно большое количество зерновых[4]. В 1862 году наиболее значительным

[1] Денисов Д.Н. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии). 2012. № 4 (140). С. 85–89.
[2] Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. С. 26.
[3] Роднов М.И. Сельский мулла. С. 45.
[4] НА РБ. Ф.р-473. Оп. 1. Д. 680.

конским табуном, насчитывавшем 700 особей, владел мулла Аллаберде Джаналин, проживавший в деревне Кутучевой. Его кочевья располагались вдоль реки Ток, в пределах Оренбургского уезда[1].

Выводы по параграфу. Представители мусульманского духовенства традиционно имели высокий социальный статус среди единоверцев в возглавляемых ими приходах. Вклад этих выдающихся людей в историю обусловлен их высокими моральными качествами, дарованиями, образом жизни и индивидуальными особенностями. Если духовный наставник серьезно относился к своим обязанностям, демонстрировал глубокие познания не только в религиозных канонах, но и в насущных проблемах, а также отстаивал религиозные и светские установления, он обретал заслуженное уважение среди прихожан. Подобный служитель культа превращался в авторитетного руководителя в общественной и культурной сфере жизни религиозной группы. Он являлся образцом для подражания и оказывал существенное влияние на формирование ценностей и убеждений своих последователей.

Приход мог избрать нового духовного лидера в случае, если прихожане не были удовлетворены его работой. Материальное положение мусульманских духовных лиц напрямую зависело от разнообразных видов деятельности в приходе, от эффективности выполнения ими обязанностей и индивидуального старания (ведение хозяйства, ремесла, охота и так далее), заботы о собственном благополучии.

3.3. Служебно-идеологические и культурно-просветительские функции

В Российской империи духовенство, в независимости от конфессиональной принадлежности, играло особую роль, поскольку выполняло важные социальные, культурно–просветительские и государственные функции. Именно через служителей культов государство влияло на массовое настроение и сознание

[1] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. 194 с.

населения страны. Таким образом, духовенство, выступая в нескольких ипостасях – как проводник государственной идеологии на местах, хранитель духовно–нравственных основ общества и, выполняя непосредственно культурные и просветительские функции, зачастую являлось посредником между властью и простым народом.

Учреждение правительством Духовного собрания диктовалось не только стремлением к созданию подконтрольного государству учреждения для надзора и управления мусульманской общиной. Изначально предполагалось его использование в качестве средства для подготовки лояльной к имперским порядкам группы духовных лидеров, рекрутированных из числа российских граждан. Эти лица должны были стать барьером на пути распространения антиправительственной и антиправославной исламской идеологии, исходившей из соседней Османской империи и среднеазиатских ханств[1].

Учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) явилось актом признания со стороны правительства Российской империи правомочности мусульманского духовенства, действовавшего в европейских губерниях и сибирских регионах. Впоследствии власти начали политику взаимодействия с мусульманским клиром, стремясь в будущем привлечь мулл к выполнению определенных административных обязанностей. Важным аспектом являлось то, что духовные лица, приступая к своим обязанностям, давали присягу на верность российскому императору, держа в руках Коран. Текст этой присяги был аналогичен тексту присяги, которую приносили государственные чиновники, поступающие на службу[2]. Свидетелями данной клятвы являлись имам и представитель местной власти. Показательна фраза данной клятвы «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови»[3] самодержцу.

---

[1] Загидуллин И.К.Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дис. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2006. 545 с.
[2] Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 5.
[3] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. С. 178.

Администрация в 1860-х гг. отмечала, что «фанатизм глубоко проник в многочисленное магометанское духовенство, которое, приняв на себя обязанность ограждения религии и воспитания иноверческого юношества, приобрело огромное влияние на умы башкир»[1]. Учитывая значительное влияние духовенства на своих единоверцев, правительство стремилось через них сформировать и укрепить в общественном сознании мусульман мысль, «что долг каждого верноподданного – служить своему истинному, природному государю-императору верно и… ревниво оберегая интересы государства от посягательства врагов»[2]. Вследствие этого, духовным лидерам было дано указание «при каждом удобном случае и возможно чаще прочитывать это наставление прихожанам и внушать, что каждый правоверный мусульманин обязан повиноваться властям и законам, противозаконных деяний не творить, быть покорным судьбе, во всем терпеливым и уповать на всемилостивейшего Аллаха»[3].

Также мусульманам прививалось почитание к членам царствующего дома, преданность Российскому престолу и т.д. Для этого, в так называемые «царские дни», то есть, связанные с торжественными событиями из жизни царя и членов его семьи, мулла должен был организовывать общественные собрания, на которых проводились моления за здравие императорского дома[4].

Особо торжественно отмечались дни коронации российского императора, о чем духовенство заранее предупреждалось через ОМДС. Торжество сводилось к религиозному ритуалу — совершению общественной молитвы и произношению духовным лицом хутбы[5]. Пренебрежение к данным мероприятиям со стороны духовенства и неисполнение прямых обязанностей по проведению молитвы за

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13762/1. Л. 13.
[2] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 15.
[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 3-4.
[4] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1841-1901 гг. - Уфа, Оренбург. магометан. духовн. собр., 1905. С. 224-225.
[5] Загидуллин И.К.Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дис. ... д-ра. ист. наук. Казань.2006. 545 с.

здравие царской семьи каралось достаточно жестко и могло привести к увольнению с занимаемой должности[1].

Поскольку до начала XX в. представители многих народов в сельской местности не знали русского языка, а местные чиновники не владели языками «инородцев», правительство использовало мусульманское духовенство для распространения важной, с точки зрения государства, информации среди российских подданных мусульманского вероисповедания. Для этого, чтобы донести многочисленные указы, манифесты, распоряжения и т.д., из центра или от органов местной власти до каждого духовного лица, использовались каналы ОМДС.

В полиэтнических областях Российской империи руководящие посты в губерниях и уездах, включая административные, правоохранительные и военные, занимали преимущественно лица православного вероисповедания. Это обстоятельство нередко порождало недоверие со стороны мусульманского населения. В связи с этим, для правительства наиболее эффективным решением было взаимодействие с мусульманским духовенством. Мечети, вовлеченные в реализацию государственных задач, фактически выполняли функции административных учреждений, а муллы, в свою очередь, выступали как представители власти, обладающие знанием местных особенностей и обычаев. Таким образом, государство стремилось наладить коммуникацию и укрепить свою власть посредством использования авторитета духовных лидеров и религиозных институтов в многонациональных регионах[2].

В связи с тем, что религиозные деятели, а именно муллы, традиционно осуществляли все ритуальные действия, сопутствующие важным событиям в жизни людей, включая рождение, наречение имени, бракосочетание, кончину и поминовение, правительство стало разрабатывать стратегии вовлечения их в процесс официальной регистрации гражданских актов.

---

[1] Наганава Норихиро. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. /Наганава Норихиро/ Татарские мусульманские приходы в Российской империи. - 2006. - С. 114.

[2] Загидуллин И.К.Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII - начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дис. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2006. С. 196.

Государство стремилось использовать влияние мулл, обусловленное их центральной ролью в проведении обрядов, для облегчения учета демографических изменений и юридического оформления ключевых событий в жизни граждан. Это было направлено на повышение эффективности государственного управления и контроля в сфере гражданской регистрации.

В рамках работы с мусульманским населением, государственные структуры, включая исполнительные и судебные органы, вынуждены были заниматься установлением персональных данных, таких как возраст, социальное положение, наличие родственных отношений и семейный статус. Это необходимо для решения юридических вопросов, связанных с распределением наследства, установлением меры наказания за правонарушения, проведением призывных мероприятий и выполнением других юридических действий. Возникающие при этом затруднения требовали точной идентификации и верификации указанных сведений.

В связи с потребностью в систематизированном учете мусульман, проживающих на территории Российской империи, было обнародовано официальное распоряжение Сенатом от 21 сентября 1828 года в форме указа «О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому духовному магометанскому управлению»[1]. В соответствии с этим законодательным актом, ответственность за внесение записей о гражданском состоянии была возложена на церковных служителей приходов. В 1832 г. ведением метрических книг стало заниматься мусульманское духовенство Крыма, а в 1872 г. – Закавказья[2].

Стоит отметить, что аналогичные законодательные акты в отношение православного населения были приняты еще в 1702 г. и 1722 г.; что касается представителей других конфессий, то законы о точном и постоянном ведении метрических книг были приняты для представителей католической церкви в 1826 г., евангелическо-лютеранской церкви – в 1832 г., иудаизма – в 1835 г., старообрядческой – в 1874 и 1906 гг., и для баптистской – в 1879 и 1906 гг.[3].

---

[1] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1830. Т. III. № 2296. С. 837–840.

[2] Агаджанян А. Верт. П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи/А. Верт П. Агаджанян/Государство, религия и церковь в России и за рубежом М.: Новое литературное обозрение, - 2012. - № 3-4 (30). С. 125.

[3] Салахова Э.К. Мусульманские метрические книги России // Гасырлар авазы – Эхо веков, № 1, 2018. С. 82.

Сфера влияния указа охватывала территории, находившиеся в пределах юрисдикции упомянутых религиозных институтов. В частности, его действие распространялось на Оренбургскую губернию и другие земли, где ОМДС осуществляло духовное руководство. Аналогичным образом, указ имел силу в Таврической губернии и прилегающих районах, контролируемых Таврическим магометанским духовным правлением.

Согласно данному указу, ОМДС каждый год предоставляло губернскому правлению по два экземпляра специально прошнурованных книг, которые должны были рассылаться «приходским имамам или другим духовным чинам»[1], лицам, осуществлявшим религиозные функции в том или ином приходе, для того чтобы последние вели записи о рождении, заключении брака или смерти членов общины на основе арабской графики.

После окончания календарного года одна из двух заполненных метрических книг возвращалась обратно в ОМДС. Для данной процедуры метрическая книга передавалась в ближайший окружной или уездный суд. Возврат осуществлялся через губернские органы власти, а второй экземпляр оставался в мечетях[2].

Книга, остававшаяся в той мечети, где ее заполнили, использовалась в местном делопроизводстве для решения текущих дел и выдачи необходимых метрических справок. Вторая книга, возвращенная в ОМДС, являлась контролирующим дубликатом, чтобы муллы на местах не делали приписки и не вносили ложные данные.

Финансирование создания метрических книг происходило за счет средств, вносимых самими мусульманскими сообществами. Аккумулирование указанных денежных сумм происходило посредством районных полицейских инстанций и глав сельских общин. При передаче книжной продукции муллам или иным лицам, представляющим мусульманское духовенство, взимался установленный платеж. Начиная с 1829 года, размер данного сбора составлял 50 копеек ассигнациями за

[1] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С. 177–179.
[2] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1830. Т. III. № 2296. С. 837–840.

каждый комплект из двух книг. С 1873 года сумма изменилась и была установлена в размере 25 копеек серебром. К началу XX века размер сборов был увеличен до 35 копеек серебром за пару. Таким образом, мусульманские общины несли прямую финансовую ответственность за ведение и учет записей о рождении, браке и смерти своих членов[1]. Примечательно, что в целях обеспечения метрическими книгами приходов с башкирским населением, Духовное управление обращалось непосредственно к волостным старшинам, которые, в свою очередь, спускали их сельским старостам[2].

Внесение записей в метрические книги являлось обязанностью приходских имамов, однако в определенных ситуациях ведение документации возлагалось на муэдзинов. Последнее происходило чаще всего в городских приходах, где на имамов были возложены преподавательская деятельность в медресе и общественная работа[3].

Первоначально метрические книги делились на три раздела («книги»): «книга для записки родившихся», «книга для записки сочетания и развода браков», «книга для записки умерших», куда вносили соответствующие записи. Позднее их поделили на четыре части, выделив отдельно раздел бракосочетавшихся и отдельно раздел о бракоразводах.

В начале книги размещалась таблица для внесения сводных статистических данных о количестве новорожденных, заключенных браках, разводах и умерших людей. Раздельный учет статистических сведений проводился для мужчин и женщин.

В заключительной части документа находилась таблица, содержащая информацию о служителях культа (ФИО, возраст, документы о назначении, полученное образование), поселениях (наименования, расстояние до центра, административная принадлежность), мечетях (наличие разрешения на постройку) и количестве жителей махалли. Формы метрик постоянно менялись,

---

[1] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 90.
[2] Там же. С. 90-91.
[3] Салахова Э.К. Мусульманские метрические книги России. С. 84.

совершенствуясь и усложняясь за счет внесения новых данных. В первоначальных метрических книгах фиксировались лишь имена и отчества, со временем записи расширились, включив имя, отчество, фамилию, этническую принадлежность и социальный статус каждого из родителей.

В метрических книгах, помимо прочих, расписывались родители появившихся на свет младенцев, молодожены, а также лица, предоставлявшие махр. Точность и детализация информации в этих записях во многом определялась имамом, ответственным за их ведение. Язык татарских метрик, используемый в исследовании, обнаруживает сходство с современным татарским языком, однако содержит значительное количество арабизмов, особенно в разделе, посвященном разводам. В этой части документации широко применяются шариатские термины и выражения, отражающие правовые аспекты расторжения брака. Подписи ставились лично или удостоверялись тамгой[1].

В указе «О введении в употребление метрических книг…» было отмечено, что в «шнуровых книгах» необходимо вести записи о рождении, смерти, заключении и расторжении брака мусульман, однако не прописывались порядок и правила их ведения. В результате это приводило к допущению неточностей в правописании имен даже одного и того же человека, что имело негативные последствия в дальнейшем, поскольку из-за ошибок братья и сестры, дети и родители по документам юридически не состояли между собой в родстве. Зачастую муллы не вовремя вносили необходимые данные, могли ошибиться и указать одно и тоже событие дважды, не фиксировали важные условия брака или развода, забывали просить свидетелей поставить свои подписи, что также осложняло ведение гражданских дел.

Лишь к исходу XIX столетия, благодаря усилиям Ризаэтдина Фахретдинова (1853–1936), занимавшего должность кадия (судьи) в ОМДС, были систематизированы наиболее частые ошибки и упущения, допускаемые муллами, и определены нормы, способствовавшие организации документооборота. Для

[1] Ишеев М. Исследование и публикация метрических книг мусульман Российской империи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.tatargen.ru/muslim-registers.pdf. (Дата обращения 21.06.2024).

упорядочения делопроизводства, Р. Фахретдинов разработал и представил «Правила о ведении метрических книг», которые были утверждены Духовным управлением и изданы 15 октября 1893 года[1]. Уточнения к некоторым вопросам оформления гражданского состояния были представлены в дополнительных указаниях ОМДС, изданных в 1892, 1900 и 1901 годах[2].

Аналогично ситуации, сложившейся с православным духовенством, мусульманские религиозные деятели были наделены государственными полномочиями. В их компетенцию вошло юридическое оформление гражданского состояния и обеспечение прав жителей Российской империи[3].

Данное положение было официально установлено в пункте 5 указа, касающегося ведения метрических книг мусульман, в котором было прописано: «присутственные места в рассматриваемых ими делах требуют нужных сведений о вышеупомянутых случаях от приходских имамов, в засвидетельствованной ими выписке из тех книг; а если будет нужно более удостовериться в оных, то обращаются с подобным требованием чрез Губернское Правление к Оренбургскому магометанскому духовному собранию»[4].

Постепенно, по мере государственной необходимости, административные функции приходских мулл расширялись за счет добавления новых обязанностей. Когда после длительных дискуссий в Государственном Совете по всем спорным пунктам 1 января 1874 г. император Александр II утвердил Устав о воинской повинности, его первая статья содержала такие слова: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности»[5].

Эта всесословная воинская повинность была введена для каждого подданного Российской империи, достигшего 21 года, который должен был

---

[1] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 90-94.
[2] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. С.37–42, 64–67, 69–71, 105–109, 185–186.
[3] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. С.179.
[4] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1830. Т. III. № 2296. С.840.
[5] Рудник С.Н. Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №. 1 (09). С. 18.

отслужить в общей сложности 15 лет, из которых 6 лет в строю и 9 лет в запасе[1]. В результате, 14 мая 1874 года было принято высочайше утвержденное решение Государственного Совета под названием «О передаче задачи составления метрических данных о мусульманах в ответственность приходских мулл». В соответствии с данным постановлением, на имамов местных религиозных общин ОМДС была возложена ответственность за систематическое предоставление информации, касающейся учетных данных всех лиц, исповедующих ислам и подлежащих призыву на военную службу. Фактически, на них была возложена функция первичного учета военнообязанных[2].

Для реализации данной цели, духовные лица обязаны были предоставить в компетентные инстанции до 15 января собственноручно подписанный перечень юношей (в двойном экземпляре), достигающих 21-летнего возраста в текущем году. В этом списке необходимо было указать полное имя призывника, дату его рождения, а также имя и фамилию его отца, либо, при его отсутствии, матери. В случае смерти потенциального новобранца, требовалось указать точную дату его ухода из жизни[3].

Согласно постановлению Государственного Совета, получившему силу высочайшего указа от 19 января 1893 года, сведения о рождении следовало подавать до 15 января. Указанные данные охватывали всех новорожденных, появившихся на свет в промежуток времени с первого октября предыдущего года по первое октября текущего года. Согласно распоряжению ОМДС от 9 августа 1895 года, на мулл была возложена обязанность незамедлительного уведомления волостных управлений о случаях смерти запасных нижних чинов, проживавших в пределах их юрисдикции[4]. Данная информация подлежала передаче непосредственно после погребения, что отличалось от существовавшего ранее

[1] Ушаков Ю.Н. Военные реформы Д.А. Милютина // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 12. С. 158-159.
[2] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1874. Т. III. № 53522. С. 772.
[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. С. 14-15.
[4] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. 2012. №11 (266). С. 90-94

порядка, при котором сведения предоставлялись исключительно по запросу со стороны местных органов власти[1].

Следует подчеркнуть, что на IV Всероссийском съезде мусульман, проходившем с 15 по 25 июня 1914 года, состоялось принятие значимого решения «Проект положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи»[2]. Этот документ предусматривал стандартизацию структуры управления религиозной жизнью мусульман на всей территории государства, в основном подтверждая необходимость сохранения за представителями духовенства обязательств по составлению и ведению документации гражданского назначения.

Официально заполнением метрических книг представители приходского духовенства занимались до конца 1917 г., когда большевики, придя к власти, принимают решение признать только гражданские браки и отстранить Церковь от ведения семейных брачных вопросов. Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. передавали функции учета книг актов гражданского состояния ЗАГСам. Эти документы стали основой для формирования принципов и ключевых аспектов правового регулирования брачно-семейных отношений в СССР. Они послужили отправной точкой для создания советского семейного законодательства[3].

Однако, из-за начавшихся событий Гражданской войны их реализация была отложена и мусульманское духовенство по традиции продолжало вести метрические книги до 1930-х гг., хотя они и не имели юридической силы. В дальнейшем, эти функции передавались в городские, уездные, волостные земские управы, а с созданием органов ЗАГС – в их волостные, уездные и губернские отделы[4].

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. С. 114.

[2] Усманова Д.М. Механизм реализации норм мусульманского права в Российской империи к вопросу о метрикации мусульманского населения Волго-Уральского региона на рубеже XIX–XX вв./Д.М. Усманова/Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». - 2004. - В. 2. С. 47.

[3] Фабричная Т.Б. О некоторых аспектах семейного законодательства РСФСР в 1917-1926 годах. 2014. № 3 (27). С. 55.

[4] Салахова Э.К. Мусульманские метрические книги России. С. 84.

Основной обязанностью мусульманского духовенства оставалось управление религиозной жизнью общины, что включало в себя моральное руководство верующими и поддержание религиозных догматов; проведение ежедневных пятикратных молитв, религиозных обрядов, сопровождавших важные события в жизни мусульман. При появлении новорожденного, муллу приглашали для произнесения азана и выбора имени младенцу. Он также проводил обряд никаха, то есть бракосочетание, в соответствии с установлениями шариата – мусульманского религиозного закона. В момент смерти человека мулла наставлял его чтением суры «Ясин», а после кончины сопровождал тело усопшего до места захоронения[1]. Даже после смерти люди искали его присутствия, чтобы мулла читал суры из Корана и возносил дога (молитвы) за ушедших в мир иной. Следовательно, в жизни мусульманина не существовало значимых событий, в которых бы он не нуждался в обращении к мулле для удовлетворения религиозных потребностей[2].

Ключевое место в богослужении имамов занимали проповеди, которые они совершали как в мечети, так и на дому, сопровождая их чтением аятов Корана и хадисов с их толкованием. В культовых зданиях – мечетях проповеди проводили либо до, либо после коллективных намазов, но обязательно в пятницу и в дни религиозных праздников.

В своих выступлениях муллы порицали случаи безнравственного поведения, нарушение традиционных религиозных норм и постулатов кого-либо из мусульман. Зачастую осуждались и влияния моды, такие как ношение костюма, брюк европейского покроя, отращивание длинных усов и др.[3].

Сами муллы одевались достаточно скромно, их непременными религиозными атрибутами были чалма, чапан, посох (Приложение. Рис. 8).

Стоит отметить, что многими из них не принимались не только нововведения в окружающей среде, но и те, что касались непосредственно жизни мусульман. Так,

---

[1] Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX в. /Г.Ш. Мавлютова/ Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 4 (43). С.175-179.
[2] Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиознобытовой очерк. С. 16.
[3] Амишов Р. И. Особенности проповедей приходского мусульманского духовенства Волго-Камья в начале XX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 1. С. 11–12.

несмотря на фетву муфтия ОМДС произносить проповеди на родном языке[1], в начале XX в. на страницах мусульманских СМИ возникает дискуссия, на каком языке стоит читать хутбу – родном или арабском. Кадимисты считали, что хутбу надо произносить на языке Корана, джадидисты – на родном языке[2].

Каждый мулла, как духовный наставник общины должен был следить за нравственным состоянием своих прихожан, их моральным обликом. Особенно активно они боролись с алкоголизмом, хотя это зло в меньшей степени затронуло в тот период мусульманские деревни в сравнении с другими жителями Уфимской губернии.

В ряде ситуаций злоупотребление спиртными напитками становилось причиной развития психических расстройств. В частности, в 1913 году, при проведении учета лиц с психическими заболеваниями в Уфимской губернии, медицинские работники фиксировали многочисленные случаи нарушения психического здоровья у местных башкир, татар и тептярей. Причиной этих расстройств указывалось исключительно «чрезмерное употребление водки»[3]. Стоит отметить, что даже источники и материалы по истории Дагестана первой половины XIX в. показывают, что распитие алкоголя было довольно распространенным явлением[4].

В конце XIX в. доктор Д.П. Никольский, долгие годы работавший среди башкирского населения, отмечал: «Завзятых пьяниц между последними не встречается…; если такого увидит мулла, то виновного наказывает»[5]. Ему вторил в начале XX в. Я.Д. Коблов, писавший: «Если прихожане видели выпившего члена своего прихода, то незамедлительно тащили его к мулле. Он же, не жалея сил, наказывал, даже бил палкой»[6].

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836–1903 гг. - Казань: Иман. 2004. С. 116–117.

[2] Амишов Р. И. Особенности проповедей приходского мусульманского духовенства Волго-Камья в начале XX века. С. 11.

[3] Мигранова Э.В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 500.

[4] Мусаев М. Запрет на употребление алкоголя в Исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 107.

[5] Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Д.П. Никольский. - СПб.: Тип-я П.П. Сойкина, 1899. С. 75.

[6] Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. С. 9.

Так, комиссия по вопросам алкоголизма в 1913 г. провела изучение его распространения среди населения Уфимской губернии путем опроса, разослав специальные формуляры (карточки) для сбора информации. Из трех тысяч анкет было получено 1682 ответа, включающих данные от различных религиозных групп. В частности, из христианских поселений поступила 961 заполненная анкета, из мусульманских областей – 621. Старообрядческие общины предоставили 62 ответа, а лютеране и католики – 30. Наименьшее число анкет, 8 штук, пришло из регионов, где исповедуют языческие верования. В качестве корреспондентов в данном исследовании приняли участие представители разных профессий: 42 учителя, 26 священнослужителей, а также 2 медицинских работника (фельдшера). Значительный вклад внесли 190 волостных и сельских писарей, а также образованные крестьяне, предоставившие ценную информацию для анализа[1].

На вопрос «Кто учит трезвости?», больше всего (358 чел.) назвали муллу; за священников высказались 173 чел.; за учителей – 72 чел.; за докторов и фельдшеров – 7 чел.[2].

В полном подчинении мусульманскому духовенству находилась система народного образования и воспитания[3]. Это было обусловлено тем обстоятельством, что в исламе образование, тесно связанное с воспитанием, рассматривалось не только как инструмент для познания основ и ценностей ислама, но и как способ формирования в человеке добродетели, которая лежала в основе нравственности[4].

Исторически сложилось, что на территории России мусульмане получали образование в мектебах, представляющих собой начальные школы, существовавшие при мечетях и медресе. Последнее являлось учебным заведением второй ступени, где обучались юноши, уже прошедшие учебу в мектебе. Оба

[1] Мигранова Э.В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. С. 497–498.
[2] Там же. С. 497–498, 502.
[3] Курбанов М.А. К вопросу о взаимоотношениях власти и духовенства в Дагестане в XX веке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные наук 2016. № 4 (73). С. 39.
[4] Абакарова Р.М. Образование и воспитание в мусульманской практической философии (этике) // Исламоведение. 2010. № 2. С. 75, 77.

термина – «мектебе» и «медресе» имеют арабское происхождение и означают «место где пишут» и «место где дают уроки» соответственно[1].

По мнению Б.Х. Юлдашбаева, на протяжении длительного периода времени учебные заведения российских мусульман – башкир, татар и др. назывались только «медресе». Термин «мектебе» вошел в употребление в 1880-е годы, под влиянием турецкой системы образования. В Турции учебные заведения, известные под общим наименованием «мектебе», классифицировались в зависимости от уровня и специализации, включая мектебе-итидаи (начальная ступень), мектебе-рушди (городское училище), мектебе-игдади (гимназия), дарульмугаллимин-мектебе (педагогическое училище), дарульфунун-мектебе (университет) и мектебе-аскари (военное учебное заведение). К началу XX века среди мусульманского населения России термин «мектебе» стал преимущественно ассоциироваться с начальными школами, в то время как название «медресе» закрепилось за учебными заведениями более высокой ступени. В прошлом, начальные школы составляли основную часть сети мусульманских учебных заведений в регионе[2].

В совокупности, они являлись той основой, которая служила для подготовки, в том числе, и мусульманского духовенства. Оба типа учебных заведений действовали во всех местах, где компактно жили мусульмане, что позволяло любому человеку, исповедовавшему ислам, получить религиозное образование[3].

В 1913 году состоялось частное собрание имамов, представлявших различные города и поселения Российской империи. Инициатором выступило Общество по оказанию помощи нуждающимся мусульманам. В ходе совещания, по запросу Департамента иностранных исповеданий, были рассмотрены вопросы, касающиеся функционирования мусульманских начальных (мектебы) и средних (медресе) учебных заведений. Итоговые резолюции содержали следующие положения[4].

---

[1] Очерки по методике преподавания русского и родных языков в национальной школе. М.: изд. АПН РСФСР, 1954. С 7-9.
[2] Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. С. 243.
[3] Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. 2018. № 4 (310). С. 13.
[4] Хасанова А.Г. Мусульманские образовательные учреждения в Уфимской губернии. 2021. № 2 (36). С. 118-122.

«Мектеб и медресе – это места, в которых обучают правилам мусульманской религии и нравственности»[1]. «Цель мектебе заключается в том, чтобы детей мусульман научить чтению, письму и законам ислама и воспитать их нравственно, указать путь к счастью в этой и загробной жизни и послужить спокойствию и благополучию страны»[2].

«Медресе же готовит лиц, знакомых со светскими и религиозными науками, понимающих новые потребности времени и способных эти знания передать другим, то есть муфтиев, кадиев (судей), мударисов (учителей, профессоров), мугаллимов, ученых-юристов (знающих мусульманское право), проповедников, имамов и муэдзинов»[3].

Согласно выводам исследователей, возникновение мусульманских учебных заведений в пределах нынешней Республики Башкортостан обусловлено экспансией исламской религии, окончательно завершившейся в период с XIV по первую половину XVI столетий. На начальном этапе образовательный процесс осуществлялся миссионерами, прибывавшими из таких значимых исламских центров, как Бухара и Багдад. Эти религиозные деятели, распространяя мусульманское вероучение, обучали коренных жителей основам арабской письменности[4].

Постепенно обязанности, связанные с образованием, начали переходить к местным жителям. В частности, башкиры, завершившие обучение в мусульманских образовательных учреждениях Средней Азии и Ближнего Востока, занимались распространением знаний, перемещаясь между башкирскими волостями и обучая всех желающих. Этот формат передвижных школ продолжал существовать до конца XVIII столетия[5].

Следует подчеркнуть, что обычай организации мусульманских учебных заведений, в пределах башкирских кочевых территорий, сохранялся вплоть до

---

[1] Там же. С. 120.
[2] Там же. С. 120-121.
[3] Хасанова А.Г. Мусульманские образовательные учреждения в Уфимской губернии. 2021. № 2 (36). С. 120–121.
[4] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография/А.З. Кулбахтина. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. С. 16.
[5] Там же. С. 14.

рубежа XVIII и XIX столетий. Так, по словам известного общественного деятеля, историка, религиозного и общественного деятеля XIX–XX века М.Уметбаева, в своё время «мударрисы со своими шакирдами тоже выезжали на кочевья. Один из них – учитель моего отца Хаммат хазрет из соседней деревни Бишул Мансазы кочевал в долине реки Карламан с около сотней своих учеников»[1].

При этом, вопрос о времени появления и распространения мусульманских учебных заведений в регионе остается открытым. Так, Р. Фахретдинов считал, что это произошло в начале XVI в., с чем в целом согласно большинство современных ученых[2].

А.З. Кулбахтина полагает, что, хотя документальное подтверждение существования мусульманских школ относится к периоду не ранее второй половины XVII столетия, их фактическое возникновение произошло раньше. По ее мнению, появление данных учебных заведений следует отнести к концу XV века, когда на территории башкирских поселений началось активное строительство мечетей[3].

Мусульманские школы, такие как мектебы и медресе, где обучение проводилось преимущественно местными муллами и преподавателями (мударрисами), финансировались за счет пожертвований и взносов, поступающих непосредственно от членов мусульманской общины. Зачастую, их содержали сами муллы, которые также занимались обеспечением книгами и учебными пособиями[4].

Каждый настоятель мечети, занимая свою должность, обещал прихожанам учить детей не только основам вероучения, но и азам чтения, арабской графики и т.д. В случае, если мулла не сдерживал данное им слово, люди могли пожаловаться на него в ОМДС или на собрании принять общее решение выбрать для общины нового духовного наставника и руководителя[5]. Так, в 1819 г. в ОМДС поступила

---

[1] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в./М.Н. Фархшатов. М.: Наука. 1994. С. 15.
[2] Аминов Т.М., Бенин В.Л. Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии. С. 119.
[3] Кулбахтина А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX XX веков: монография/А.З. Кулбахтина. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. С. 16.
[4] Фахруддин Р. Асар. Т. 3, 4. С. 29.
[5] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в./М.Н. Фархшатов. - М.: Наука. 1994. С. 18, 55.

жалоба от жителей д. Шиганаево Уфимской губернии на муллу Ю. Зингильдинова и учителя К. Абдулхаликова, что они «халатно относятся» к своим обязанностям[1]. Тогда же жители еще одного населенного пункта того же уезда – д. Немисларовой пожаловались на своего имама М. Диньмухаметова[2].

Учеба во многом была связана с особенностями жизни населения края. Согласно утверждению В.М. Черемшанского: «Обучение в школах предоставлено приходским муллам и производится преимущественно в зимнее время; летом же большая часть учащихся увольняется от учения для занятия посевными работами»[3]. Об этом же говорилось и в официальных документах этого времени[4].

В конце девятнадцатого столетия Д.П. Никольский акцентировал внимание на особой значимости духовных лиц в сфере образования на данной территории: «Мусульманское духовенство, на обязанности которого лежало обучение детей, повсеместно отнесло его к своему делу, и нет мечети, где бы мулла не обучал не только детей, но и взрослых, которые нередко посещали школу, которая имелась при каждой мечети»[5].

Власть неоднократно пыталась ввести контроль над мусульманскими учебными заведениями, что неизменно наталкивалось на сопротивление мусульман. В результате, царское правительство в 1882 г. принимает решение оставить медресе и мектебе «в прежнем положении» и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них[6].

Поскольку государство не участвовало ни в финансировании, ни в контроле над мусульманскими учебными заведениями, то вплоть до середины XIX века официальной программы обучения и уставов не имелось. Мугаллим работал, исходя из принципа «что знаю сам, тому и обучаю». В результате, в учебном курсе основное место занимали богословские предметы, однако учащимся давались

[1] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 25. Л. 1–2.
[2] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 26. Л.1–2.
[3] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно- статическом, этнографическом, промышленном отношениях/В.М. Черемшанский. - Уфа: Ижд-е учен. ком-та Мин. гос. имущ. 1859. С. 140.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/15. Л. 70.
[5] Никольский Д.П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование/ Д.П. Никольский. - СПб.: Тип-я П.П. Сойкина. 1899. С. 117.
[6] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в./М.Н. Фархшатов. М.: Наука. 1994. С. 48.

также знания по математическим, естественным, гуманитарным и другим дисциплинам. В младших группах обучение происходило на региональном литературно-письменном языке тюрки, в старших – на арабском и частично на персидском.

В благоприятных обстоятельствах, совместное образование мальчиков и девочек продолжалось до достижения ими подросткового возраста. В тех случаях, когда совместное обучение было невозможным, образование девочек осуществлялось на дому под руководством женщины-педагога, как правило, жены муллы, именуемой абыстай[1].

Влияние мусульманского духовенства на образование в крае росло по мере увеличения количества медресе и мектебе. Документально известно, что многие учебные заведения мусульман появились достаточно давно. Так, в 1709 г. было открыто крупное медресе в д. Сундук (после 1865 г. Бирский уезд), в 1713 г. в д. Сытырман, в 1720 г. в д. Стерлибашево, в 1746 г. – в Сеитовском посаде (под Оренбургом), в 1767 г. в д. Тазларово (Бирский уезд), в 1771 г. в д. Балыклы (Стерлитамакский уезд) и др.[2].

Вместе с тем, вопрос о численности мусульманских учебных заведении в крае до середины XIX в. остается открытым. К рубежу XIX столетия в пределах Оренбургской губернии функционировало приблизительно сто учебных заведений для башкирских и татарских детей[3]. По мнению некоторых исследователей, на территории Башкирии с конца XVIII в. и до середины XIX в. произошло шестикратное увеличение мусульманских школ и двукратное в следующие 15–20 лет. Всего в 1851 г. в башкирских селениях было 306 частных школ[4]. К 1865 году, когда была упразднена кантонная система управления и образования в Уфимской губернии, в регионе функционировало более шести сотен мусульманских учебных

[1] Аминов Т.М., Бенин В.Л. Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии. С. 119–120.
[2] Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. С. 243.
[3] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в./М.Н. Фархшатов. - М.: Наука. 1994. С. 17.
[4] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. С. 60–61.

заведений, включая мектебе и медресе. Общее количество учащихся в этих образовательных учреждениях превышало 20 тысяч человек[1].

Данные об их численности не отличаются однозначностью. Например, согласно информации, предоставленной самим Духовным собранием в 1860 году действовало 386 мектебов и медресе. В 1865 году Оренбургский муфтий сообщал о наличии в регионе 570 школ, функционировавших при мечетях. Официальные источники предоставляли иную статистику. В 1860 году руководство башкирского войска сообщало о наличии 607–629 школ. Н.А. Крыжановский, занимавший пост Оренбургского генерал-губернатора, заявлял о наличии свыше 600 татарских медресе. А.А. Залежский, окружной инспектор Казанского учебного округа, указывал на 575 подобных учебных заведений[2]. В отчете уфимского губернатора за 1865 год фигурировали 814 мектебов и медресе, расположенных исключительно в пределах его губернии. Согласно данным Духовного собрания, в 1868 году в Уфимской губернии насчитывалось 356 школ башкирского и татарского типа, а в Оренбургской губернии – 137 таких учебных заведений. «Списки населенных мест» этих двух губерний, составленные в период с 1866 по 1870 годы, указывали на наличие 808 и 150 исламских учебных заведений соответственно[3].

Данное противоречие в количественных показателях было вызвано, в том числе, недоверием местного мусульманского населения, скрывавшего те или иные сведения от представителей власти. Не случайно, когда в 1887 г. в Духовное управление пришло распоряжение сообщить точные сведения о численности «магометанских школ в селениях и количестве учащихся», они не смогли предоставить полные данные[4].

Отмена в 1861 г. крепостного права в России, упразднение в 1865 г. кантонной системы управления, последовавшие буржуазные реформы 1860-1870-х гг., определили не только социально-экономическое развитие населения края, но и дали новый толчок деятельности мектебов и медресе, приведя к их росту. В

[1] НА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 206. Л. 45 об. – 46.
[2] Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия / сост. Т.М.Аминов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 429 с.
[3] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 55.
[4] НА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 455. Л. 3.

результате, если в 1851 г. в башкирских селениях было 306 частных школ, то в 1865 г. их число в деревнях составляло 600, где обучалось более 20 тыс. учащихся[1].

Ввиду присутствия внутренних несоответствий в статистических материалах, относящихся к мектебам и медресе в десятилетие 1870-1880 годов, нельзя утверждать об абсолютной полноте доступной информации. В 1875 году канцелярия Оренбургского генерал-губернатора направила в Департамент просвещения отчет, в котором упоминались 204 мусульманских учебных заведения. Четыре года спустя, в 1879 году, по запросу того же генерал-губернатора, Уфимский губернатор предоставил список, содержащий сведения о 357 функционирующих мектебах и медресе. Согласно данным, зафиксированным в Списке населенных мест по Уфимской губернии в 1885 году, при мечетях действовало 604 школы. По данным переписи мектебов, проведенной уфимским земством в 1912–1913 годах, примерно 600 из обследованных школ были основаны до середины 1880-х годов[2].

По мнению М.Н. Фархшатова, решению вопроса о количестве коранических школ в определенной степени могут способствовать данные по количеству мечетей и мусульманского духовенства. Исследователь, опираясь на сведения современников о том, что практически при каждой мечети было свое учебное заведение, предложил рассматривать данные по количеству храмов.

В конце XIX в. этнограф С.Г. Рыбаков отмечал, что не было уже ни одной башкирской деревни, где бы не имелось мечети, «а, следовательно, и школ»[3]. Также считал и М.В. Лоссиевский в начале XX в. «Эти медресе и мектебе рассеяны повсюду, где есть башкирское или татарское население; редкая деревня не имеет своей мечети, а где мечеть, значит – там есть мулла, там и мектебе и медресе»[4].

К 1860 году на территории Южного Урала действовало 1850 мусульманских храмов. Спустя почти три десятилетия, в 1889 году, количество культовых

---

[1] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. С. 60–61.

[2] Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия / сост. Т.М.Аминов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 429с.; Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 56.

[3] Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта/С.Г. Рыбаков. - СПб.: Тип-я Имп. АН. 1897. С. 9.

[4] Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. Уфа: Губернская Типография, 1903. С. 13.

сооружений ислама возросло до 1896. Наибольшая концентрация мечетей наблюдалась в Уфимской губернии, где их насчитывалось 1936. В Оренбургской губернии располагалось около 500 мечетей[1].

По мнению М.И. Обухова, к 1914 году в Уфимской губернии насчитывалось 1579 мектебов, из них 1001 была открыта по инициативе местных имамов, 135 – от частных лиц, 61 – учителями, 9 – муазинами, 6 – мугаллимами, 2 – благотворительными обществами, 15 – «неизвестно кем» и 350 мектебов – по инициативе сельского (городского) обществ или приходов[2].

В Белебеевском уезде функционировала 361 мектебе, в Бирском – 382, в Златоустовском – 48, в Стерлитамакском – 227, в Мензелинском – 411, в Уфимском – 150. Большенство мектебе находились в сельской местности[3].

В период с 1913 по 1915 годы на территории Уфимской губернии функционировало 1579 мектебов. Большая часть этих учебных заведений, а именно 1566, располагалась в сельской местности, в то время как в городах их насчитывалось всего 13. В Оренбургской губернии количество мектебов было значительно меньше и составляло 436. В 1913 году общее число учащихся в мектебах обеих губерний достигало примерно 91 тысячи человек, при этом девочек – чуть более 18 тысяч от общего числа шакирдов[4].

Поскольку приходские муллы, следившие за духовно-нравственным состоянием своей общины, опирались на нормы шариата и следили за тем, чтобы их выполняли прихожане. Духовенство округа ОМДС было также наделено судебными и нотариальными функциями.

Шариат (с арабского – «путь», «следование») – это регламентированный свод правил поведения правоверного мусульманина, содержащий предписания и обрядовые нормы почитания Аллаха, позволения и запреты на те или иные

---

[1] Кулбахтина А.З. Реформирование традиционной школы мусульман в Башкирии на рубеже XIX-XX веков: дисс. канд. ист. наук. - Уфа, 2010. - 229 с.

[2] Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии Стат. очерк тат. и башк. низших шк. (мектебов) Уфим. губ. по данным исслед. Уфим. губ. зем. управы 1912-13 г. / Сост. по поруч. Управы М.И. Обухов. — Уфа : Уфим. губ. зем. управа, 1915. С. 7.

[3] Там же. С. 9.

[4] Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. С. 243.

действия, призванные регулировать отношение мусульманина к единоверцам, обществу и к Всевышнему. Также в нем были сведены воедино нормы морали и этики, законы, регулирующие хозяйственную и общественную жизнь людей, мусульманские обряды, праздники и т.д. Источниками шариата и мусульманского права являются Коран, Сунна, иджма и кияс.

С шариатом тесно связано понятие адат – неписаный закон, опирающийся на обычное право, который во многом проецировал традиционные обычаи, нормы правовых комплексов и т.д. доисламского периода развития народов, не отражённые в шариате, но оставшиеся в коллективном сознании. Несмотря на существующую между ними связь, среди исследователей нет единой точки зрения насколько правомерно соотносить и проводить параллель между адатом и шариатом.

Некоторые мусульманские ученые считают, что в ходе длительного периода времени нормы адата были вытеснены шариатом, однако часть правоведов – мусульман отводят адату определенную роль в регулировании общественных отношений, оговаривая, что адаты не должны противоречить шариату, но в случае возникновения между ними нестыковок, они должны отвергаться[1].

Согласно исламской доктрине, шариат не являлся творением людей, а был ниспослан Аллахом через его пророка и посланника Мухаммада (570–632 гг.). Поэтому, правители мусульманских стран не имеют права сами формировать право законодательным путем, а могут только издавать административные акты в определяемых шариатом границах, а также контролировать справедливое исполнение правосудия. А.А. Манторовым были выделены следующие основные признаки шариатского права: а) неизмененость, поскольку был ниспослан от бога, а не дан людьми; б) дарован Аллахом один раз и навеки; в) регулирует все сферы бытия, а не только отношения, представляющие значимость для государства[2].

[1] Магомедов М.С., Магомедова П. Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10. С. 159–160.
[2] Манторов А.А. Исламское право и шариат: превосходство и проблемы // Теология: теория и практика. 2022. Т. 1. № 3. С. 72.

Поэтому, одной из главных функций мусульманской общины являлось обеспечение функционирования норм шариатского права, что традиционно осуществлялось казыями (кади) – шариатскими судьями, создающими нормы права (фетвы)[1].

На Южном Урале, несмотря на достигнутые успехи ислама, к XIV в. шариат, как комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, определяющих исламский образ жизни, так и не стал господствующим. Во многих башкирских племенах местное обычное право (гадат хокугы) преобладало. Для северо-западных башкир, расселявшихся в приграничных областях с Казанским ханством, шариат и обычное право действовали параллельно[2].

Однако, несмотря на то, что ислам не имел столь сильного воздействия на массовое сознание башкир как, например, в Средней Азии или на Кавказе, постепенно становился и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные стороны их бытия[3].

В результате, уже к началу XVIII в. у башкир мусульманское право получило довольно широкое распространение. Оно существовало параллельно с обычным и общероссийским. Споры по земельному вопросу, случаи убийства и грабежи составляли исключительную компетенцию уфимского воеводы. Однако, учитывая удаленность Уфы, а также то, что местное мусульманское население видело злоупотребления со стороны администрации, оно не спешило обращаться в воеводскую канцелярию. Поэтому, основная часть дел решалась в шариатских и третейских судах. Нередко при вынесении тех или иных решений, судьи, преимущественно ахуны или муллы, руководствовались не только правилами шариата, но и обычного права. Так, за неоднократные кражи виновных привязывали к конскому хвосту и пускали лошадь во весь опор[4].

---

[1] Хабутдинов А.Ю. Эволюция института шариатских судей (казыев) у мусульман Волго-Уральского региона в конце XVIII-начале XXI вв./А.Ю. Хабутдинов/Филология и культура. - 2013. - №3 (33). - С. 245.
[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв. - Уфа: Гилем, 1999. С. 13.
[3] Рахматуллина З.Н. Доисламские религиозные верования и ислам у башкир // Правовое государство: теория и право. 2015. № 3 (41). С. 55.
[4] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. Уфа: Гилем, 1999. С. 15.

В 20-х гг. XVIII в. правительство предприняло некоторые шаги по ограничению деятельности шариатских судов, однако их роль продолжала возрастать. Это в значительной мере было связано с переселением в Башкирию татар из Казанской губернии, у которых шариатские суды были давно сложившимся институтом. Башкиры охотно принимали в свои общества татарских мулл для удовлетворения религиозных потребностей[1].

К исходу XVIII столетия самоуправление мусульманского духовенства в рамках разрешения гражданских и правовых коллизий было частично сдержано. Впоследствии, 21 октября 1791 года Духовное собрание направило извещения всем региональным правительствам о принятии под свой контроль разбирательства имущественных и брачных разногласий среди мусульман[2].

Так, в 1836 г. в ОМДС были рассмотрены дела по прошению башкира Абдулвахитова А. (Белебеевский уезд) о разделе имения оставшегося после смерти отца, по прошению тептеря Габдулатирова Г. (Мензелинский уезд) – о разделе имения между наследниками, юртового старшины Кайсарова Г. Башкирского кантона (Оренбургский уезд), по рапорту ахуна Ташеутдинова Х. – о разделе имения между купеческими детьми (Стерлитамакский уезд)[3].

Власти Российской империи предпринимали шаги по постепенному включению элементов шариата в действующее законодательство. В частности, императорским указом, изданным 17 сентября 1796 года, мусульманскому населению было разрешено руководствоваться собственными правовыми нормами и традициями при разделе наследственного имущества. В дополнение к этому, 5 мая 1811 года, был официально утвержден ранее присвоенный статус: «что брачные дела магометан подлежат разбору их духовенства, и что жалобы на действия приходского духовенства по этим делам должны быть подаваемы в Оренбургское магометанское духовное собрание»[4]. Жалобы, касающиеся работы

---

[1] Хабутдинов А.Ю. Эволюция института шариатских судей (казыев) у мусульман Волго-Уральского региона в конце XVIII-начале XXI вв./А.Ю. Хабутдинов/Филология и культура. - 2013. - №3 (33). - С. 245.

[2] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII-XIX вв./Д.Д. Азаматов. - Уфа: Гилем, 1999. С. 123.

[3] НА РБ Ф. 295. Оп. 4. Д. 981, Д. 1000, Д. 1023, Д.1027.

[4] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 92–93.

духовных лиц приходов в пределах обозначенной губернии, надлежало направлять в Оренбургское магометанское духовное собрание. Данный орган уполномочен рассматривать подобные обращения и принимать соответствующие решения.

Параллельно с этим, действующая в государстве система правосудия проявляла стремление к консолидации всех разбирательств под своим контролем, что было обусловлено желанием исключить повторение полномочий. Неоднократные попытки изъять из ведомства ОМДС брачно-семейные отношения не увенчались успехом. Это было связано с несколькими обстоятельствами.

В Южном Урале исторически религиозные обряды ислама переплетались с моральными и юридическими принципами, определявшими поведение людей. Специалисты по исламскому праву, являвшиеся профессиональными служителями культа, обладали глубокими знаниями в области брачных, семейных и имущественных отношений, что позволяло им регулировать различные аспекты жизни мусульманской общины[1].

Вследствие того, что религиозные церемонии мусульман, проводимые духовными лицами, документально оформлялись согласно государственным стандартам, они получали юридическую силу в соответствии с российскими законами.

Таким образом, религиозные деятели, скрепляя своей аутентификацией брачные контракты, устанавливая формы и основания для разводов, оформляя документацию о рождении и смерти, следили за исполнением установлений шариата и самостоятельно разрешали возникающие противоречия, не обращаясь к гражданским государственным институтам[2].

В результате систематизации норм шариата, 29 января 1841 года оренбургским муфтием Габдулвахидом Сулеймановым были опубликованы «Правила для руководства приходским имамам при совершении браков и

---

[1] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С.92-93.

[2] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С.92.

бракоразводов»[1]. Данный свод установлений обладал юридической силой в пределах Российской империи вплоть до 1917 года[2].

Вопросы, касающиеся компетенции мусульманского духовенства в области наследственных и имущественных дел, получили иное правовое регулирование[3]. Второго июня 1826 года Сенат и Государственный Совет приняли официальное решение, санкционирующее «раздел имуществ, оставшихся после магометан, согласно их закону». Данное постановление распространило нормы шариата на всех мусульман, проживающих на территории Российской империи. Таким образом, дела о наследстве и имуществе мусульман были переданы в юрисдикцию мусульманского духовенства, действующего на основании норм шариата. Это решение стало важным шагом в признании и юридическом закреплении религиозных прав мусульман в Российской империи[4].

11 мая 1836 года Государственный Совет определил, что ОМДС сохраняет компетенцию в рассмотрении имущественных споров, касающихся наследства или раздела владений между наследниками–мусульманами, лишь при условии добровольного обращения всех сторон конфликта. В противном случае, при несогласии хотя бы одного участника разбирательства с применением норм шариата, дело подлежит передаче в гражданский суд для дальнейшего рассмотрения в рамках общего законодательства. Таким образом, решение о применении шариата в имущественных спорах, затрагивающих мусульман, оставалось за сторонами конфликта, а при отсутствии единогласия приоритет отдавался гражданскому судопроизводству[5].

Указанные положения были продублированы в Сводах законов гражданских разных лет – 1832 г., 1842 г., 1857 г., 1887 г., а также в Уставе духовных дел иностранных исповеданий[6].

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. С. 5–8.
[2] Денисов Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX - начале XX века. 2012. №11 (266). С. 90-94.
[3] Там же.
[4] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1830. Т. I. № 386. С. 527–528.
[5] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1836. Т. XI. Отд. 1. № 9158. С. 504.
[6] Мухаметзарипов И.А. Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII - начале XX века /И.А. Мухаметзарипов/Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2010. - № 123. - С. 97.

С увеличением осведомленности о юридических правах, участники наследственных отношений стали активнее прибегать к гражданскому судопроизводству. Это обусловлено тем, что российское законодательство, в отличие от норм шариата, обеспечивало определенным категориям членов семьи более значительные доли в наследственной массе. Таким образом, предпочтение общегражданского судопроизводства объяснялось стремлением к максимизации наследственных прав, гарантированных государственным законодательством[1].

Схожая практика распространялась и на другие виды гражданских дел. Указом Государственного Совета, утвержденным 27 марта 1830 года, за мусульманским духовенством закреплялось полномочие урегулировать в досудебном порядке дела, подлежащие рассмотрению совестными судами, на основе норм шариата. К таким делам относились, в частности, имущественные разногласия, конфликты между детьми и родителями, а также иные подобные споры. Данное право позволяло мусульманским духовным лицам выступать в роли посредников и разрешать конфликты, не прибегая к официальному судопроизводству[2].

Выводы по параграфу. В Российской империи духовенство в независимости от конфессиональной принадлежности, играло особую роль, поскольку выполняло важные социальные, культурно–просветительские и государственные функции. Именно через служителей культов государство влияло на массовое настроение и сознание населения страны. Таким образом, духовенство, выступая в нескольких ипостасях – как проводник государственной идеологии на местах, хранитель духовно–нравственных основ общества и выполняя непосредственно культурные и просветительские функции, зачастую являлось посредником между властью и простым народом.

Религиозные деятели мусульманской веры, служившие в Уфимской губернии, осуществляли религиозные церемонии, охватывающие ключевые этапы

[1] Мухаметзарипов И.А. Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII - начале XX века /И.А. Мухаметзарипов/Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2010. - № 123. - С. 97.
[2] ПСЗРИ. Собрание второе. СПб. 1836. Т. V. Отд. 1. № 3559. С. 236–237.

жизни членов общины, включая рождение, заключение брака и погребение усопших. Они также несли ответственность за управление коллективными богослужениями и отправление иных религиозных потребностей. На местных мулл возлагались некоторые государственные обязанности, такие как документальное оформление гражданского состояния, включая ведение реестров рождений, браков, расторжений браков и смертей. Кроме того, они осуществляли первоначальную регистрацию военнообязанных и принимали решения по брачно–семейным и наследственным вопросам в соответствии с нормами шариата. Обучение детей и взрослых, контроль над нравственностью прихожан, разъяснение постановлений власти – все это было в обязанностях служителей исламского культа. Выполнение административных и судебных функций превращало их в должностных лиц, что создавало двойственное положение перед властями.

Заключение

В изучаемый период времени история мусульманского духовенства Уфимской губернии развивалась, с одной стороны, в соответствии с общими историческими тенденциями, характерными для исследуемой территории. С другой стороны, она была тесно связана с социально-экономическими, общественно-политическими и этнокультурными процессами, которые происходили в регионе в прошлом.

Имеющиеся источники и литература позволяют сделать вывод, что, несмотря на наличие свидетельств о появлении ислама на Южном Урале в VII–IX вв., территория современного Башкортостана была, в основном, исламизирована в XIII–XIV вв. в связи с вхождением в Золотую Орду.

С этого момента история региона тесно связана с исламской религией, ставшей к середине XVI в. важной составляющей образа жизни местных башкирских племен и родов. Интенсивная колонизация края в XVII–XVIII вв. сопровождалась переселением сюда как православного (преимущественно русскоязычного), так и мусульманского населения, сформировав один из наиболее полиэтничных и поликонфессиональных регионов России.

По мере развития ислама шло формирование мусульманского духовенства, которое представляло собой особую прослойку сообщества, игравшую важную роль в культурной и общественно-политической жизни не только мусульман, но и всего региона в целом.

На ранних этапах здесь, вероятно, вели миссионерскую деятельность отдельные служители исламского культа. После монгольского завоевания Уральского региона и включения территории, населенной башкирами, в состав Золотой Орды, в социальной структуре башкирского народа начинает консолидироваться мусульманское духовенство, которое ко времени присоединения к Российскому государству в середине XVI в. формирует родоплеменную знать. Большое влияние на все обозначенные процессы оказали суфийские братства – тарикаты, из которых наибольшим авторитетом в Приуралье

пользовались тарикаты яссавийа и накшбандийа. Постепенно сюда же переселяются служители исламского культа с других регионов и, прежде всего, с территории бывшего Казанского ханства.

Во временной период с середины XVI по середину XIX века взаимодействие между государством и исламской общиной претерпело значительные изменения. Изначальная политика, направленная на ущемление прав мусульманского населения, постепенно сменилась курсом на религиозную терпимость и уважение к исламу. Подтверждением тому служит учреждение в 1788 году в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, ставшего важным институтом для регулирования религиозной жизни мусульман. Это событие послужило началом процесса постепенного включения мусульманского духовенства в административную систему Российской империи. В дальнейшем последовало юридическое закрепление прав и обязанностей мусульманских религиозных деятелей, а также определение границ их компетенции и ответственности в рамках правового поля государства.

Учреждая Оренбургское магометанское духовное собрание, царское правительство ставило первоочередной целью обеспечение надзора за всеми лицами, принадлежавшими к мусульманскому духовенству, в том числе за ахунами, хатибами, имамами, мухтасибами, мударрисами и муэдзинами. В связи с этим, ОМДС была создана как трехступенчатая (по мнению некоторых ученых – двухступенчатая) структура, которую возглавляли председатель (муфтий) и 3 заседателя (кадии). Им подчинялись средние и низшие мусульманские духовные управления – мухтасибаты и мутаваллиаты.

В среде мусульманского духовенства существовали и другие, неофициальные, (то есть, не закрепленные законом и не имеющие официального статуса) духовные лица. Среди них хальфы – помощники мударрисов, учителей религиозных школ, которых также называли мугаллимами. Кроме того, были шейхи – руководители и наставники суфийских общин, известные как муршиды или ишаны. Мюриды же были учениками шейхов, последователями суфийского тариката. Абыстаи – жены мусульманских духовных лиц или образованные

женщины, которые читали Коран и сами могли организовать и провести некоторые религиозные обряды.

Постепенно, юридическое регулирование положения и деятельности представителей духовенства мусульман Уфимской губернии нашло отражение в нормативно-правовых актах как общероссийского масштаба, так и в рамках региональных губернских правлений. К изучаемому периоду на законодательном уровне были определены основные требования к кандидатам на мусульманские священнослужительские должности, порядок их выбора, назначения, снятия и т.д. Особое внимание уделялось тому, чтобы претендент знал русской язык, для чего был введен обязательный экзамен по этому предмету.

Власти предоставили исламским священнослужителям ряд привилегий, включая освобождение от физических наказаний, уплаты определенных налогов и обязательной военной службы. Эти шаги в совокупности способствовали выделению религиозных деятелей из их социальных групп и объединению в отдельную, наделенную особыми правами и обязанностями, профессиональную категорию. Таким образом, сформировалась обособленная прослойка духовенства, чье положение существенно отличалось от остального населения. Вместе с тем, поскольку мусульманское духовенство официально не было признано государством как духовное сословие, его представители продолжали принадлежать к тем сословным группам, к которым относились до своего избрания.

Изучение документации, относящейся к социальной организации населения Уфимской губернии в период с середины XIX до начала XX века, демонстрирует, что местное общество было разделено на четыре главных сословия: дворянство, духовенство, городские жители и крестьянство, которые обладали различным статусом и неравными правами относительно друг друга. Данное разделение отражало существовавшие социальные и экономические различия внутри губернии. Каждое сословие имело свои привилегии, обязанности и определялось своим местом в социальной иерархии. Неравное их положение являлось характерной чертой социальной структуры того времени. Особое место среди всех принадлежало духовенству, представленному священнослужителями

православного, католического и лютеранского, а также мусульманского толка, последние из которых занимали особое место.

Служители исламского культа на протяжении практически всего изучаемого периода времени составляли подавляющее большинство – около 80% всех священнослужителей с членами их семей в регионе и являлись достаточно значимой категорией населения по численности – около 1% всех жителей.

На протяжении длительного периода времени взаимоотношения органов государственной власти и мусульманского духовенства претерпели значительные изменения от прямой конфронтации до прагматично-гибкой политики в отношении последних. Во второй половине XIX – начале XX вв. правительство Российской империи, осознавая значимость влияния мулл на свою умму, предпринимало попытки использовать их в качестве инструмента для достижения своих политических целей. Государственные органы власти стремились через духовенство внедрить в сознание мусульман уважение к власти и преданность государственным интересам.

Мусульманское духовенство, по поручению органов власти, выполняло важную функцию организатора социальной жизни прихода, их использовали как переводчиков, а также для того чтобы доносить до основной массы мусульман царские манифесты, указы, распоряжения, постановления и предписания губернского начальства и местного руководства. Государственные органы через мусульманское духовенство решали проблему набора в армию, прибегали к их авторитету при необходимости провести в стране те или иные непопулярные среди мусульманского населения реформы или мероприятия.

Взаимодействие между служителями исламского культа и органами власти во многом зависело от общей политики государства, проводимой в отношение своих подданных, исповедующих ислам, от чиновников, отвечающих за ее реализацию на местах и т.д. В целом, представители мусульманского духовенства, согласно клятве, которую они давали при назначении на духовную должность, следовали предписаниям и распоряжениям, спускаемым сверху. Тем не менее, невзирая на стремление властей подчинить полностью мусульманское духовенство

государственным интересам, муллы в ряде вопросов занимали позицию, идущую вразрез с государственной политикой. Эта тенденция особенно ярко проявилась в начале XX века.

В течение долгого времени правительство не имело точных данных о количестве священнослужителей в регионе, но, опасаясь его увеличивающегося влияния, разработало целый комплекс мероприятий, направленных на сокращение и сдерживание роста количества мечетей и священнослужителей-мусульман в стране.

Между тем, в целом по территории входящей в юрисдикцию ОМДС происходил устойчивый рост исламских институтов. Аналогичная ситуация наблюдалась в изучаемый период и на территории Уфимской губернии, где на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. численность мусульманского духовенства и членов их семей постоянно возрастала, увеличившись с 12306 чел. в 1865 г. до 24001 чел. в 1910 г., то есть практически в два раза.

В пределах Уфимской губернии в рассматриваемый исторический период времени, преобладающая часть исламского духовенства была сосредоточена в сельской местности, а именно в уездах. Размещение духовенства по уездам отличалось выраженной диспропорцией. Исторически, наибольшая концентрация служителей ислама наблюдалась в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах. В Стерлитамакском и Уфимском уездах их численность была несколько ниже, а в Златоустовском уезде регистрировалось минимальное количество.

Представители мусульманского духовенства традиционно занимали высокое положение среди своих единоверцев. Их влияние и авторитет, определявшиеся, прежде всего теми моральными качествами, способностями, образом жизни и поведением, которыми они обладали, позволяли становиться руководителями своей мусульманской общины. В то же время, пребывание на занимаемых должностях, материальное благополучие, во многом зависели от самих прихожан.

В Российской империи духовенство, в независимости от конфессиональной принадлежности, играло особую роль, поскольку выполняло важные социальные, культурно-просветительские и государственные функции. Именно через

служителей культов государство влияло на массовое настроение и сознание населения страны. Таким образом, духовенство, выступая в нескольких ипостасях – как проводник государственной идеологии на местах, хранитель духовно-нравственных основ общества и выполняя непосредственно культурные и просветительские функции, зачастую являлось посредником между властью и простым народом.

Мусульманское духовенство Уфимской губернии включало широкий спектр религиозных и административных функций, связанных с жизнью общины. Оно не только осуществляло и контролировало общественное богослужение, проводило обряды, связанные с жизненным циклом членов мусульманской общины, но и брало на себя ряд функций государственных служащих.

Так, приходские муллы вели регистрацию актов гражданского состояния, вносили записи в метрические книги, осуществляли воинский учет. Также они занимались урегулированием вопросов, связанных с брачно-семейными и наследственными отношениями в соответствии с нормами шариата. Кроме того, служители исламского культа обучали детей (а иногда и взрослых) религиозным знаниям, контролировали нравственное состояние прихожан, разъясняли постановления правительства и местных властей.

Осуществление выборными представителями мусульманского духовенства государственных полномочий и функций административного и судебного характера придавало им особый статус в глазах государственных органов власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 821 «Департамент Духовных дел иностранных исповеданий Министерства Внутренних Дел»

Ф. 1343 «Третий департамент Сената»

Ф. 1291 «Земский отдел МВД»

Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф. 6 «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора, г. Оренбург 12.12.1796–12.07.1881 гг.»

Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН).

Ф. 7 «Фахретдинов Ризаитдин Фахретдинович (1859–1936 гг.), башкирский и татарский писатель, ученый-востоковед, религиозный деятель»

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)

Ф. И-187 «Уфимское губернское жандармское управление»

Ф. И-295 «Оренбургского магометанского духовного собрания»

Ф. р - 473 «Статистического комитета Уфимской губернии»

II. Опубликованные источники:

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: тип. губ. правл., 1904. – 260 с.

2. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: губ. тип., 1905. – 216 с.

3. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1907 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: губ. тип., 1907. – 214 с.

4. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: тип. губ. правл., 1908. – 200 с.

5. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: электр. губ. тип., 1909. – 241 с.

6. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: губ. электр. тип., 1910. – 244 с.

7. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год / издан под редакцией секретаря Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: губ. электр. тип., 1911. – 247 с.

8. Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарий Р. Г. Кузеева. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

9. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. – Уфа: тип. Губ. правл., 1891. – 54 с.

10. Валиди, Ахмет-Заки.Воспоминания: борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / Заки Валиди Тоган; [пер. с тур.: Г. Г. Шафиков, А. М. Юлдашбаев]. Кн. 1. — Уфа: Китап, 1994.— 400 с.

11. Документы и материалы по истории башкирского народа (1900–1940) / Сост.: М. М. Кульшарипов, М. Н. Фархшатов, Д. Х ... Касимов С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). – Уфа: Китап, 1997. – 351 с.

12. Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Ф.Г. Хисаметдинова, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 340 с.

13. Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1905. (Исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, – 1905.

14. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересмотр. и дополн. по 1 сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. – СПб.: Юрид. кн. склад "Право", – 1909.

15. Ислам в законодательстве России, 1554–1929 гг.: Сб. законодат. актов / Сост.: Юнусова А. Б. и др. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1998. – 119 с.

16. Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. и авт. вводной статьи, примечаний и комментариев Д.Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – 367 с.

17. Материалы по истории Башкирской АССР / Сост. Н. Ф. Демидова; под ред. С. М. Васильева. Т V. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 783 с.

18. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. – Уфа: Китап, 2002. – 768 с.

19. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л. А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998. – 384 с.

20. Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

21. Настольная книга по народному образованию: Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. по школьному и внешкольному образованию народа: Пособие для земских и городских общественных учреждений: в 2 т. / Сост. Г.Фальборком, В.Чарнолуским. – Неофиц. изд. СПб.: Б. и., 1899-1911. (Знание). Т. I: 1899. – 713 с.

22. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XLV. Уфимская губерния. – СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. Тетрадь II. – 189 с.

23. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том I. Отделение 2. 12 декабря 1825–1827 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1527 с.

24. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том III. Отделение 2. 1828 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1648 с.

25. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том V. Отделение 1. 1830 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1831. – 710 с.

26. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VI. Отделение 2. 1831 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1832. – 710 с.

27. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VIII. Отделение 1. 1833 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1834. – 833 с.

28. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XI. Отделение 1. 1836 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1837. – 896 с.

29. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том X. Отделение 2. 1835 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1836. – 910 с.

30. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XII. Отделение 1. 1837 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1838. – 823 с.

31. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXX. Отделение 1. 1855 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1856. – 779 с.

32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXVIII. Отделение 1. 1863 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1866. – 942 с.

33. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XLVII. Отделение 1. 1872 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1875. – 1049 с.

34. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XLIX. Отделение 1. 1874 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1876. – 949 с.

35. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713–1719 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 782 с.

36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том IX. 1733–1736 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1016 с.

37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XI. 1740–1743 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 991 с.

38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XIX. 1770–1774 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1083 с.

39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XX. 1775–1780 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1041 с.

40. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781–1783 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1070 с.

41. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXII. 1784–1788 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1174 с.

42. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXIII. 1789 – 6 ноября 1796 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 974 с.

43. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXV. 1798–1799 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 932 с.

44. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXV. Отделение 2. 1905 г. – СПб.: Государственная типография. 1808. – 1010 с.

45. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Санкт-петербург: Археографическая комиссия, 1841-1921. Т. 20, половина 2: Львовская летопись. Ч. 2. 1914. С. 420–686.

46. Положение о башкирах. – СПб.: тип. Упр. иррегуляр. войск, 1863. – 117 с.

47. Резолюции Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1-11 мая 1917 г. / Всероссийский мусульманский съезд. Пг.: Б. и., 1917.

48. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. – Казань: Типолитография Имп. Унта, 1902. – 53 с.

49. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. — Уфа: Оренбург. магометан. духов. собр., 1902. — 262 с.

50. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / Сост. Р.Фахретдинов. – Уфа: б.и., 1905. – 225 с.

51. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания 1836–1903 г. – Казань: Иман, 2004. – 261 с.

52. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1903. Отдел первый. Первое полугодие. – СПб.: Сенатская типография, 1903.

53. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год / издание Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа: тип. губ. правл., 1894.

54. Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие — к прежним годам / издание Н. К. Блохина ; составил по поручению Уфимского губернского статистического комитета Н. А. Гурвич, член-секретарь Уфимского и действительный член других статистических комитетов, член Императорского Русского географического и других ученых обществ. Уфа: печатня Н. Блохина, 1883.

55. Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый) Выпуск I. 1916. Москва. Типография Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр. деп. Петровка 26.

56. Уфимский календарь на 1876 год (високосный) / издан Уфимским попечительным о бедных комитетом, при содействии Уфимского губернского статистического комитета, под редакцией В. А. Новикова и Н. А. Гурвича. – Уфа. Вып. 1. Печатня Н. Блохина, 1875.

57. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. – СПб., 1869.

58. Юнусова, А.Б. Предисловие к сборнику законодательных актов. Ислам в законодательстве России. 1554–1929 гг. / Сост. А.Б. Юнусова, Ю.Н. Сергеев, В.В. Латыпова. — Уфа: Башк. гос. ун-т, 1998. — 119 с.

1.Периодическая печать:

1. Вәлиди Җ. Исмәгыйль бәк Гаспринский // Вакыт. 1914. № 1584. 14 сентябрь.

2. Германия баш вәзиренең нотыгы // Кояш. 1917. 28 февраля.

3. Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында // Вакыт. 1913. 5 мая.

4. Дәүләт думасы // Кояш. 1913. 22 марта.

5. Дәүләт думасы // Кояш. 1916. 6 марта.

6. Диндә иренкелек // Вакыт. 1909. 19 февраля.

7. Зәйнашев М. Авылда калган кыйммәтле бер хатирә // Вакыт. 1914. № 1603. 8 октябрь.

8. Кәримов Ф. Бөек милли матәм // Вакыт. 1914. № 1583. 13 сентябрь.

9. Крыймов К. Милләт атасы наменә // Вакыт. 1914. № 1585. 16 сентябрь.

10. Мозаффария Mahруй. Мөгаллим вә мөгаллимәләргә ачык хат // Сөембикә. 1914. № 11.

11. Русиядә хатыннар хәрәкәте: (хатыннар образованиесе) // Сөембикә. 1913. №1.

12. Фәхретдин Р. Исмәгыйль бәк Гаспринский // Вакыт. 1914. № 1583. 13 сентябрь.

13. Фәхретдин Р.Ф. “Шура”ның мәсләк вә максаты // «Шура». 1908. № 1.

14. Шиһабетдин хәзрәт Мәржани көне // Вакыт. 1915. 9 января.

15. Яңа тимер юл // Кояш. 1917. 28 февраля.

2. Отечественная литература:

1. Абакарова, Р.М. Образование и воспитание в мусульманской практической философии (этике) / Р.М. Абакарова // Исламоведение. – 2010. – № 2. – С. – 74–79.

2. Абдрашитова, А.Р. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления мусульман в XIX – начале XX веков / А.Р. Абдрашитова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2001. – № 1. – С. 49–53.

3. Абдуллин, Я.Г. Татарская просветительская мысль / Я.Г. Абдуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – 320 с.

4. Абзанов, Ш.С. К вопросу о народном образовании в Башкирии / Ш.С. Абзанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа: Башк. педагог. ин-т, 1935 (тип. им. Дзержинского). – 68 с.

5. Авксентьев, А.В. Ислам на Северном Кавказе / А. В. Авксентьев. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1973. – 166 с.

6. Азаматов, Д.Д. II съезд мусульманского духовенства Уфимской губернии (сентябрь 1917 года) / Д.Д. Азаматов // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. – Часть 1. – Уфа: Мир цен, 2019. – С. 33–34.

7. Азаматов, Д.Д. Исламский фактор в жизни башкирского общества / Д.Д. Азаматов // История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. IV. – СПб.: Наука, 2011. – С. 190–199.

8. Азаматов, Д.Д. К проблеме учреждения и оценки деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания / Д.Д. Азаматов // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана: тенденции, современность, перспективы. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан, 1992. – С. 219–221.

9. Азаматов, Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. / Д.Д. Азаматов. – Уфа: Гилем, 1999 (обл. 1996). – 194 с.

10. Азаматов, Д.Д. Религиозные институты в жизни башкирского общества: «официальный» ислам и Оренбургский муфтият/ Д.Д. Азаматов // История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. IV. – СПб.: Наука, 2011. С. 296–300.

11. Азнабаев, Б.А. Роль религиозного фактора в башкирском восстании 1755–1756 гг. / Б. А. Азнабаев // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 265–271.

12. Азнабаев, Б.А., Джунджузов С.В. Складывание системы управления башкирами Оренбургского края в XVIII веке / Б. А. Азнабаев, С.В. Джунджухов // Новый исторический вестник. – 2019. – № 1(59). – С. 6–19.

13. Акманов, И.Г.Территория, административное устройство и население // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – Т. III. – Уфа: Гилем, 2011. – С. 90–91.

14. Акманов, И.Г. Башкиры в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. / И. Г. Акманов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 196 с.

15. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII – XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии / И. Г. Акманов. – Уфа: Китап, 2016. – 376 с.

16. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII–1-й трети XVIII вв. / И. Г. Акманов. –Уфа: БГУ, 1978. – 79 с.

17. Акманов, И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. / И.Г. Акманов. – Уфа: БГУ, 1977. – 84 с.

18. Акманов, И.Г., Буканова Р.Г. Политика правительства в Башкортостане и народные движения в конце XVII – XVIII вв. / Акманов И.Г., Буканова Р.Г. // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. III. – Уфа: Гилем, 2011. – С. 105–108.

19. Аксанов, А.В. Ислам в Казанском ханстве: проблемы и перспективы исследования / А.В. Аксанов // Тюркологические исследования. – 2018. – Том 1. – №. 3. – С. 63–70.

20. Ал-Гарнати, Абу Хамид. Сочинения / Абу Хамид Ал-Гарнати; пер. О. Г. Большаков. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 184 с.

21. Алексеев, И.Л. Институциализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России / И.Л. Алексеев // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород: Медина, 2006. С. 114–115.

22. Алексеев, И.Л. Муфтият / Л.И. Алексеев // Энциклопедия религий. / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект; Гаудеамус. 2008. – С. 842–843.

23. Алексеев, И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) / Л.И. Алексеев // Религиоведение. – 2002. – № 2. С. 29–40.

24. Алексеенок, А.А., Ухорский М.В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества / А.А. Алексеенок, М.В. Ухорский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1 (27). – С. 18–25.

25. Аматуллах, Г. Нарыстау – священное место страны башкир / Г. Аматуллах // Башкортостан – страна святых / Составители Кильдин С. А., Ярмуллин, С.Ш., Гайсина Ф.Ф. – Уфа: Китап, 2012. – С. 38–46.

26. Амелин, В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 304 с

27. Аминев, З.Г., Ямаева, Л. А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние / З. Г. Аминев, Л. А. Ямаева – М.: Изд-во Триумф, 2020. – 224 с.

28. Аминев, З.Г., Ямаева, Л.А. О «вторичной исламизации башкир» (XVIII–XIX вв.) / З.Г. Аминев, Л.А. Ямаева. – Вестник Академии наук РБ. – 2009. – Том 30. – № 1 (93). – С. 5–11.

29. Аминев, З.Г., Ямаева, Л.А. Региональные особенности ислама у башкир /З.Г. Аминев, Л.А. Яаева. – Уфа: Дизайн-ПолиграфСервис, 2009. – 184 с.

30. Аминев, З.Г. Причины перехода башкир в монотеизм и почему при этом ими был выбран ислам / З.Г. Аминев // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 36–42.

31. Аминев, Р. Жизнь мулл в Российской Империи: особые награды и служба до смерти / Р. Аминев // УММА. – 2023. – № 02 (241) февраль (Раджаб - Ша'бан, 144). – С. 14–15.

32. Аминов, И.И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империей (1861–890-е гг.) / И.И. Аминов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 24–35.

33. Аминов, Т.М., Бенин, В.Л. Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии / Т.М. Аминов, В.Л. Бенин // Образование и наука. – 2006. – № 3 (39). – С. 118–125.

34. Амирханов, Р. Закир ишан Камалов и татарское просвещение/ Р. Амирханов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № 1/2. – С.69–78.

35. Амишов, Р.И. Особенности проповедей приходского мусульманского духовенства Волго-Камья в начале XX века / Р.И. Амишов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 9–15.

36. Андреев, Г.В. Проблема материального обеспечения и регулирование имущественного положения православного приходского духовенства российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Г.В. Андреев // Университетский научный журнал. – 2019. – № 50. – С. 92–99.

37. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С.А. Аннинскаий // Исторический архив. – М.; Л., 1940. – III. – С. 92–93.

38. Антонов, И.В. О времени принятия ислама населением Южного Урала // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 11. – С. 74–88.

39. Арапов, Д.Ю. Ислам в петровской России / Д. Ю. Арапов // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. – 2012.– № 4. – С. 3–11.

40. Арапов, Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д. Ю. Арапов. М.: МПГУ, 2004. – 287 с.

41. Аршаруни, А., Габидуллин, Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – М.: Безбожник, 1931. – 138 с.

42. Асфандияров, А.З. Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край. – Уфа: Национальный музей республики Башкортостан, 1991. Вып. 1. С. 1–9.

43. Асфандияров, А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). - Уфа: Китап, 2005. – 256 с.

44. Асфандияров, А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.) / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 1997. – 104 с.

45. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А. З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2009. – 741 с.

46. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 1. – Уфа: Китап, 1990. – 205 с.

47. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 2. – Уфа: Китап, 1991. – 191 с.

48. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 3. – Уфа: Китап, 1993. – 208 с.

49. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 4. – Уфа: Китап, 1993. – 205 с.

50. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 5. – Уфа: Китап, 1994. – 173 с.

51. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 6. – Уфа: Китап, 1995. – 147 с.

52. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 7. – Уфа: Китап, 1997. – 189 с.

53. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана: справочник / А. З. Асфандияров. Книга 9. – Уфа: Китап, 2001. – 196 с.

54. Асфандияров, А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.) / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2005. – 255 с.

55. Асфандияров, А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половины XIX в. / А.З. Асфандияров. – Уфа: БГУ, 1989. – 88 с.

56. Ахмадуллин, В.К. Мусульманская интеллигенция Уфимской губернии: генезис, численность, структура / В.К. Ахмадуллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4 (42): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 20–26.

57. Ахметшина, А.В., Павлова, О.С ., Кантимирова, Р.И., Мухаметзянова, Э.В., Самородов, Д.П. Деятельность органов местного самоуправления и земской

медицины по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века / А.В. Ахметшина, О.С. Павлова, Р.И. Кантимирова, Э.В Мухаметзянова, Д.П. Самородов // Гигиена и санитария. 2018. 97(4): С.378–382.

58. Аширов, Н. Эволюция ислама в СССР / Н. Аширов. – М.: Политиздат, 1973. – 154 с.

59. Бабич, И. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII — начало XX вв.) / И. Бабич // Кавказ и глобализация. – 2008. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 48–62.

60. Баймухаметова, А.А., Янборисов, М.Х. Мусульманское духовенство в годы коллективизации сельского хозяйства в Башкирской АССР / А.А. Баймухаметова, М.Х. Янборисов // Духовный мир мусульманских народов. Гуманистическое наследие просветителей в науке, культуре и образовании (XV Акмуллинские чтения). Том I. – Уфа: Издательство БГПУ им. М. Акмуллы, 2020. – С. 84–88.

61. Бартольд, В.В. История турецко-монгольских народов / В.В. Бартольд // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. – М.: Изд-во вост. лит., 1968. – 757 с.

62. Бартольд, В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата / В.В. Бартольд // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 6. – М.: Изд-во вост. лит., 1966. – 784 с.

63. Батыров, У.Ф., Собянин, А.Д. Булгары: неизвестная история очень известного народа / У.Ф. Батыров, А.Д. Собянин. Профи. – 1999. – № 6–7. – С. 61–68.

64. Баязитов, А. Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука. – СПб: т-я А.С. Суворина, 1883. – 38 с.

65. Баязитов, А. Избранные труды / А. Баязитов. – Казань: Милли китап, 2007. – 193 с.

66. Баязитов, А. Ислам и прогресс / А. Баязитов. – СПб: т-я А.С. Суворина, 1898. – 95 с.

67. Баязитов, А. Отношение Ислама к науке и иноверцам / А. Баязитов. – СПб: т-я. А.С. Суворина. – 105 с.

68. Баяндин, В. И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – №2. – С. 18–21.

69. Беляева, Л.А. Структурация российского общества в XIX–начале XX вв. (по материалам отечественных исследований) / Л.А. Беляева // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 2. – С. 14–36.

70. Бикбулатов, Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник / Н.В. Бикбулатво. Уфа: УНЦ РАН, 1995. – 34 с.

71. Бикбулатов, Н.В., Фатыхова, Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. / Н.В. Бикбулатов, Ф.Ф. Фатыхова. – М.: Наука, 1991. – 189 с.

72. Бикбулатов, Н.В., Юсупов, Р.М., Шитова, С.Н., Фатыхова, Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. – 248 с.

73. Боиович, М.М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв / М.М. Боиович. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. – 519 с.

74. Бойович, М.М. Наши депутаты. Государственная дума 1-го созыва. (Портреты и биографии) / М. М. Боиович. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. – 512 с.

75. Бородовская, Л.З. Преемственность суфийских традиций тарикатов Ясавийа и Накшбандийа в период после XIV в. / Л.З. Бородовская // Исламоведение. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 93–103.

76. Борханов, С. От имени аллаха / С. Борханов. – Казань, 1930. – (на тат. языке).

77. Бускунов, А.М. Идеи политической свободы в выступлениях башкирских депутатов в Государственной думе России в начале XX века / А.М. Бускунов // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. –№ 4. –С. 1372–1375.

78. Бычков, С.С. Русская Церковь и императорская власть / С.С. Бычков. – М.: Наука, 1998. – 317 с.

79. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. – Уфа: Тип. Губернского Правления, 1891. – 54 с.

80. В Уфе проходит конференция, посвященная 190-летию со дня рождения Шейха Зайнуллы Расулева [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2023-05-16/v-ufe-prohodit-konferentsiya-posvyaschennaya-190-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-sheyha-zaynully-rasuleva-3259859. (Дата обращения 10.05.2024). – Текст: электронный.

81. Вагабов, М.В. Арабская экспансия и трансформация ислама из национальной религии в мировую / М.В. Вагабов // Исламоведение. – 2010. – № 3 (5). – С. 30–46.

82. Валиди, Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) / Д. Валиди. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 106 с.

83. Васильев, Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование / Д.В. Васильев. – Астрахань: Астраханский университет, 2007. – 170 с.

84. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 4. М.: ИД «МедиаПром»; Изд-во РАГС, 2009. – 586 с.

85. Воробьева, Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Е.И. Воробьева // Исторический ежегодник. – 1997. – С. 40–55.

86. Воронец, Е.Н. Нужны ли для России муфтии? / Е. Н. Воронец. – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. – 8 с.

87. Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: В 4 т. Т. 2: Центральные государственные учреждения. – СПб.: Наука. – 259 с.

88. Габдрафикова, Л.Р. Роль мусульманского духовенства в медикализации татарского населения Волго-Уральского региона (конец XVIII-начало XX вв.) / Л.Р. Габдрафикова // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка,

литературы, истории и религии. IX Международная тюркологическая конференция. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 429–433.

89. Гавриленков, А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция / А.Ф. Гавриленков. – М.: МГОУ, 2010. – 262 с.

90. Гагин, И.А. Волжская Булгария – северный форпост исламского мира (к вопросу о путях проникновения ислама на Волгу) / И.А. Гагин // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 46–60.

91. Газимагомедов, Р.И. Социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства / Р.И. Газимагомедов // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях. Часть 2. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. – С. 230–233.

92. Галлямов, Д.Ф. Исторические дискурсы тюрко-мусульманской идеологии второй половины XIX – начала XX столетий / Д.Ф. Галлямов // Проблемы Востоковедения. – 2011. – № 2. – С. 90–96.

93. Гарипов, Н.К. Система религиозной иерархии у российских мусульман начала XX века / Н.К. Гарипов // Сборник материалов итоговых научных конференций молодых ученых и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2001–2002 г. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. – С. 73–80.

94. Гарустович, Г.Н. Башкирские земли в составе улуса Джучи / Г.Н. Гарустович // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 4. С. 195–205.

95. Гарустович, Г. Н. Распространение ислама в Южноуральском регионе / Г.Н. Гарустович // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа: БФАН СССР, 1991. – С. 26–27.

96. Гарустович, Г.Н. Распространение ислама среди башкир / Г.Н. Гарустович // История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. – С. 212–228.

97. Гарустович, Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) / Г.Н. Гарустович // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 2 (4). – С. 95–119.

98. Гарустович, Г.Н. Мусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в южноуральском регионе (К постановке проблемы) / Г.Н. Гарустович // Источники по истории и культуре Башкирии. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 77–81;

99. Гарустович, Г.Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья / Г.Н. Гарустович // Уфимский археологический вестник. – 2013. – № 13. – С. 137–143.

100. Гарустович, Г.Н. Распространение ислама на Южном Урале (историографический аспект проблемы) / Г.Н. Гарустович // Урал-Алтай: через века в будущее. Т. II. –Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 39–45.

101. Гаспринский, И. Из наследия / И. Гаспринский. – Симферополь: Таврия, 1991. – 64.

102. Гаспринский, И. Россия и Восток / И. Гаспринский. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 130.

103. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения / И. Гаспринский. – Симферополь: тип. Спиро, 1881. – 45 с.

104. Гафаров, А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.) / А.А. Гафаров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 564 с.

105. Гафаров, А.А. Российские мусульмане в контексте русско-турецкого диалога / А.А. Гафаров // Евразийские исследования. – 2011. – № 1 (13). – С. 6–19.

106. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М: МГУ. 1988. – 430 с.

107. Глазов, Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX века / Ю.В. Глазов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Вып. 5. – Курск: КГУ, 2012.

108. Гогиберидзе, Г.М. Исламский толковый словарь: [750 статей] / Г. М. Гогиберидзе. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 266 с.

109. Горбунова (Коршунова), И.В. Особенности правового положения сословий Российской Империи на рубеже XIX–XX веков / И.В. Горбунова (Коршунова) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 141–144.

110. Городенко, Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX вв. / Д.В. Городенко // Гуманизация образования. – 2009. – № 3. – С. 62–67.

111. Гусев, О.Ю Церковные Реформы В Системе Великих Реформ Александра II / О.М. Гусев // Юридическая Мысль. – 2016. – № 2 (94). – С. 14–19.

112. Гусейнов, Ю.М. Исторические этапы присоединения Крымского полуострова к России в XVIII веке / Ю.М. Гусейнов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Всероссийский научный журнал. – 2014. – № 12/1. – С. 279–281.

113. Давлетшин, Г.М. История духовной культуры тюрко-татар / Г.М. Давлетшин. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1999. – 100 с.

114. Давлетшин, Г.М. Роль Средней Азии в исламизации Болгар / Г.М. Давлетшин // Тюркский мир и исламская цивилизация. Проблемы языка, литературы, истории и религии. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 456–459.

115. Дамешек, Л.М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в. / Л.М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета // Серия «История». – 2016. – Т. 17. – С. 35–47.

116. Дашковский, П.К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. / П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 162 с.

117. Денисов, Д.Н. Мусульманская община Златоуста в конце XIX - начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). – С. 83–87.

118. Денисов, Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.) / Д. Н. Денисов. – М.: Марджани, 2011. – 255 с.

119. Денисов, Д.Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX века / Д.Н. Денисов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 11 (265). История. Вып. 50. – С. 90–94.

120. Денисов, Д.Н. Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии) / Д.Н. Денисов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4 (140). – С. 85–89.

121. Денисов, Д.Н. Мусульманская община Бирска в XIX – начале XX века / Д.Н. Денисов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 362–365.

122. Денисов, Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре российской империи XIX века / Д.Н. Денисов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 12 (227). «История». Вып. 45. – С. 117–119.

123. Денисов, Д.Н. О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала) / Д.Н. Денисов // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 43–48.

124. Денисов, Д.Н. Ответственность мусульманского духовенства в законодательстве и практике Российской империи / Д.Н. Денисов // 1-й Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» 1–3 ноября 2011 г. – М.: Изд-во Казанского ун-та, 2012. – С. 459–465.

125. Денисов, Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.) / Д.Н. Денисов. – М.; Н.Новгород: Медина, 2012. – 408.

126. Денисов, Д.Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII начало XX века) / Д.Н. Денисов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 5 (141). – С. 142–147.

127. Дмитриева, Е.Л. Исламское образование в России: история и современность / Е.Л. Дмитриева // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 4 (310). – С. 12–17.

128. Дружинина, А.В. Некоторые аспекты становления и развития индивидуально-гражданского типа права и государства в России / А.В. Дружиниа — Текст: непосредственный // Государство и право в XXI веке. – 2015. – № 2. – С. 12–16.

129. Дружинина, А.В. Правовое положение российских подданных в середине XIX века / А.В. Дружиниа //Государство и право в XXI веке. – 2015. – № 1. – С. 9–13.

130. Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / В. Л. Егоров. – М.: Наука, 1985. – 245 с.

131. Житенев, Т.Е. Ислам в России: вехи истории / Т.Е. Житинев — Текст: непосредственный // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 4. – С. 35–42.

132. Загидулин, И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. / И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 3–11.

133. Загидулин, И.К. Проект «Устава управления духовными делами магометан» 1867г. оренбургского муфтия С. Тевкелева / И.К. Загидуллин. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1. – С. 18–28.

134. Загидуллин, И.К. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского собрания (конец XVIII – начало XX века) /

И.К. Загидуллин // Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 1(31). – С. 185–188.

135. Загидуллин, И.К. Мусульманское духовенство в Крымском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст. – Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани. – 2009. – С. 90 – 94.

136. Загидуллин, И.К. «Докладная записка» И. Гаспринского 1894 г. / И.К. Загидуллин // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2017. – № 3/4. – С. 71–83.

137. Загидуллин, И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири / И.К. Загидуллин. – Казань: Казань: Татарское кн. изд-во, 2007. – 415 с.

138. Загидуллин, И.К. История одного эксперимента: русский образовательный ценз для кандидатов в муллы в Самарской губернии в 1872-1886 года / И.К. Загидуллин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. №3. – С. 60–63.

139. Загидуллин, И.К. Кампания меджлисов мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. / И.К. Загидуллин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 44–54.

140. Загидуллин, И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 год / И.К. Загидуллин // Научный Татарстан. – 2015. – № 3. – С. 5–32.

141. Загидуллин, И.К. Курултай мусульманского духовенства 1905 года в Уфе / И.К. Загидуллин // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 2. – С. 66–85.

142. Загидуллин, И.К. О проектах оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского по реформированию ОМДС в 1866—1877 гг. / И.К. Загидуллин // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. – С. 219–229.

143. Загидуллин, И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 года / И.К. Загидуллин // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2020. – № 10. – Т. 2. – С. 123–154.

144. Загидуллин, И.К. Превращение ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II / И.К. Загидуллин // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия». – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.103–109.

145. Загидуллин, И.К. Пятивременые и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания / И.К. Загидуллин // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 93–123.

146. Загидуллин, И.К. Русский образовательный ценз для кандидатов на должности мулл: разработка правовых основ нового курса в 1870-1880 годы / И.К. Загидуллин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2-1. – С. 101–103.

147. Загидуллин, И.К. Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. / И.К. Загидуллин // Научный Татарстан. – 2012. – № 1. – С. 63–75.

148. Загидуллин, И.К. Уфимский курултай 1905 года: монография/ И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 328 с.

149. Зулькарнаев, М., Байгильдин, В. Из истории мечетей Башкортостана / М. Зулькарнаев, В. Байгильдин // Ватандаш. – 2017. – № 11. – С. 53–66.

150. Ибнеева, Г.В. Екатерина II и городские сословия: опыт политического взаимодействия / Г.В. Ибнеева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2006. – № 41. – С. 176–193.

151. Ибрагимов, Г.А. Ислам, его происхождение и его классовая сущность / Г.А. Ибрагимов. – М.: ГАИЗ, 1940. – 112 с.

152. Иванов, В.А., Злыгостев, В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437) / В.А. Иванов, В.А. Злыгостев. – Уфа, Китап, 2021. – 272 с.

153. Иванов, И.А. Церковная политика Российского государства в XVIII веке: предпосылки и реализация (историко–правовой аспект) / И.А. Иванов // История государства и права. – 2008. – № 13. – С. 17– 19.

154. Измаилов, И.Л. Этнокультурная История Булгарии XII–XIII вв. По мусульманским эпитафийным памятникам периода Улуса Джучи / И.Л. Измайлов // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. №1 (39). – С. 283–290.

155. Измайлов, И.Л. Булгары: от племени к средневековому государству / И.Л. Измайлов // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – №1(27). – С. 178–185.

156. Измайолов, И., Усманов, М. Ислам в улусе Джучи / И. Измайолов, М. Усманов // История татар. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 604–607.

157. Исаев, М.А. История Российского государства и права / И.А. Исаев. –М.: Статут, 2012. – 838 с.

158. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, Ю.М. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. – Симферополь: Элиньо, 2009. – 432 с.

159. Ислам на территории бывшей Российской империи. Т. 1. – М.: Вост. лит., 2006. – 655 с.

160. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 2. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 167 с.

161. Ислам на Урале: энциклопедический словарь. – М.: Издательский дом «Медина», 2009. – 404 с.

162. Исламоведение / Э.Р. Кулиев, М.Ф. Муртазин, Р. М. Мухаметшин, и др.; под общ. ред. М. Ф. Муртазина. – М.: Изд-во Московского исламского университета, 2008. – 416 с.

163. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. – 416 с.

164. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. III. – Уфа: Гилем, 2011. – 476 с.

165. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. IV. – СПб.: Наука, 2011. – 400 с.

166. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. V. – Уфа.: Гилем, 2009. – 468 с.

167. Калмантаев, Н.М. Башкортостан в условиях Российской революции 1905-1907 гг. / Н.М. Калмантаев. – Уфа: Башк. ун-т, 2000. –75 с.

168. Калмантаев, Н.М. Башкортостан в начале XX в. 1900–1917 гг. / Н.М. Калмантаев. – Уфа: БашГУ, 2016. – 167 с.

169. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с.

170. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Том 2. История Башкортостана. XX век / Сост. И. Г. Акманов, С. Ф. Касимов. Под ред. И. Г. Акманова. – Уфа: Китап, 2006. –600 с.

171. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Том 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. / Под ред. И.Г. Акманова. – Уфа: Китап, 2004. – 488 с:

172. История Ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. – – Казань: Российский исламский институт, 2022. – 554 с.

173. Исхаков, Д.М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах Д.М. Исхаков. – Казань: Изд-во "Фэн" АН РТ, 2011. – 228 с.

174. Исхаков, С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.) / С.М. Исхаков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. – 592 с.

175. Ишеев, М. Исследование и публикация метрических книг мусульман Российской империи / М. Ишеев // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.tatargen.ru/muslim-registers.pdf. (Дата обращения 21.06.2024). – Текст электронный.

176. Ишемгулов, Б. Религиозные деятели во время контрреволюции: 10-летие Октября Б. Ишемгулов / Б. Ишемгулов. – Уфа, 1927. (на башк. яз.).

177. Ишемгулов, Б. Русское самодержавие и мусульманское духовное управление / Б. Ишемгулов. – Уфа,1930. (на тат. яз.).

178. Ишмухаметов, З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки) / З.А. Ишмухаметов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1979. – 224 с.

179. Казанцев, И. М. Описание башкирцев / И. Казанцев. – СПб: Тип. т-ва "Общественная польза", 1866. – 97 с.

180. Казем-Бек, М.М.А. Предисловие к книге «Мухтасар-уль-Викая» / М.М.А. Казем-Бек. – Казань: Издательство «Иман», 2002. – 64 с.

181. Каминский, Ф.А. Башкиро-мещерякское войско в конце XVIII – 60-х годах XIX века / Ф.А. Каминский // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 20. – С. 32–39.

182. Камнева, Г.П., Сотников, С.А., Сотников, А.А. Государственный строй эпохи Петра I (сословная реформа) / Г.П. Камнева, С.А. Сотников, А.А. Сотников // Забайкалье в эпоху петровских преобразований. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2023. – С. 27–37.

183. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви. / А. В. Карташев. Том II. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 495 с.

184. Касьянов, В.В., Петров, В.И. Православное и исламское духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX века. / В.В. Касьянов В.И. Петров // Историческая и социальнообразовательная мысль. – 2017. – Том. 9. – № 4. – Часть 2. – С. 31–39.

185. Касьянов, В.В., Петров, В.И. Социально-политическая характеристика российского общества XIX века (попытка макроисторического анализа) / В.В. Касьянов В.И. Петров // Историческая и социальнообразовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 1-1. – С. 108–113.

186. Кириллина, С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века / С.А. Кириллина. – Lewiston: Mellen press, Cop. 2000. – 466 с.

187. Климович, Л.И. Ислам в царской России: Очерки / Л. Климович. – Казань: Иман, 2003. – 225 с.

188. Климович, Л.И. Ислам в царской России: Очерки / Л. Климович. – Москва: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. – 406 с.

189. Клочков, В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР В. Клочков. – М.: Изд-во политической литературы, 1982. – 160 с.

190. Кныш, А.Д. Мусульманское реформаторство и политический ислам /А.Д. Кныш. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2019. – 143 с.

191. Кобзев, А.В. Татары-мусульмане Среднего Поволжья: этническая идентичность и слухи о насильственном крещении / А.В. Кобзев — Текст: непосредственный // Вестник Евразии. – 2004. – № 3. – С. 89–98.

192. Кобзев, А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Кобзев. – Н.Новгород: ИД. «Медина», 2007. – 430 с.

193. Коблов, Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар / Я.Д. Коблов. – Казань: Центр, тип., 1916. – 120 с.

194. Коблов, Я.Д. О магометанских муллах: религиозно-бытовой очерк / Я.Д. Коблов. – Казань: Центр. тип., 1907. – 17 с.

195. Коблов, Я.Д. О магометанских муллах: религиозно-бытовой очерк Я.Д. Коблов. – Казань: Издательство "Иман", 1998. – 26 с. — Текст: непосредственный.

196. Коблов, Я.Д. О татарских мусульманских праздниках / Я.Д. Коблов. – Казань: Центр, тип., 1907. – 42 с.

197. Коблов, Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные) / Я.Д. Коблов. – Казань: Тип. ун-та, 1908. – 50 с.

198. Ковалевский, А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. — Харьков: ХГУ, 1956. — 348 с.

199. Коноулин, В.Г., Рахматуллина, А.Р. Ислам в России (VIII–XXI вв.): Научно-популярное издание / В.Г. Коноулин, А.Р. Рахматуллина. – Новосибирск, 2008. – 260 с.

200. Константинова, Н.А. Система управления мусульманским населением Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Н.А. Константинова — Текст: непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4–2 (56). – С. 79–81.

201. Королева, Л.А., Королев, А.А. Исламский «ренессанс» (по материалам Среднего Поволжья): моногр. / Л.А. Королева, А.А. Королев. – Пенза: ПГУАС, 2013. – 168 с.

202. Корчагин, С.А. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган аккультурации исламского населения Российской империи в конце XVIII века / С.А. Корчагин // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2022. – Вып. 2 (23). – С. 140–150.

203. Круковский, М.А. Южный Урал: Путевые очерки: (С 140 фотогр. авт.) / М.А. Круковский. – М.: К.И. Тихомиров, 1909. – 311.

204. Кузеев, Р.Г. Историческая этнография башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. – 264 с.

205. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1974. – 569 с.

206. Кулбахтин, Н.М., Буканова, Р.Г. Территория, административные преобразования и население. Города Уфа и Оренбург — политические и экономические центры Башкортостана / Н.М. Кулбахтин, Р.Г. Буканова // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. III. – Уфа: Гилем, 2011. – С. 241–246.

207. Кулбахтин, Н.М., Сергеев, Ю.Н. Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в. / Н.М. Кулбахтин, Ю.Н. Сергеев // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период): межвуз. науч. сб. – Уфа: БашГУ, 1988. – С. 34–43.

208. Кулбахтина, А.З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков: монография / А.З. Кулбахтина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – 149 с.

209. Кулбахтина, А.З., Муратов, А.Э. Начальные этапы развития мусульманского образования на Южном Урале / А.З. Кулбахтина, А.Э. Муратов //

Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11. – № 2–3. – С. 29–38.

210. Кулиев, Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII - начале XX в. / Ф.М. Кулиев // Известия СОИГСИ. – 2015. – № 15(54). – С. 14–24.

211. Кульшарипов, М.М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.) / М.М. Кульшарипов. – Уфа: Китап, 2000. – 368 с.

212. Кульшарипов, М.М. Принятие башкирами ислама: Проблемы изучения и осмысления / М.М. Кульшарипов // История в лицах, личность в истории. Материалы Вторых Международных Усмановских чтений / Сост. И.М. Гвоздикова, М.Н. Фархшатов. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2013. – С. 149–161.

213. Кульшарипов, М.М. Открытие Духовного собрания мусульман в Уфе / М.М. Кульшарипов // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале (Дореволюционный период). – Уфа: БГУ, 1988. – С. 43–47.

214. Курбанов, М.А. К вопросу о взаимоотношениях власти и духовенства в Дагестане в XX веке / М.А. Курбанов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные наук – 2016. – № 4 (73). – С. 37–44.

215. Лавицкая, М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX в. / М.И. Лавицкая // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 8 (76). – С. 335–343.

216. Лавицкая, М.И., Мельников, А.В. Политико-правовые основы формирования элиты российского общества XVIII - начала XX веков / М.И. Лавицкая, А.В. Мельников // Среднеруский вестник общественных наук. – 2015. – № 1 (37). – С. 157–164.

217. Ланда, Р. История ислама в России / Р. Ланда // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 12. – С. 17–27.

218. Линец, С. И. История политических партий и движений в России / С. И. Линец В. П. Ермаков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 193 с.

219. Лопаткин, И.Н. Вхождение Южного Урала в состав Улуса Джучи / И.Н. Лопаткин. Известия высших учебных заведений // Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3 (63). – С. 5–19.

220. Лоссиевский, М.В. Кое что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем: [историческая справка] / М.В. Лоссиевский. – Уфа: Губернская Типография, 1903. – 16 с.

221. Лукманова, Х.Х. Национальная школа Башкортостана: история и перспективы / Х.Х. Лукманова. – М.: Высшая школа, 2003. – 191 с.

222. Лысенко, Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4–3 (68). – С. 146–152.

223. Мавлютова, Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. / Г.Ш. Мавлютова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 4 (43). – С. 175–183.

224. Магомедов, М. С., Магомедова, П. Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие / М. С. Магомедов, П. Магомедова // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 10. – С. 159–165.

225. Мажитов, Н. А. Происхождение башкир / Н.А. Мажитов // Археология и этнография башкир. – Уфа: БФАН СССР, 1971. – С. 11–16.

226. Мажитов, Н. А., Султанова, А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. – Уфа: Китап, 2009. – 492 с.

227. Маландин, В.В. Социальная структура российского общества и духовное сословие в XVII веке // Историческая наука и Российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей. Памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. – М., 2008. – С. 282–292.

228. Маликова, Г.Р. Историко-правовые вопросы развития института махалли / Г.Р. Маликова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 14 (343). Политические науки. Востоковедение. – Вып. 15. – С. 88–94.

229. Малов, Е. А. О татарских мечетях в России / Е. А. Малов. – Казань: Унив. тип., 1868. – 80 с.

230. Малов, Е. А. Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар / Е. А. Малов. – Казань, 1892. – 462.

231. Мамедов, К.Н. Права подданных в различные периоды существования российского абсолютизма / К.Н. Мамедов // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 1. – С. 10–14.

232. Манторов, А.А. Исламское право и шариат: превосходство и проблемы / А.А. Манторов // Теология: теория и практика. – 2022. – Т. 1. – № 3. – С. 70–83.

233. Марджани, Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробнее о предшественниках и приветствие потомкам) / Ш. Марджани. Публикация А.Н. Юзеева. – Казань: Иман, 1999. – 126 с.

234. Марджани, Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казань ва Булгар (на татар, яз. арабской графикой): в 2 т. / Ш. Марджани. Т. 1. – Казань: Тип-фия. ун-та, 1897. – 264 с.

235. Марджани, Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казань ва Булгар (на татар, яз. арабской графикой): в 2 т. / Ш. Марджани. Т. 2. – Казань Тип-фия. ун-та 1900. – 368 с.

236. Марджани, Ш. Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: (Источники по истории Казани и Булгара) / Ш. Марджани; Вступ. ст. Я. Г. Абдуллина, А. Н. Хайруллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 414.

237. Маслюженко, Д.Н. Процесс исламизации населения Юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. / Д.Н. Маслюженко // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 131–158.

238. Матвеев, К.П. История ислама / К.П. Матвеев. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. – 254 с.

239. Матвеев, С.М. О крещеных инородцах Уфимской епархии / С.М. Матвеев. – Уфа: Электр. губ. тип., 1910. – 57 с.

240. Машанов, М.А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам / М.А. Машанов. – Казань: журн. «Сотрудник братства свят. Гурия», 1910. – 132 с.

241. Меркушова, Е.С. К вопросу о правовом положении сословий в московском государстве (XV–XVI вв.) / Е.С. Меркушова // Наука молодых – будущее России. сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Т. 2. – Курск: Издательство: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 191–193.

242. Мигранова, Э.В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. / Э.В. Мигранова. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 493–507.

243. Миннуллин, И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. / И.Р. Миннуллин. – Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 220 с.

244. Мир-Багирзаде, С. Культурно-просветительская миссия Исмаила Гаспринского (1851-1914) / С. Мир-Багирадзе // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. – 2023. – № 1 (70). – С. 31–45.

245. Митрофанов, А.В. Русская православная церковь и её место в системе конфессиональных отношений Российской империи в период 1860-1890 гг. (на примере Среднего Поволжья) / А.В. Митрофанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 106–110.

246. Мозаффари, З. Ишаны-дервиши / З. Мозаффари. – Казань, 1930. – (на тат.яз.)

247. Моисеев, М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты / М.В. Моисеев // Quaestio Rossica. – Т. 4. – 2016. – № 1. – С. 37–54.

248. Муратов, А.Э. К вопросу о создании Оренбургского магометанского духовного собрания как важного направления государственной политики / А.Э. Муратов // Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира

Евразии / Ответ. ред. Азнабаев Б.А., Сулейманова М.Н. – Уфа: Башкирский государственный университете, 2016. – С. 147–150.

249. Муратов, А.Э. Уникальный архитектурный ансамбль села Килимово: «Белая мечеть» и дворец в стиле… / А.Э. Муратов // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (24 ноября 2023 г.). – Уфа: УУНиТ, 2023. – С. 21–23.

250. Муратов, А.Э. «Белая мечеть» села Килимово или камень – свидетель истории / А.Э. Муратов // Актуальные проблемы истории, этнологии, археологии и культуры Башкортостана / отв. ред. М.М. Кульшарипов, Б.В. Бурангулов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 122–125.

251. Муратов, А.Э. Зайнулла Расульев – «духовный лидер башкир» / А.Э. Муратов // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 6. – С. 26–31.

252. Муратов, А.Э., Багаутдинов, Р.О. Формы общественно-политической активности мусульман Уфимской губернии в 1905–1907 гг. / А.Э. Муратов, Р.О. Багаутдинов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2024. – Т. 24. – № 2 (66). – С. 123–134.

253. Муратов, А.Э. Нормы и законодательная практика в повседневной жизни мусульманских духовных лиц Оренбургской губернии в I половине XIX века/ А.Э. Муратов // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики» Серия гуманитарные науки. – 2024. № 12/3. – С. 37–43.

254. Муратов, А.Э. От частных школ до "Галия": как прогрессировало образования в башкирии XIX-XX веках/ А.Э. Муратов // Актуальные вопросы науки и образования (шифр -МКАВН). – 2024. – № 12. – С. 121–128.

255. Муратов, А.Э. Политика царизма в деле постановки просвещения мусульман края / А.Э. Муратов // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № s4. – С.22–29.

256. Муратов, А.Э. Отношение мусульманского духовенства к русско-башкирским школам в XIX веке / А.Э. Муратов // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № s8. – С.25–31.

257. Мусаев, М. Запрет на употребление алкоголя в Исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX вв. / М. Мусаев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 4. – С. 92–117.

258. Мухамадеев, А.Р. Мусульманская миссионерская деятельность волжских болгар (X – начало XIII века) / А.Р. Мухамадеев // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Отв. ред. М.Р. Нахаев. –Махачкала: Типография Алеф, 2018. – С. 266–270.

259. Мухаметзарипов, И.А. Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII – начале XX века / И.А. Мухаметзарипов // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 123. – С. 96–100.

260. Мухаметшин, Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Иман, 2000. – 160 с.

261. Мухаметшин, Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005. – 246 с.

262. Мухаметшин, Р. Татары и ислам в XX веке / Р. Мухаметшин. – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.

263. Мухетдинов, Д.В. История ислама в России / Д. В. Мухетдинов; под общ. ред. В. В. Трепавлова. – М.: ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019. – 296 с.

264. Мюллер, А.М., Рябова, А.Л., Саблина, М.А. Национальная политика Александра III / А.М. Мюллер, А.Л. Рябова, М.А. Саблина // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 11 (34). – С. 201–208.

265. Набиев, Р.А. От «автономии» Оренбургского магометанского духовного собрания к духовным управлениям постсоветского периода / Р.А. Набиев // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18

декабря 2009 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 118–140.

266. Нафиков, Д.А. Ханафитский мазхаб в Башкортостане – лучший путь искоренения экстремизм / Д. А. Нафиков // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма (г. Уфа, 24 мая 2017 г.) / Составители: Д.М. Абдрахманов, Ю.И. Малахов, Р.Р. Мухитдинова, З.Л. Сизоненко, Ш.Б. Эргашева. – Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. – С. 415–422.

267. Нигамаев, А., Хузин, Ф. Социально-политическое устройство. Общественные отношения / А. Нигамаев, Ф. Хузин // История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – С. 139–150.

268. Никольский, Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование / Д.П. Никольский. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1899. – 336 с.

269. Новосельцев, А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М.: Наука, 1990. – 262 с.

270. Ногманов, А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) / А.И. Ногманов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2023. – Т. 13. – №4. – С. 35–48.

271. Ногманов, А.И. Татары Волго-Уральского региона в царствование Николая I: Религиозный фактор в законодательной политике / А.И. Ногманов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 4. – С. 69–79.

272. Нуриев, Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве / Б.Д. Нуриев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015 –. Т. 21. – № 3. С. – 178–182.

273. Обухов, М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских школ (мектебов) Уфимской губернии в 1912–1913 гг. / Сост. М.И. Обухов. – Уфа: Уфим. губ. зем. управа, 1915. – 92 с.

274. Осипов, С.В. Первые шаги российского парламентаризма: борьба за народное представительство в 1904–1905 гг. С.В. Осипов. – Ульяновск: УЛГТУ, 2006. – 121 с.

275. Ососков, Г.В. Официальная идеология Российской империи XIX века «Православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) / Г.В. Ососков // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Том Выпуск 12, Часть 3. ИНИОН РАН. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва). – 2017. – С. 659–662.

276. Остроумов, Н.П. Исторический опыт взаимных отношений между христианством и мусульманством / Н.П. Остроумов. – СПб: тип. С.Е. Добродеева, 1888. – 75 с.

277. Остроумов, Н.П. Исламоведение: Введение в курс исламоведения / Н.П. Остроумов. – Ташкент: Туркест. вед., 1914. – 216 с.

278. Остроумов, Н.П. Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухамедан / Н.П. Остроумов. – Казань: типо-лит. Ун-та, 1894. – 317 с.

279. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, – 1956. – 303 с.

280. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. – Уфа: Башкнигоиздат, 1959. – 539 с.

281. Очерки по методике преподавания русского и родных языков в национальной школе / ред. действительный член АПН РСФСР Н.К. Дмитриев, проф. В.М. Чистяков. – М.: изд. АПН РСФСР, 1954. – 248 с.

282. Паин, Э.А. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2015. – № 2. – С. 54–71.

283. Панфилова, Е.В. Материальное обеспечение приходского священника в конце XIX – начале XX веков / Е.В. Панфилова // Наука, образование и культура. – 2017. – № 4 (19). – С. 23–26.

284. Петренко, Н.Н. Динамика этноконфессионального состава населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX в. / Н.Н. Петренко // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 61–72.

285. Петров, В.И. Духовенство среднего Поволжья и Южного Урала в пореформенный период / В.И. Петров // Теория и практика общественного развития. – 2010, № 4. – С. 230–233.

286. Пинкевич, В.К., Золотых, С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века / В.К. Пинкевич, С.В. Золотых // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2019. – № 1. – С. 20–25.

287. Пичугин, А.Б. Ислам как фактор формирования государственности Волжской Булгарии / А.Б. Пичугин // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 24. – С. 150–152.

288. Побережников, И. В. Роль слухов в социальных конфликтах (волнения мусульманских народов Поволжья и Приуралья в 1878-1879 гг.) / И. В. Побережников // Четвертые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 183–188.

289. Последний император Николай Романов. 1894–1917 гг. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 240 с.

290. Почекаев, Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде / Р.Ю. Почекаев // Правоведение. 2004. – № 2. – С. 217–233.

291. Почекаев, Р.Ю. Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и постордынских государств / Р.Ю. Почекаев // Золотоордынское обозрение. – 2016. – № 1. – С. 115–128.

292. Путин отметил важность развития российской исламской богословской школы // Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:https://tass.ru/obschestvo/4900658. (Дата обращения 21.05.2024). – Тескт: элетронный.

293. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработан Центральным статистическим комитетом министра внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – СПб: тип. СПб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов. 1901. – 39 с.

294. Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) / Б.Р. Рахимзянов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. – 207 с.

295. Рахимов, К.Р. Условия возникновения суфизма в Центральной Азии / К.Р. Рахимов // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 5–17.

296. Рахматуллина, З.Н. Доисламские религиозные верования и ислам у башкир / З.Н. Рахматуллина // Правовое государство: теория и право. – 2015. – № 3 (41). – С. 54–60.

297. Ризаэддин бине Фәхреддин «Җәвамигуль-кәлим» шәрхе / Ризаэддин бине Фәхреддин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. – 552 б.

298. Роднов, М.И. Сельский мулла / М.И. Роднов // Река времени: сборник статей / Отв. ред. М.И. Роднов. – Уфа: ООО ДизайнПолиграфСервис, 2005. – С. 25–72.

299. Руденко, С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. – 394 с.

300. Рудник, С.Н.Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России / С.Н. Рудник // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. – 2016. – № 1 (09). – С. 14–25.

301. Рыбаков, С.Г. Статистика мусульман в России / С.Г. Рыбаков // Мир ислама. – 1913. – Т. 2. – Вып. XI. – С. 758–759.

302. Рыбаков, С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта / С.Г. Рыбаков. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. – 330 с.

303. Рыбаков, С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / С.Г. Рыбаков. – Пг.: Тип. С. Самойдова, 1917. – 56 с.

304. Салахова, Э.К. Мусульманские метрические книги России / Э.К. Салахова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. – № 1. – С. 81–96.

305. Салаходинова, Г.В. Политика российского правительства в отношении мусульманского духовенства Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Г.В. Салаходинова // Вестник Адыгского университета. – 2006. – № 4. – С. 47–50.

306. Салих, Н.Р. Суфийские историко-культурные памятники в Башкортостане: на основе материалов архивных фондов арабографичных рукописей г. Уфы / Н.Р. Салих // Minbar. Islamic Studies. – 2022. – 15(4). – С. 795–806.

307. Салих, Н.Р. Арабографичные рукописные произведения по корановедению в истории мусульманских народов Республики Башкортостан / Н.Р. Салих // Исламоведение. – 2022. – Т. – 13. – № 2 (52). – С. 121–127.

308. Салих, Н.Р. Роль арабографичных печатных изданий в распространении обновленческо-реформаторских идей среди мусульман западного Приуралья и Южного Урала в 80-х годах XIX - начала XX вв. / Н.Р. Салих // Клио. – 2023. – № 11 (203). – С. 75–79.

309. Салих, Н.Р. Роль арабографичных рукописей в развитии системы мусульманского образования на Южном Урале в XVIII–XIX вв. / Н.Р. Салих // Вопросы истории. – 2021. – № 10–2. – С. 235–244.

310. Самигулин, И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина / И.М. Самигулин // Историческая этнология. – 2020. – Т. 5. – № 1. – С. 151–179.

311. Самсонов, Н.В. Правовая политика московского государства по отношению к мусульманам во второй половине XVI – середине XVII вв. / Н.В. Самсонов // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 28–30.

312. Сатушиева, Л.Х. Процесс правового оформления статуса мусульман в Российской империи в первой половине XIX века и его особенности на Кавказе / Л.Х. Сатушиева // Юридическая наука. – 2018. – № 2. – С. 89–95.

313. Сенюткина, О.Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) / О.Н Сенюткина // Исламоведение. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 15–29.

314. Сергеев, Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI – середина XIX в.) / Ю.Н. Сергеев. – Уфа: БГУ, 1996. – 74 с.

315. Сергеев, Ю.Н. Религиозные верования народов Башкортостана / Ю.Н. Сергеев // Очерки по культуре народов Башкортостана. – Уфа: Башк. изд-во Китап, 1994. – С. 72–73.

316. Сидоренко, В.А. Принятие религии Ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом, по документальным сведениям, Абд аз-Захира / В.А. Сидоренко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – Вып. XXV. – С. 513–559.

317. Сколько мусульман в России? // Академия Медина.URL: https://medinaschool.org/library/obshestvo/istoriya-islama/skolko-musulman-v-rossii. (Дата обращения 21.05.2024). – Текст: электронный.

318. Смирнов, А.П. Волжские булгары / А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1951. – 277 с.

319. Сосновских, А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в российской империи / А.В. Сосновских // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 1(14). – С. 205–207.

320. Софронов, В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII начале XX в. / В.Ю. Софронов // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4-2 (56). – С. 138–144.

321. Сочнев, Ю.В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII–XIV вв. / Ю.В. Сочнев // Мининские чтения.

Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет (10 декабря 2002 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – С. 59–68.

322. Справка о ЦДУМ России // Официальный сайт Центрального духовного управления мусульман России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cdum.ru/about/index.php. (Дата обращения 15.05.2024). –Текст: электронный.

323. Старостин Н.А. К вопросу о реконструкции социального облика имамов Урала в дореволюционный период [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // https://idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/starostin.htm#123 (Дата обращения 23.07.2024). – Текст: электронный.

324. Столяров, Н.С. Либеральные реформы Александра II и современность / Н.С. Столяров // Вестник РУДН. Серия: государственное и муниципальное управление. – 2018. – Том 5. – № 4. – С. 433–443.

325. Сулаев, И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.) / И.Х. Сулаев. – Махачкала: Деловой мир, 2004. –184 с.

326. Сулейманова, Ю.Ф. Политика российских властей по отношению к мусульманам на Южном Урале в 30–50-е гг. XVIII в. / Ю.Ф. Сулейманова // Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания: материалы межрегион. научно-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. – С.57–63.

327. Сулейманова, Ю.Ф. Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии в XIX веке: проблемы взаимоотношений / Ю.Ф. Сулейманова // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2012. – № 1. – С. 24–34.

328. Султангалиева, Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) / Г. Султангалиева // Вестник Евразии. – 2000. – № 4 (11). – С. 20–36.

329. Сызранов, А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность: монография / А. В. Сызранов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 181 с.

330. Терюкова, Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII – начало XX вв.) / Е.А. Терюкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С.204–208.

331. Титова, А.А. Сословная и профессиональная структура городского населения Курской губернии в конце XIX - начале XX вв. / А.А. Титова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. – 2013. – Выпуск 25. – № 1 (144). – С. 109–115.

332. Тычинских, З.А. Тобольские ахуны в XVI–XVIII вв. / З.А. Тычинских // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 7. – С. 52–58.

333. Усманов, М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульман ское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI веков / М.А. Усманов // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М.: Наука, 1985. – С.177–185.

334. Усманова, Д.М. Механизм реализации норм мусульманского права в Российской империи к вопросу о метрикации мусульманского населения Волго-Уральского региона на рубеже XIX-XX вв. / М.А. Усманов // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. II / Сост. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. – М.: РУДН, 2004. – С. 40–53.

335. Усманова, Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в Российской империи? / М.А. Усманов // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Том 155. – Кн. 3. – Ч. 1. - С. 113–124.

336. Усманова, Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 / М.А. Усманова. – Казань: Фэн, 2005. – 584 с.

337. Усманова, Д.М. Первый Всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие / Д.М. Усманова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 3. – С. 24–50.

338. Усманова, Д.М., Михайлов, А.Ю. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона) / Д.М. Усманова, А.Ю. Михайлов. – Казань: Яз, 2014. – 188 с.

339. Ушаков, Ю.Н. Военные реформы Д.А. Милютина / Ю.Н. Ушаков // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2004. – № 12. – С. 158–159.

340. Фабричная, Т.Б. О некоторых аспектах семейного законодательства РСФСР в 1917-1926 годах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 55–59.

341. Фаизов, Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье / Г.Б. Фаизов. – Уфа: УНЦ РАН, 1995. – 111 с.

342. Фаизов, Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография Г.Б. Фаизов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 116 с.

343. Фархшатов, М.Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872–1917): Власть и суфизм в пореформенной Башкирии: Сборник документов / Сост., автор предисл., введения, коммент., прим., указ. и глоссария М.Н. Фархшатов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 356 с.

344. Фархшатов, М.Н. Мусульманское духовенство / М.Н. Фархшатов // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т 1. – М.: «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 286–292.

345. Фархшатов, М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. / М.Н. Фархшатов. – М.: Наука, 1994. – 144 с.

346. Фахруддин, Р. Асар / Р. Фахруддин. Т. 1. – Казань: Рухият, 2006. – 359 с.

347. Филоненко, В.И. Башкиры / В. Филоненко. – Уфа: электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. — 75 с.

348. Фильштинский, И.М. История арабов и халифата (750–1517 гг.) / И.М. Фильштинский. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 349 с.

349. Фирсов, Н.А. Фирсов, Николай Алексеевич. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель / Н. А. Фирсов. – Казань, 1870. – 448 с.

350. Фэхреддин Ризаэддин Асар / Ризаэддин Фэхреддин. 2 том. – Казань: Рухият, 2009. – 304 б.

351. Фэхреддин Ризаэддин Асар / Ризаэддин Фэхреддин. Асар. 3, 4 том. – Казань: Рухият, 2010. – 648 с.

352. Фэхреддин Ризаэддин Асар / Ризаэддин Фэхреддин. Т.1 – Казан: Рухият, 2006. – 360 с.

353. Хабибуллина, З.Р. Мусульманское духовенство в республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. – Уфа: Мир печати, 2015. – 218 с.

354. Хабутдинов, А.Ю. Религиозные деятели в общественном движении мусульман Волго– Уральского региона в 1917 г. / А.Ю. Хабутдинов // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 133–146.

355. Хабутдинов, А.Ю. Эволюция института шариатских судей (казыев) у мусульман Волго-Уральского региона в конце XVIII – начале XXI вв. / А.Ю. Хабутдинов // Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 3 (33) – С. 245–248.

356. Хайрединова, З.З. Роль первых таврических муфтиев и проблемы интеграции мусульманского населения Крыма в состав России (1783 – 1830 гг.) / З.З. Хайрединова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1 (65). – С. 66–71.

357. Хакимов, Р.Ш. Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий (Научное издание) / Р. Ш. Хакимов. – Челябинск, 2013. –711 с.

358. Хакимова, Р.Р. Первые мероприятия советской власти в отношении исламского вероисповедания на территории Южного Урала (1917–1930-е годы) / Р.Р. Хакимова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – 2008. – Вып. 24. – № 15 (116). – С. 113–117.

359. Халиков, А.Х. Татарский народ и его предки / А.Х. Халиков. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. – 222 с.

360. Халифаева, А.К., Джалалова, С.М. Роль кадия в судебных и административных органах Дагестана в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) / А.К. Халифаева, С.М. Джалалова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 30–33.

361. Харитонова, Н.Г., Кутилова Л.А. История России. Дворцовые перевороты: к характеристике эпохи / Н.Г. Харитонова, Л.А. Кутилова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 149 с.

362. Харламов, П.В. Золотоордынские кирпичные мавзолеи западного Оренбуржья / П.В. Харламов // Археология евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 193–196.

363. Хасанова, А.Г. Мусульманские образовательные учреждения в Уфимской губернии / А.Г. Хасанова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2021. – № 2 (36). – С. 118–122.

364. Худяков, М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923) / М.Г. Худяков. – М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. – 320 с.

365. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении / В.М. Черемшанский. – Уфа: Изд. иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1859. – 472 с.

366. Чернова, Т.А. Конфессиональные аспекты русско-башкирских отношений в середине XVI века / Т.А. Чернова // Вестник Челябинского

государственного университета. – 2013. – № 30 (321). История. – Вып. 57. – С. 69–74.

367. Чернова, Т.А. Формирование принципов правового взаимоотношения российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. / Т.А. Чернова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 69–75.

368. Шайхиев, Р.А. Роль мусульманского духовенства в жизни татарского общества в XVII–XIX веках / Р.А. Шайхиев // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М.: Наука, 1985. С. 186–190.

369. Шамаев, А.М. Исторические аспекты исламизации Северного Кавказа (VII–XIX вв.) / А.М. Шамаев // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 3. – С. 15–23.

370. Шангараев, Р.Р. История ислама и мусульманских народов России. Хрестоматия / Р.Р. Шангараев. – Казань: ИД «МеДДоК», 2020. – 308 с.

371. Шаруда, А.А., Ярмонова, В.В., Хабибулина, Е.Б. Контрреформы Александра III. Содержание, особенности, итоги / А.А. Шаруда В.В. Ярмонова, Е.Б. Хабибулина // Инновационная наука. – 2021. – № 3. – С. 67–73.

372. Шодманкулов, И.П., Эрназарова, Н.Д. История Узбекистана. Ч. I (с древнейших времен до середины XIX в.) / И.П. Шодманкулов Н.Д. Эрназарова. – Ташкент, 2011. – 557 с.

373. Эфиров, А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки / А.Ф. Эфиров. – М.: Учпедгиз, 1948. – 280 с.

374. Юлдашбаев, Б.Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период) / Ю.Х. Юлдашбаев. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. – 336 с.

375. Юнусова, А.Б. Ислам / А.Б. Юнусова // Башкиры отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. – М.: Наука, 2016. – С. 495–511.

376. Юнусова, А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994 / А.Б. Юнусова. – Уфа: ВЭГУ, 1994. – 150 с.

377. Юнусова, А.Б. Ислам в Башкортостане / А.Б. Юнусова. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

378. Юнусова, А.Б. Ислам в Башкортостане. Религии: Ислам / А.Б. Юнусова. – М.: Логос, 2007. – 91с.

379. Юсупов, Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику / Г.В. Юсупов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 165 с.

380. Юсупов, Р.М. Социальная структура башкирского общества / Р.М. Юсупов // История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. – С. 249–259.

381. Якупов, Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности / Р.И. Якупов. – Москва: Старый сад, 2001. – 268 с.,

382. Ямаева, Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний) / Л.А. Ямаева. Уфа: Гилем, 2002. – 300 с.

383. Ямаева, Л.А. Участие башкир в общемусульманском общественно-политическом движении начала XX в. / Л.А. Ямаева // Проблемы Востоковедения. – 2010. – № 1 (47). – С. 51–57.

384. Ярлыкапов, А.А. Ислам у степных ногайцев / А.А. Ярлыкапов. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 266 с.

385. Ясько, Т.Н. Первая русская революция 1905–1907 гг. / Т.Н. Ясько // Россия и АТР. – 2005. – № 4. – С. 153–156.

3.Зарубежная литература:

1. Battal-Taymas, A. Türk dünyasinda usulü cedid hareketi // Türk Kültürü. – 1964. – T. 2. – № 18. – S. 119–125

2. Hablemitoglu, Dr. Necip. Carlik Rusyasi'nda Turk kongreleri (1905-1917) / Dr. Necip Hablemitoglu. – Ankara, 1997. – 49 b.

3. Werth, P. The tsar’s foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in imperial Russia. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2014. – XVI, – 288 p.

4. Верт, П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пол Верт; перевод с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора; научный ред. перевода М. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.

5. Кемпер, Михаэль. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане [1789-1889]. Исламский дискурс под русским господством / Перевод с нем. / Михаэль Кемпер. – Казань: Рос. исламский ун-т, 2008. – 675 с.

6. Наганава, Норихито Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. / Норихито Наганава // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (27-28 сентября 2005 г., г. Казань). – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 101–128.

7. Франк, Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. с английского / Ален Дж. Франк. – Казань: Рос. исламский ун-т, 2008. – 226 с.

4. Диссертации и авторефераты

1. Абдуллин, Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII-начало XX вв. Автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Абдуллин Халим Миннуллович. –Казань, 2007. – 23 с.

2. Арапов, Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX вв. Автореферат диссертации … доктора исторических наук / Дмитрий Юрьевич Арапов. – Москва, 2005. – 59 с.

3. Бускунов, А.М. История развития общественно-политической мысли Башкортостана. Диссертация ... доктора исторических наук/ Бускунов Ахтар Мухаметович / Уфа 2012—485 с.

4. Валишина, А.Н. Мусульманские школы Оренбургской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. диссертация … кандидата исторических наук / Валишина Альфия Нажиповна. – Уфа. 2009. – 200 с.

5. Гарипов, Н.К. Политика российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук/ Наиль Камиливич Гарипов. – Казань, 2002. – 23 с.

6. Карпенкова, Т. В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.). Автореферат диссертации. … доктора исторических наук / Карпенкова Таисия Викторовна. –М., 2004. – 35 с.

7. Константинова, Н.А. Мусульмане на территории Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX веков. Диссертация … кандидата исторических наук / Константинова Наталья Александровна – Иркутск, 2007. – 222 с.

8. Кулбахтина, А.З. Реформирование традиционной школы мусульман в Башкирии на рубеже XIX-XX веков. Диссертация ... кандидата исторических наук / Кулбахтина Айгуль Зинуровна. – Уфа, 2010. – 229 с.

9. Любимов, А. Г. Создание и деятельность Духовных правлений на Южном Урале в XVIII веке. Диссертация ... кандидата исторических наук/ Любимов Андрей Григорьевич. – Челябинск, 2021. – 188 с.

10. Маликов, Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. Диссертация ... кандидата исторических наук/ Рашид Ильязович Маликов. –Казань, 2012. – 229 с.

11. Маликов, Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX - начале XX вв. Автореферат диссертации ...

кандидата исторических наук / Рашид Ильязович Маликов. – Казань, 2012. – 28 с.

12. Марченко, О.Е. Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и Степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920–1930-х гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Марченко Олег Евгеньевич. – Ставрополь, 2008. – 22 с.

13. Миннуллин, И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Ильнур Рафаэлевич Миннуллин. –Казань, 2003. – 24 с.

14. Сулаев, И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений: 1917-1991 гг. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук / Иманутдин Хабибович Сулаев. – Махачкала, 2010. – 55 с.

15. Усманова, Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук / Диляра Миркасымовна Усманова. – Казань, 2004. – 56 с.

16. Хабибуллина, З.Р. Мусульманское духовенство Башкортостана на рубеже XX–XXI веков. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Зиля Рашитовна Хабибуллина. – Ижевск, 2012. – 22 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Карта Уфимской губернии по состоянию на 1909 г.

Рис. 2. Здание Оренбургского магометанского духовного собрания. Начало XX в.

Рис. 3. Мавзолей Хусейн-бека в Чишминском районе РБ.
Фото 1970-е гг.

Рис. 4. Скульптурная антропологическая реконструкция лица по черепу мужчины из мавзолея Хусейн бека. Автор А. Нечвалода.

Рис. 5. Мухамедьяр Султанов. 6-й Муфтий, Председатель ОМДС
(2 января 1886 г. – 12 июня 1915 г.).

Рис. 6. Мухаммат-Сафа Баязитов. 6-й Муфтий, Председатель ОМДС
(28 июля 1915 г. – 22 марта 1917 г.).

Рис. 7. Круковский М.А. Похороны. Башкиры. Россия, Челябинская область, город Троицк (Уфимская губ.). 1908 г. (с сайта МАЭ РАН)

Рис. 8. Круковский М.А. Муллы. Мещеряки. Россия, Башкортостан республика, Учалинский р-он, Сафарово д. (Оренбургская губ.). 1908 г. (с сайта МАЭ РАН)